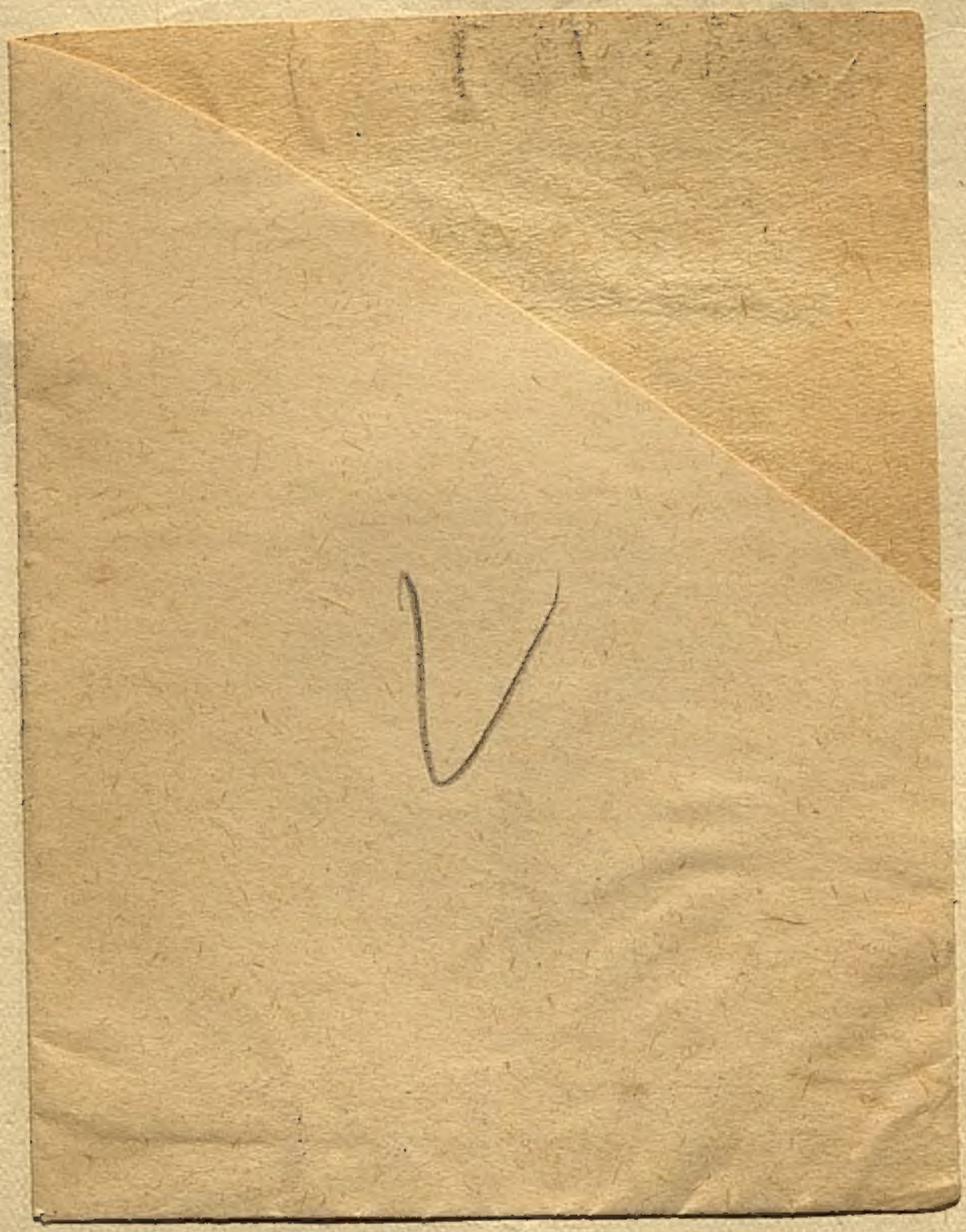
91 П
Б-43

М. БЕЛОВ

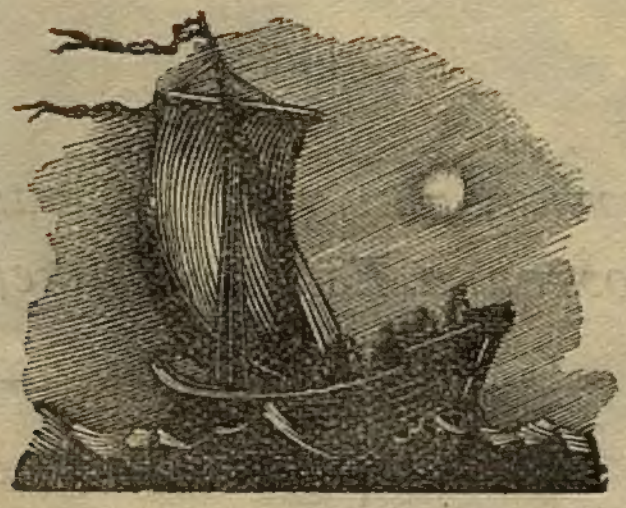
Семен Дежнев



ПРОВЕРЕНО 51 г.

М. И. БЕЛОВ

Семён Дежнев



1648–1948

К ТРЕХСОТЛЕТИЮ
ОТКРЫТИЯ ПРОЛИВА
МЕЖДУ АЗИЕЙ И АМЕРИКОЙ

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА
ГШ ВМС СССР

ПРОВЕРЕНО 2015

ПРОВЕРЕНО 19[illegible] г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
1948

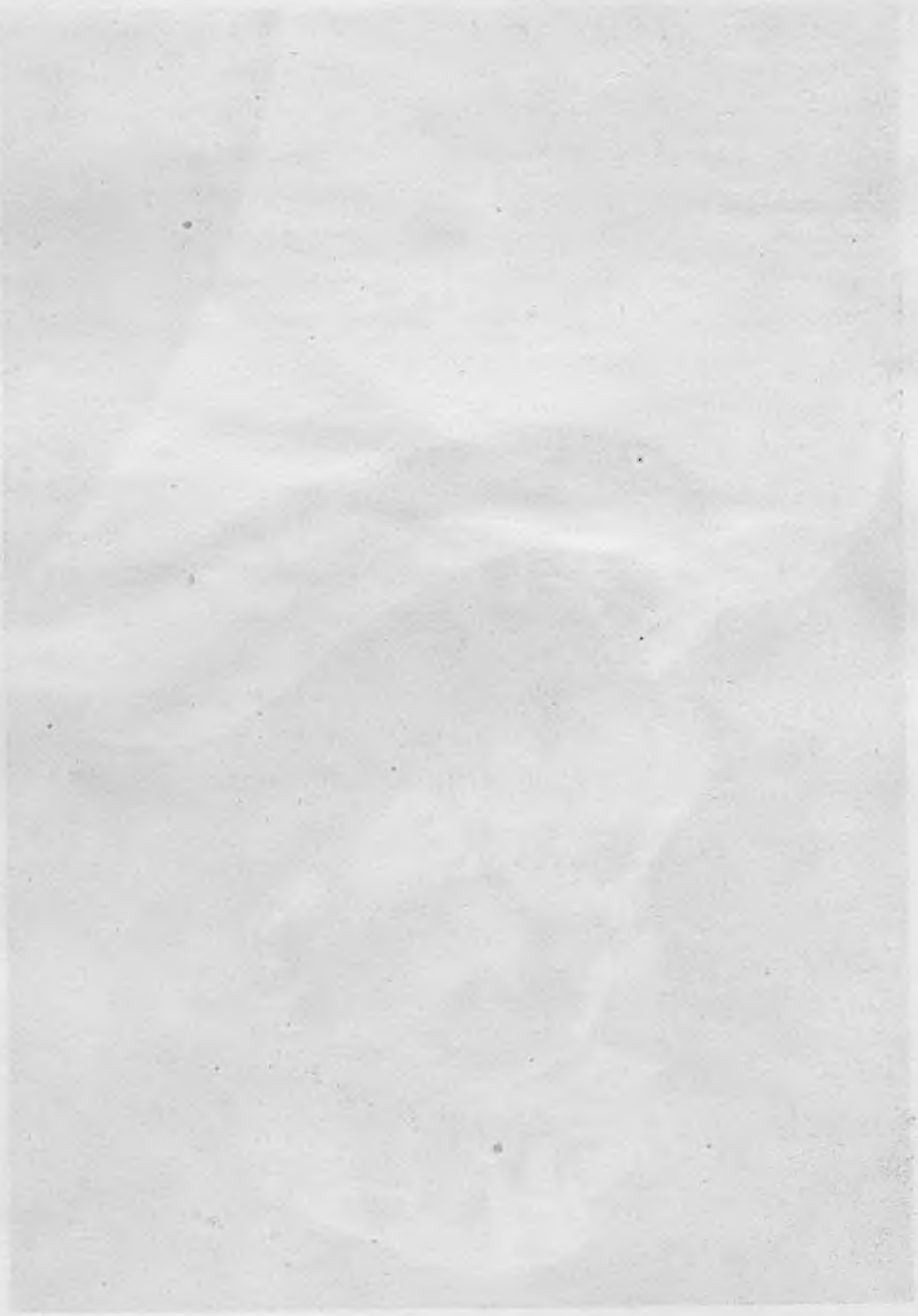
91
Б-43
ПРОВЕРЕНО 54 г.
ПРОВЕРЕНО 1960 г.

Обложка, титул и заставка художника Евг. Бургункера

КАНКИФ
Центральной ВМБ
Проверено 2012

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

Скульптура Б. Н. Бродского



Триста лет назад русский казак Семен Иванов Дежнев с группой своих товарищей совершил историческое плавание из Ледовитого океана в Тихий, доказав тем самым существование пролива между Азией и Америкой и решив великую географическую задачу, которая на протяжении нескольких столетий занимала умы ученых.

Еще в средние века некоторые географы высказывали предположение, что европейско-азиатский материк омывается на севере большим морем, переходящим на стыке двух частей света — Азии и Америки, — в узкий пролив, которому было присвоено имя Аниан. Такое представление основывалось главным образом на общекосмографических воззрениях о распределении воды и суши: раз на юге был Магелланов пролив, на севере должен был быть пролив Анианский. Конечно никто достоверно этого не знал. Вот почему немало было и таких географов, которые утверждали, что Азия и Америка — единый материк.

Плавание казака Дежнева не оставило сомнений в том, что Азия не соединяется с Америкой. Так же как Колумб открыл Новый Свет, так Дежнев доказал, что этот Новый Свет является самостоятельным континентом. Вот почему в истории географических открытий имя Семена Иванова Дежнева по праву стоит в одном ряду с именами Колумба и Магеллана.

Однако прошло не мало времени, прежде чем подвиг Дежнева стал достоянием науки. Отчасти это объясняется тем, что документы об открытии пролива,

ныне носящего имя капитан-командора русского флота Ивана (Витуса) Беринга, проплывшего по нему спустя 80 лет после Дежнева, оставались неизвестными до 1736 года, когда некоторые из них были обнаружены в архиве Якутской областной канцелярии членом Российской Академии Наук Ф. Миллером. В 1758 году Миллер сделал сообщение о своем открытии [1], но подлинные документы пролежали в архиве еще 140 лет.

Материалы о жизни и деятельности Дежнева стали известны лишь благодаря энергии члена Русского географического общества Н. Н. Оглоблина, разыскавшего в Сибирском приказе и опубликовавшего в 1890 году подлинные челобитные Дежнева [2].

После Великой Октябрьской социалистической революции началось настоящее изучение истории народных масс. Имя казака Семена Дежнева заняло принадлежащее ему место среди великих имен русского народа.

Дежнев жил в эпоху великих русских географических открытий, эпоху, когда доблестью и трудами промышленных, торговых и служилых людей — выходцев из низов народа — к Московскому государству была присоединена Сибирь, страна, по своим размерам в два раза превосходящая Западную Европу. В кратчайшие с точки зрения истории сроки, за несколько десятилетий, восточные границы Московского государства отодвинулись от Уральского хребта на тысячи километров, а в русское подданство вошли сотни народностей и племен, живших между Карским морем и Монголией, рекой Обью и Тихим океаном. Жестокой расправе подверглись те из них, которые не пожелали стать данниками московского царя. Тем не менее открытие и завоевание русскими Сибири было событием положительным и исторически прогрессивным. Русские принесли сибирским народностям, на несколько веков отставшим от них в своем развитии, высокую материальную и духовную культуру. Они познакомили коренных жителей Сибири с земледелием, с огнестрельным оружием, способствовали всестороннему развитию производительных сил.

Товарищ Сталин в тезисах к XII съезду РКП(б) отмечал, что процесс хозяйственного сближения народов и постепенного объединения громадных территорий в одно связное целое в условиях капитализма является процессом прогрессивным, хотя он развивается в своеобразных формах, которые совершенно не соответствуют его внутреннему историческому смыслу. Как характерную особенность этого процесса товарищ Сталин отметил, что он проходит «не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другими, в порядке угнетения и эксплоатации народов менее развитых народами более развитыми» [1].

История завоевания Сибири XVII—XIX веков характерна для Московского государства. Несмотря на то, что завоевание территории и подчинение народов Сибири сопровождалось многими жестокостями, они ни в какое сравнение не могли итти с тем, что принесли коренным народам Америки, Вест- и Ост-Индии, Австралии, Океании западно-европейские конквистадоры. Европейскую конквисту интересовал прежде всего грабеж, присвоение золота и других богатств; в конечном счете кровавая эпопея колониальных захватов приводила к уничтожению коренного населения. Русское государство было заинтересовано в сборе пушной дани. Оно вовсе не стремилось уничтожать коренных насельников Сибири. Вот почему сразу же после того, как кончалось «замирение инородцев», представители Московского государства принимали все меры к тому, чтобы установить с ними добрососедские отношения, поощрять развитие пушного промысла и, следовательно, обеспечить постоянное пополнение казны драгоценными мехами.

Семен Дежнев был одним из видных деятелей русской колонизации.

Настоящий очерк о жизни и деятельности Дежнева и его ближайших соратников написан на основе изучения архивных материалов, многие из которых до

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. 1937, стр. 103.

сих пор еще не были использованы историками. Ограниченный размер книжки и то, что она рассчитана на широкие читательские круги, не позволили автору более детально разобрать ряд неточных и ошибочных высказываний, встречающихся в ранее изданной литературе о Дежневе и русских землепроходцах XVII—XVIII веков.

СИБИРЬ В XVII ВЕКЕ

Сведения о зауральских землях, богатых пушным зверем, проникали на Русь еще в глубокой древности. В XI—XIII веках новгородские дружины переходили через «Камень» (так русские называли горы, горные хребты, в частности Уральские). В XV веке московские великие князья предприняли ряд военных походов за Уральский хребет и собирали дань с самоедских племен, живших по нижнему течению рек Оби и Енисея. Уже в сказании «О человецах незнаемых в восточной стороне» (конец XV века), принадлежащем перу новгородца, изложены разнообразные данные о народах Зауралья [3]. Кстати здесь впервые упоми-

нается сказочно-богатая соболями страна Мангазея. И все же до второй половины XVI века лишь отдельным русским отрядам удалось побывать за «Камнем». Движение в Сибирь еще не стало массовым.

Положение коренным образом изменилось к концу царствования Ивана Грозного. В этот период Московское государство установило через Белое море регулярные торговые связи с западно-европейскими странами. Со второй половины XVI века все большее значение во внешней русской торговле приобретает пушнина. Меха шли не только на запад, но и в восточные страны. По сведениям англичанина Флетчера, «купцы турецкие, персидские, бухарские, армянские и некоторые иные из христианских стран» вывозили из России мехов на огромные суммы [4].

Слухи о пушных богатствах «полуночных стран», где из туч на землю падают молодые «веверицы» и «оленцы малы» [1], разжигали аппетиты населения Русского Севера и Приуралья.

Спасаясь от гнета князей и бояр, сюда непрерывно бежали крестьяне из центральных областей. Еще в XIV веке они густо расселялись по Печоре, Двине и Сухоне, где выросли крупные торгово-промышленные поморские города — Холмогоры, Вологда, Устюг Великий, Мезень, Пустоозеро, Кевроль. Крепко обосновались русские на Северном Урале.

Отсюда, из уральских и поморских городов, и началось движение «встреч солнцу» — на восток, в легендарную, баснословно-богатую соболями Сибирь. Первыми шли туда смелые и предприимчивые промышленники и торговые люди. По их следам двигались служилые люди — казаки.

В конце XVI века начало завоеванию Сибири положил поход Ермака. В 1580 году Ермак, находившийся на службе у богатых купцов и промышленников Строгановых, с небольшой дружиной напал на Сибирское царство Кучума, выделившееся в самостоя-

---

[1] Веверица — по Далю старинное наименование пушного зверька, которым платили дань, вероятно, ласочки, горностаи или белки (векши). Оленцы малы — шкурки молодых оленей.

тельное государство после распада Золотой Орды. Это было карательное предприятие, так как русских поселенцев издавна тревожили нападения татар. Оно увенчалось неожиданным успехом. Вассалы Кучума, мурзы и беи, при первых же его поражениях, стали переходить на сторону русских. Брошенный татарской знатью, Кучум с населением своей столицы Искер вынужден был покинуть Сибирь и отойти в степи. Но успех Ермака не был закреплен. После гибели Ермака Сибирское царство вновь захватили сыновья и племянники Кучума.

Случайные военные походы не могли решить задачу присоединения огромных сибирских территорий к Московскому государству. Москва понимала это. Пришло время вести планомерное освоение и заселение Сибири. По великому «чересКаменному» сибирскому пути и дальше по мере продвижения русских в глубь Сибири стали строиться опорные пункты, возникали города, заводились пашни. В 80-х годах на реке Туре был заложен город Тюмень, а через несколько лет построены города Тара и Верхотурье. На месте столицы сибирских ханов вырос столичный город Сибири — Тобольск. Вокруг царства Кучума год от года сжималось кольцо, и вскоре, взорванное внутренними неполадками, это непрочное объединение окончательно распалось. Падение Кучумовского царства открыло русским дорогу на восток, на север и в центр Сибири. Дальнейшее освоение ее было делом времени.

Основная масса перешедших за Урал людей принадлежала к торгово-промышленному люду русского Поморья. Это были ремесленники и купцы, посадские люди и ярыжки [1] — мезенцы, двиняне, устюжане, кевролъцы, вологжане, пустоозерцы. Их манила в Сибирь драгоценная «рухлядь» — пушнина, и прежде всего соболь. Ради него они предпринимали опасные походы, совершали трудные плавания, бились на-смерть с местным населением, безвестно гибли в далеких странах.

Еще в конце XVI века поморы, перейдя за «Ка-

---

[1] Ярыжка—мелкий земский служитель.

мень» через его северные отроги, а также по морю, обосновались в низовьях рек Оби и Таза — в Мангазейской земле, откуда драгоценная пушнина вывозилась на архангельский рынок для продажи и обмена на «немецкие товары».

Слава о богатствах Мангазеи шла по всему Северу и оттуда проникла в Западную Европу. Английские и голландские купцы тоже попытались освоить морскую дорогу в Карское море, чтобы прибрать к своим рукам мангазейскую торговлю. Но их громоздкие парусные корабли не смогли пробиться через новоземельские проливы и льды Мангазейского моря (так назывался тогда юго-западный кут Карского моря). Только отдельным иностранным разведчикам, да и то при помощи русских проводников, удалось попасть в Мангазею. Они убедились, что слухи о богатствах этой земли вовсе не преувеличены.

Попытки иноземцов проникнуть в Сибирь сильно тревожили московское правительство. Еще в 1598 году при сыне Ивана Грозного Федоре Иоанновиче в Мангазею снаряжалась большая экспедиция вымичей (жителей реки Вымь) во главе с Василием Торобукиным, видимо для того, чтобы укрепить власть Руси над этой землей. Верхотурье готовило для Торобукина снаряжение и суда [5]. Неизвестно, состоялась ли эта экспедиция, но через три года на реке Таз, в 300 км от ее устья, за полярным кругом, московские воеводы заложили город Мангазею, сыгравший затем исключительно важную роль в освоении Азиатского Севера и всей Сибири.

Благодаря удобному географическому положению новый город быстро превратился в крупный торгово-промышленный и посадский центр Сибири. Из Поморья морем, а затем волоками через полуостров Ямал и из Тобольска по Оби в Мангазею ежегодно приходило до 50 больших морских судов — кочей, нагруженных «хлебными запасами» и «промышленным заводом». Особенно оживленно становилось в городе летом, когда туда съезжались на «ярмангу» массы промышленников и торговцев. Иногда в городе собиралось до 1000—2000 человек [6]. В городе имелось и

свое постоянное население, обслуживавшее местные потребности в одежде, железных и медных изделиях и даже в оружии [7].

Будучи конечной остановкой на «чересказменном» печорском пути, Мангазейский или, как его называют документы, Тазовский город вместе с тем служил отправным пунктом для походов русских дальше на восток. От Мангазеи шла прямая дорога к низовьям Енисея, где в 1607 году было построено Туруханское зимовье. Из Мангазеи промышленники и казаки двигались на север к побережью Ледовитого моря и на восток к Нижней и Подкаменной Тунгускам.

Летом 1610 года компания торговых людей во главе с Кондратием Куркиным и Осипом Шепуновым на кочах дошла до енисейского устья, но была задержана льдом. Когда лед отнесло в море, путешественники продолжали путь и, повернув направо, пошли вдоль берега. Плавание продолжалось два дня. На исходе вторых суток кочи пришли в устье реки Пясины [8]. Поход Куркина и Шепунова на Пясину положил начало плаваниям вдоль берегов Таймырского полуострова.

Видимо около этого же времени мангазейские промышленники пытались обойти Таймырский полуостров морем, но, проплыв самый трудный участок — нынешний пролив Бориса Вилькицкого, — потерпели крушение. Остатки этой экспедиции — платья, деньги, оружие и разнообразные товары — были обнаружены в 1940 году гидрографами Главсевморпути на пустынном островке Фаддея и в заливе Симса на восточном побережье Таймыра [9].

На протяжении всего лишь 10—15 лет казаки подчинили власти московского царя огромную территорию по Оби, Иртышу и Енисею, занятую кочевыми тунгусскими и самоедскими племенами (ненцами), основным занятием которых было оленеводство и охота.

В завоеванной земле казаки собирали у местного населения дань мехами — «государев ясак». Если им отказывали, они брали его силой. Бои между русскими, вооруженными огнестрельным оружием, и

коренным населением неизменно оканчивались победой русских.

Для того чтобы лучше контролировать сбор ясака, из среды побежденных выбирался лучший человек — князец, который уводился в зимовье как заложник. Русские называли такого человека «государевым аманатом». Для жилья аманатам строилось особое помещение — «казенка», с крепкими дверями и решетками на окнах. У казенки круглосуточно стоял караул. Осенью каждого года платить государев ясак к зимовью приходили родственники аманата. Чтобы обласкать туземцев, казаки нередко отдаривали их блестящими безделушками, бисером, светлосиними бусами (одекуй), оловом и свинцом (эти металлы шли на изготовление украшений). Не гнушались казаки и спаиванием местного населения. Стоимость «подарков» была мизерной и ни в какое сравнение со стоимостью взятой в ясак пушнины не могла итти.

Размеры ясака не устанавливались. Каждый род платил столько соболей, сколько мог. Правда, впоследствии возникло стремление упорядочить сбор дани. Но в первые годы, в частности в Мангазейском уезде, ясак собирался произвольно. Это открывало широкое поле для всякого рода злоупотреблений. К тому же, помимо ясака, с туземцев брались и «поклонные соболи» — добровольные приношения царю и воеводам. Оставшуюся пушнину торговые и служилые люди выменивали на всевозможные изделия. Особенно высоко ценились медные котлы и железные топоры.

Ясачная мангазейская казна состояла из соболиных, лисьих, бобровых и песцовых шкурок, число которых исчислялось многими тысячами. Ежегодно из Сибири в Москву вывозилось 80—100 тысяч соболей. Царский дьяк Григорий Котошихин сообщает, что эта казна оценивалась в сотни тысяч рублей [10]. Даже в 1676 году, когда пушной зверь был изрядно выбит, «мягкой рухляди» поступило из Сибири на 103 тысячи 467 рублей [11]. В переводе на деньги конца XIX века для выражения ценности соболиной казны 1676 года понадобились бы семизначные цифры.

Встал вопрос об управлении новыми землями. Со времен Грозного сибирские дела находились в распоряжении приказа Казанского дворца — центрального учреждения по управлению казанскими татарами. При Михаиле Федоровиче возникло новое центральное учреждение по управлению Сибирью — Сибирский приказ. С ведома царя и Боярской думы Сибирский приказ назначал и смещал воевод, перемещал войска казаков и стрельцов, пополнял гарнизоны, ведал сбором ясака и т. п. Сибирскому приказу были подчинены все дела, относящиеся к Сибири. Во главе приказа стоял назначенный царем боярин или окольничий с товарищами. Между приказом и воеводами поддерживалась непрерывная переписка. Воеводы посылали в приказ челобитные и отписки о текущих делах, приказ направлял воеводам наказные памяти и грамоты от имени царя.

Местное управление Сибирью строилось по типу центрального. Вначале всей Сибирью управлял тобольский воевода. Он рассылал по острожкам и зимовьям приказчиков, сборщиков дани. К 20-м годам XVII века в Тобольском воеводстве было образовано несколько уездов: Березовский, с центром в городе Березове, Тобольский, Мангазейский, Томский, Енисейский с городом Енисейском. С 1629 года центром самостоятельного воеводства стал Томск, с 1638 года Якутск.

Сибирь усиленно заселялась русскими людьми, по большей части крестьянами Поморья и северных областей России. К концу XVII века только в Западной Сибири насчитывалось 11 тысяч русских крестьянских семей [12]. Сибирское крестьянство работало на местный рынок, снабжало хлебом казачьи гарнизоны. По примеру коренного населения многие русские сами стали заниматься пушным промыслом. О численности людей, втянутых в промыслы, свидетельствуют следующие цифры: в 1626 году только из Туруханска пошло на промысел по Тунгускам 501 человек на 72 каюках, в следующем году зимовало в Туруханске 700 промышленников, весной 1630 года прибывшие с Тунгусок в Туруханск 114 человек доставили

31 900 соболиных шкур [13]. Неудивительно, что воеводы уже с середины 20-х годов XVII века жаловались на недобор соболиной казны. Соболь исчезал в Западной Сибири.

Вместе с тем все больший размах получала меновая торговля с коренным населением. Ежегодно из России в Сибирь отправлялись сукно, холст, кожа, железные изделия, домотканая одежда.

С подчинением Московскому государству земель по рекам Оби, Иртышу и Енисею закончился первый этап русской колонизации. Вскоре передовые промышленные отряды, плавая из Енисея по Тунгускам, открыли на востоке новую Мангазею — «великую реку Лену».

* * *

28 июня 1621 года тобольские казаки Супонька Васильев с товарищами привезли в Мангазею из Нижней Тунгуски аманатов тунгусского племени буляши, которые рассказали, что племя их кочует по реке Оленек, вблизи от большой реки Лены, что по большой реке Лене живут «большие люди», которые носят платье, подобное русскому, и «торгуют с ними железом на соболи» [14]. Весть о новой реке и ее богатствах всколыхнула массы торгово-промышленного люда. В том же году мангазейские воеводы направили на реку Оленек к буляшам отряд казаков во главе с Иваном Коковкой и одновременно представили в Сибирский приказ план обследования Лены.

В следующем году из Тобольска был послан на реки Оленек и Лену другой отряд стрельцов и казаков, к которому в Мангазее присоединились ватаги торговцев и промышленников. Во главе отряда стал пятидесятник Григорий Семенов. Отряд отправился осенью в дорогу по направлению к Нижней Тунгуске с намерением выйти на Оленек и Лену. Подробности этого похода неизвестны. Через два года казаки из отряда Семенова привезли в Мангазею первую дань с оленекского тунгусского племени очанов (озянов) [15].

Путь на Лену, разведанный Семеновым, был очень долог и труден. Более прямой путь к Лене лежал через Вилюйский хребет и от южных притоков Нижней Тунгуски к верховьям Лены. Этой дорогой на Лену пошел летом 1626 года мангазейский казак Баженка Кокоулин. Отпуская Кокоулина на «пашенную сеяцкую орду» (бурятов), туруханский приказчик дал ему наказную память, в которой писал: «Одноконечно тебе Баженки узнать, что у них (бурятов. — *М. Б.*) в земле русское приходное, сколь они сильны и какой бой у них (каким оружием дерутся. — *М. Б.*) и какие у них угодья и земли и какой путь в землю к ним горней ли или водяной и в одном месте они живут или отходят кочевать» [16].

В начале 30-х годов часть казаков из отряда Кокоулина вернулась в Мангазею с большим ясаком — с 733 соболиными шкурками, собранными «с захребетной реки Лены» [17]. Слухи о богатых соболиных землях на востоке ширились по всей Сибири.

Летом 1624 года две партии мангазейских промышленников во главе с Ивашкой Зориным и Сидорком Водянниковым пытались проникнуть на Лену, но были уничтожены кочевавшим на Средней Лене тунгусским (эвенкским) родом шимагирей. Через четыре года подобная же участь постигла ватагу промышленного человека Владимира Шишки [18].

Вскоре движение на Лену стало массовым. Не только из Мангазеи, но и с юга, из Енисейска по Верхней Тунгуске добирались на Лену отряды предприимчивых казаков и промышленников. В то время когда мангазейцы вышли по Вилюю к низовьям Лены, енисейцы появились в среднем и верхнем ее течениях, подчинив живших там тунгусов и якутов. В 1632 году стрелецкий сотник Петр Бекетов заложил на Лене в земле якутов острог, сыгравший исключительно важную роль в дальнейшем освоении северо-востока Азии. Спустя несколько лет Ленский (впоследствии Якутский) острог, заложенный Бекетовым, был перенесен на место нынешнего Якутска.

Якуты были многочисленным и одним из культурных народов Сибири. Основным их занятием было

ФИЛИАЛ Центральной ВНБ

17 БИБЛИОТЕКА ГШВМ СССР

скотоводство, а подсобным — охота. Якуты знали кузнечное производство и гончарное дело. Материальный быт якутов был сравнительно высок. Зимой якутские семьи жили в деревянных юртах, а летом выезжали на пастбища и жили там в «юрасах», крытых берестой. К приходу русских классовая диференциация среди якутов достигла значительного развития. Богатая верхушка (тойоны) владели большим количеством скота и беззастенчиво эксплоатировали бедноту.

Якуты, как и их соседи тунгусы, еще не знали огнестрельного оружия. Вооружены они были копьями, луками и стрелами с железными наконечниками. Тем не менее воинственные якуты представляли серьезную силу в борьбе с русскими.

Столкновения с якутами оканчивались для русских не всегда удачно, хотя в конечном счете все же побеждали русские.

Положение осложнялось из-за кровавых стычек между завоевателями, особенно в первоначальный период, когда в низовьях Лены встретились два направления: северное — мангазейское и южное — енисейское.

Казаки силой оружия оспаривали друг у друга право собирать ясак с местного населения.

Вот один из примеров таких междуусобиц.

Летом 1632 года из нового ленского острога «вниз по Лене на новую реку Варку» выплыл отряд енисейских казаков — Дружина Чистяков, Якунька Щербак и Осташка Серебрянник с товарищами. Подходя к реке Вилюю, они встретили мангазейцев во главе со Степаном Корытовым, идущих собирать ясак на Лену. Расспросив енисейцев о целях их плавания, Корытов предложил им совместный поход на Алдан и Амгу и, не получив согласия, ограбил енисейцев. Поход на Амгу сопровождался погромами долганских (тунгусских) и якутских племен. Корытов потребовал с местных князцов ясак, хотя и знал, что он уплачен в Ленский острог. Ожесточенные долгане и якуты напали на сборщиков ясака и некоторых из них убили. В отместку за смерть товарищей Корытов арестовал

гостивших у него якутских князцов. Назревало восстание. Якуты и долганы «отложились от государя» и решили пойти войной на русских [19].

Не подозревая о самоуправстве мангазейцев, атаман Иван Галкин, сменивший в Якутском остроге Бекетова, летом 1633 года послал в низовья Лены казака Семена Чюфариста с товарищами для взимания таможенных пошлин с мангазейских промышленников. Чюфаристу было отдано строгое приказание: в случае сопротивления препроводить мангазейцев в острог. 27 мая струги Чюфариста вошли в Алдан и, следуя вверх по течению, через два дня наехали на отряд Корытова, возвращавшийся с Амги. Корытов, увеличив ход судна, пытался уйти вниз по реке, но струги легко нагнали его и принудили остановиться. Завязалась перестрелка. Два енисейских казака были убиты на-смерть, другие ранены. Победителем остался отряд Корытова.

Весть о сопротивлении мангазейцев дошла до Галкина. Забрав с собой 40 казаков, он вышел на подмогу Чюфаристу. Завязалась новая стычка. С обеих сторон было убито до десятка казаков. Наконец, мангазейцев окружили и принудили сдаться [20]. В результате этого боя низовье Лены осталось за енисейцами.

Распри между казаками печально сказывались и на взаимоотношениях русских с коренным населением Лены. Так, после стычек на Амге якутские князцы отказались платить дань. Галкину пришлось приложить не мало стараний, чтобы восстановить прежние отношения с якутами. Ерофей Хабаров, прибывший на Лену летом 1633 года, рассказывал, что Галкин три раза за оставшуюся половину года посылал его и других промышленных людей в поход на якутов. По словам Хабарова, эти экспедиции кончались тем, что «улусных людей многих побивали и порубали досмерти».

Недовольство якутов в конце концов вылилось в открытое восстание. Центром заговора против нового ленского острога стал улус князца Умымака, куда осенью 1633 года собралось сверху и снизу Лены, с

гор и долин якутское войско. По подсчетам русских, к Умымаку пришло 600—700 воинов.

5 января отряд Галкина, состоящий из 150 казаков и промышленников, нанес неожиданный удар по якутам, но, встреченный мощной контратакой, откатился назад. На протяжении 8 верст якуты преследовали русских. Некоторые казаки получили по 5—8 ранений. 9 января якутское войско обложило Ленский острог и продержало его в осаде два месяца. Только весной в Якутск стали собираться люди с промыслов, пополнившие гарнизон. Теперь перевес оказался на стороне русских, и якуты отступили. Боясь мести русских, участники восстания хотели бежать «на дальние реки». Галкин сам поехал в улусы и уговорил якутов давать «государев ясак без всякого опасения» [21]. Ему удалось убедить якутскую верхушку в необходимости прекратить борьбу. После восстаний 1636/37 и 1642 годов, жестоко подавленных русскими, якутская земля «подошла под царскую высокую руку, в вечное холопство навеки и неотступно». Это не исключало отдельных выступлений против русских, но в общем якуты, особенно якутские тойоны, примирились со своим новым положением данников московского царя. Многие якуты стали принимать христианскую веру, а ленские казаки охотно женились на якутках.

Якутские тойоны не раз поставляли воеводам вспомогательное войско для борьбы с другими непокоренными народностями. В свою очередь и русские власти не мешали якутским князцам и тойонам угнетать свой народ.

Едва закрепившись в среднем и нижнем течениях Лены, казаки и промышленники устремились на север, вышли в Ледовитый океан («Студеное море»), распространились по его побережью.

В 1632 году сын боярский Иван Кузьмин по своей челобитной был отпущен енисейским воеводой на новую реку Оленек. В 1632—1633 годах Кузьмин зимовал в Якутской земле, а когда река вскрылась, по неизвестной причине отказался плыть на низ Лены [22].

Неудача этой экспедиции не остановила промышленных и служилых людей, которые продолжали по собственной инициативе уходить к устью Лены.

Начало обследования устья Лены и лежавших от нее к западу и востоку рек было положено в 1633 году. Летом этого года Иван Галкин «отпустил» вниз по Лене на Вилюй казаков Ивана Казанца, Михаила Стадухина и Посника Иванова с товарищами. Эти казаки били челом царю, просили послать их на Вилюй и обещали привезти оттуда 100 соболей. Дойдя до среднего течения реки, они построили зимовье и привели жившие здесь тунгусские племена в русское подданство [23]. Часть казаков и служилых людей проплыла еще ниже по Лене. В земле долган они поставили Жиганское зимовье, впоследствии важный опорный пункт на пути к «Студеному морю».

В Жиганске собрался большой отряд казаков, гулящих и промышленных людей, желающих плыть еще ниже по Лене. Во главе его стали мангазейский казак Иван Иванов Ребров, пришедший на Лену с отрядом Степана Корытова, гулящий человек[1] Иван Сергеев и енисейский пятидесятник Илья Перфирьев. Летом 1633 года эта ватага поплыла на кочах к устью Лены и через некоторое время, выйдя в море, достигла реки Яны. Ребров продолжал путь на восток и вскоре открыл новую реку Индигирку. Ребров писал, что «... а преж меня на тех тяжелых службах, на Янге и Собачьей (Яне и Индигирке. — *М. Б.*) не бывал никто — проведал я те дальние службы» [24].

Уже в 1634 году в Ленский острог пришли вести о юкагирах, кочевавших тогда по обширной территории северо-востока Сибири — по всей прибрежной полосе Ледовитого океана, от Яны до Чукотского хребта и Берингова моря. Юкагиры были одним из наиболее многочисленных народов Сибири. Жили они родовым строем. Слухи о богатствах «новой Юкагирской землицы» привели к тому, что сразу же стала образовываться компания казаков и промышленников «для приводу их под государеву высокую руку».

[1] Гулящие люди — не имеющие недвижимого имущества, без определенных занятий.

Во главе отряда стали Устинка Никитин и Семейка Тимофеев Чюфарист. Приказчик Ленского острога Иван Галкин послал в «новые землицы» для торговли большое количество хлеба и других товаров. Казакам выдали государев коч и судовые снасти: парус, якорь и веревки. Однако в день отъезда сын боярский Парфен Ходырев по злобе на Галкина арестовал Чюфариста и Никитина, вернул их с дороги и отослал в Енисейск для допроса [25].

В 1636 году из Енисейска «для проведывания новых неясачных землиц» отправился десятник Елисей Юрьев, по прозвищу Буза. Отряд Бузы состоял из 10 казаков и 40 промышленников. Летом следующего года (1637) Буза прибыл к устью Лены и отсюда на коче вышел в море.

Вначале Буза направился на запад. Через день «парусного ходу» он достиг реки Оленек и, спустившись по ней до реки Тариды, построил здесь зимовье. По речке Молоде Буза перешел в низовье Лены около Жиганска.

Весной 1638 года, построив четыре коча, Буза второй раз поплыл в море, на этот раз к востоку от Лены. Через несколько дней суда Бузы вынуждены были остановиться, и казаки продолжали путь до Яны на нартах. С Яны Буза прошел правым ее притоком, рекой Челдоном, к морю. Обитавшие здесь юкагиры указали ему дорогу на Индигирку. Во время плавания к Яне Буза встретил на море Илью Перфирьева, возвращавшегося в Енисейск с большим государевым ясаком — 466 соболей, 5 собольих шуб, 7 собольих опорков, 21 красная лисица, черная лисица, 148 соболиных пупков, ценой 2401 рубль 25 алтын [26]. Кстати, часть казаков из отряда Перфирьева, и в их числе Олешка Семенов Голый, собирала на Оленьке до прихода туда Бузы десятинную пошлину. Интересны описания юкагир, которые составил Елисей Буза во время своего плавания. По его мнению, юкагиры — люди дикие, живут в землянках, едят рыбу, которой много в реках. У юкагиров нет оленей, зато много серебра. «Руда серебряная, — пишет Буза, — лежит в горе, в утесе, недалеко от моря» [27].

Плавание Бузы совпало со временем активных поисков морских путей с Лены на восток. В 1640 году из Якутска на Оленек был послан пятидесятник Федор Чюрка. Дойдя до устья Лены, Чюрка неожиданно изменил направление и поплыл на реку Индигирку. Через год торговые люди Епифан Волынкин с товарищами рассказал о судьбе экспедиции Чюрки: его суда разбросало по морю, а сам вожак безвестно погиб. Почти одновременно с Чюркой пытались проплыть к Индигирке на двух кочах промышленные люди Вижемцев и Тверяков. Между Яной и Индигиркой их суда сильным ветром выбросило на кошку (мель) и разбило. Промышленники решили итти в «новую землицу» на нартах, но, не доезжая до Индигирского зимовья, небольшой их отряд (12 человек) попал в засаду к юкагирам и был весь истреблен [28].

Одновременно с морскими походами на Индигирку делались попытки проникнуть туда по суше. 25 апреля 1638 года с Лены отправился конный отряд енисейских и красноярских казаков во главе с Посником Ивановым, по прозвищу Губарем, и Аничкой Никитиным. Отряд перевалил через Янский хребет и дошел до кочевьев якутов. По пути следования, в горах, казаки повстречали тунгусское племя ламутов, с которого собрали первый ясак. На Яну русские пришли в разгар межплеменной войны якутов с юкагирами. Воспользовавшись междуусобицей, казаки легко наложили дань и на тех и на других. Янские якуты сами обратились к Поснику Иванову с жалобой на «юкагирских мужиков», что они «под государеву высокую руку не приведены и ясаку не давали и приходят де те юкагиры на тех алдынских мужиков (янских якутов. — *М. Б.*) и у них коров и коней гонят и угоняют в полон». Иванов с небольшим отрядом казаков, поддержанный якутами, пошел на юкагиров «и начали битися и многих юкагирских мужиков побили, а двух мужиков взяли». Пленные провели казаков по реке Товстаку и через хребет на Индигирку.

На Индигирке с первых же шагов русским пришлось вести упорную борьбу с местным населением. На предложение заплатить ясак «те непослушники и

изменники юкагирские и торобойские Собачьи орды, собрався со многими военными людьми, пришед на нас войною, — писали казаки, — хотя нас из земли выжить и нас побить». Завязался бой, продолжавшийся с полдня до вечера, в котором русские потеряли всех своих коней. Через некоторое время юкагиры вновь пришли к ясачному зимовью и вновь «мы бились с ними крепким боем до вечера и на том бою остальных коней побили». Как только был построен острог, казаки предприняли походы вверх по реке и привели в русское подданство кочевавшие там юкагирские роды. Как показывает книга «десятинного и ясачного сбору» Посника Иванова (Сибирский приказ, кн. 145), ленские казаки во время этих походов собрали первую дань с колымских князцов: Нечокия, Щончокия и Чюгая — 23 соболя. Видимо, дело не ограничилось одним ясаком: казаки расспросили новых атаманов и об их родине, реке Колыме. Забрав ясачную казну и оставив на Индигирке несколько своих товарищей, летом 1639 года Посник Иванов поехал обратно в Якутск.

Одновременно с проведыванием пути на Оленек, Яну, Индигирку промышленные ватаги и отряды казаков двигались и на восток — к берегам Тихого океана.

Еще в 1636 году из Томска «для приску новых землиц» прибыл на Алдан отряд Дмитрия Копылова. Поставив на Алдане зимовье, Копылов начал приводить тунгусские племена в русское подданство. Так как многие из них платили дань в Ленский острог, то на этой почве между томскими и енисейскими казаками происходили частые стычки.

Узнав от тунгусов о богатой соболями области Ламы (что значит вода — так тунгусы называли океан, море), Копылов в 1639 году послал туда 32 томских и красноярских казака во главе с Иваном Юрьевым Москвитиным. За отрядом увязалось много промышленных и торговых людей с Алдана. Москвитин направился вверх по реке Мае, перешел затем на ее приток Юдому и после двухмесячного плавания перевалил через хребет Джугджур. С истоков реки Улы

казаки прошли до берега Охотского моря. Иван Москвитин и его сотоварищи были первыми русскими достигшими Великого или Тихого океана.

Здесь на берегу океана русские основали зимовье и построили суда. Походы они совершали по побережью. В пути собирали сведения о населении, его численности, о природных богатствах края. Местное население сообщило русским о большой и славной реке Амур.

Великий поход Москвитина к Тихому океану завершил движение через «Камень», начатое в 80-х годах XVI века храброй дружиной Ермака. Гигантская территория, протяжением с запада на восток более чем 6000 километров, была пройдена и обследована русскими всего лишь за 60 лет.

Новые владения по реке Лене и ее притокам, не говоря уже о пространствах, лежащих на восток и северо-восток, представляли огромную страну. Небольшой гарнизон Ленского острога, направленный из Енисейска, не мог успешно защищать интересы царя и промышленников на столь обширной территории, тем более населенной далеко не смирившимися народностями и племенами. Поэтому в 1638 году на Лене было образовано новое воеводство с центром в городе Якутске — Ленском остроге. Из Москвы на Лену поехали царские воеводы: стольник Петр Петрович Головин, Матвей Богданович Глебов и дьяк Еуфимий Филатов. Вместе с воеводами на Лену было отправлено 345 казаков. Растянувшись обозом по всей Сибири, воеводы двигались к месту назначения медленно, с большими остановками и прибыли в Якутск лишь через три года.

Разъясняя необходимость образования нового административного центра в Сибири, царь Михаил Федорович писал в наказе Головину с товарищами, что «в сибирских городах и в острогах у ясачных людей угодья, где они зверь прежде всего добывали, стали за русскими людьми, что русских людей пред прежним в Сибири умножилось, а иные ясачные угодья заняты пашнями и впредь де в тех ближних сибирских городах государеву ясаку будет недобор... а та

же великая река Лена угодна и пространна и людей в ней разных землиц кочевых и сидячих и соболей много всякого зверя... и будет та Лена река другая Мангазея» [29].

Образование Якутского воеводства положило конец беспорядочному собиранию дани с коренного населения. Отдельные казачьи отряды, посылавшиеся на Лену из разных городов Сибири, теперь уже не вольны были собирать ясак по своему усмотрению. В то же время создание нового воеводства свидетельствовало о непреклонном стремлении Московского государства ускорить обследование и покорение северо-востока Азии.

Якутским воеводам поручалось всемерно заботиться об открытии новых земель и подчинении новых народов. При этом, прежде всего, подчеркивалась необходимость сбора ясака с покоренных народностей. В этом отношении еще в первые годы своего существования якутское воеводство показало свое превосходство перед другими сибирскими областями.

Характерен в этом смысле размер таможенных сборов, так называемая «десятинная казна», составлявшаяся из «десятого соболя», взимавшегося с каждого десятка соболей, предъявленных таможне. «Десятинная казна» Ленского острога за 1638—1641 годы выразилась в 12 573 соболях, ценой 19 642 рубля 5 алтын [30]. Уже по этим данным можно судить о том, какое количество пушнины проходило через таможню. Осенью 1640 года якутский воевода Петр Головин отослал в Москву ясачный сбор 1639/40 года, состоящий из 23 969 соболей, 24 377 соболиных пупков [1], 398 соболиных хвостов стоимостью 28 331 рубль 20 алтын 2 деньги [2] [31]. «Десятинная казна» за 1639 год равнялась 8883 соболям, 8640 собольим пупкам, 15 красным лисицам и 166 соболиным хвостам [32].

Лена привлекала русских не только пушным богатством. Значительное развитие получил здесь соля-

[1] Соболиный пупок — брюшко с мягкой и редкой шерстью.
[2] Алтын — три копейки, деньга — полкопейки.

ной промысел. В 1633 году Ерофей Хабаров организовал на реке Куте, притоке Лены, большую солеварню, вырабатывавшую сотни пудов соли в год. Солеварни возникли и на притоках Вилюя, у Соленых озер. Под Якутском велись поиски железных руд. В верховьях реки силами ссыльных, казаков и промышленных людей были возделаны первые десятины черноземa и положено начало ленскому хлебопашеству.

Владения Москвы все больше расширялись. Всю Сибирь волновали известия о реке Амур, привезенные еще Москвитиным. Все чаще и чаще раздавались голоса о необходимости послать на Амур отряд служилых людей. В 1643 году в Якутске была снаряжена экспедиция охочих служилых и «гулящих» людей. Возглавлял ее письменный голова (чиновник особых поручений при воеводе. — *М. Б.*) Василий Поярков. По Алдану и Учуру, Гоному, через хребет Джугджур и по Зее Поярков пришел на Амур. Область, изобильная рыбой, скотом, хлебом и овощами, показалась русским сказочной страной. Через три года Поярков привез на Лену с Амура богатейшую соболиную казну.

В 1650—1653 годах экспедиция под руководством «оптовщика» Ерофея Хабарова окончательно подчинила России все Приамурье.

* * *

Основной труд открытия новых земель и подчинения сибирских племен вынесли на своих плечах государевы служилые и промышленные люди. Это были большей частью жители поморских городов европейского Севера — бывшие посадские и гулящие люди, ярыжки и беглые крестьяне.

Особенно велики заслуги ленских государевых служилых и промышленных людей, усилиями которых был открыт и завоеван весь северо-восток Азии, проложена дорога к Тихому океану и на Амур, обследованы огромные пространства Сибири.

Ленское казачество сложилось еще до основания Якутского воеводства. В трудных походах и схватках с «немирными инородцами» оно прошло отличную

боевую школу. Почти все ленские казаки бывали по много раз ранены, перебывали в самых сложных переделках. Например, казак Второй Гаврилов, с именем которого мы еще встретимся в дальнейшем, отличившийся в схватках с якутами, был ранен «повыше левой титки в грудь, да в правую руку в локоть, да в ногу в правое стегно»; его товарищ Ивашка Казанец получил ранение «в голову, да в обе ноги трижды»; казак Олешка Олень, впоследствии известный мореплаватель, был ранен «в лоб, левую ногу дважды, в обе руки и лопатки». Удалью и смелостью прославились казак Михаил Стадухин, торговый человек Ерофей Хабаров, енисейский посадский человек Юрий Селиверстов [33]. Эти люди изъездили вдоль и поперек Якутскую землю, знали «всякие водные и пешие пути», — проведали «новые реки и землицы».

Казачество не было однородным. В первые же годы пребывания на Лене здесь стала складываться казачья верхушка, богатеющая за счет грабежа местного населения, тогда как основная масса служилого люда влачила полуголодное, почти нищее существование. Казачья старшина смотрела на рядовых свысока, с презрением, называла их «худяками», посылала в самое пекло боя, а за малейшую провинность наказывала батогами. За службу казаку выплачивалось ежегодно весьма небольшое денежное, соляное и хлебное жалование — 5 рублей, $5^1/_8$ четвертей ржи, 4 четверти овса и $1^3/_4$ пуда соли, чего едва хватало одному человеку. Казаки же, придя на Лену, обзаводились семьями. Необеспеченность заставляла служилых людей браться за побочные заработки, итти в кабалу к богатому торговцу, заниматься промыслами, ремеслами и плотничьим делом.

Жили казаки в самом городе Якутске. В старинных планах города отчетливо видны две его части: крепость, где помещались: Съезжая изба (канцелярия. — *М. Б.*), дома воевод, дьяков и подьячих и собственно город, разделенный на узенькие улицы и переулки с домами служилых людей. Весь этот большой жилой комплекс окружала высокая деревянная крепостная стена с остроконечными башнями.

Казачий двор состоял из дома, скотного двора, амбаров и погребов. В одном доме иногда ютилось по три-четыре казачьих семьи. Богатые казаки держали у себя во дворах или в якутских улусах коров и лошадей.

Некоторые состоятельные люди имели по 11 дойных коров, полдесятка недойных, быков, нетелей и подростков [34].

Как правило, служилый человек «поднимался» на службу «своими пожитками» — на свои средства покупал лошадь, сбрую, оружие (мушкет, пищаль), хлеб, одежду и обувь. Все это стоило больших денег, и казаку приходилось итти к ростовщику, брать у него в долг под большие проценты. В этом случае казак выдавал на себя к а б а л у — письменное обязательство возвратить долг в точно указанные сроки. Неуплата влекла за собой суровое наказание вплоть до тюрьмы. Если служба оканчивалась благополучно, то-есть казак привозил воеводе положенное количество ясачной пушнины, он мог рассчитывать на возмещение своих затрат. Это одна из немаловажных причин заинтересованности служилых людей в благополучном окончании экспедиции на «дальние реки» и в «новые землицы».

В 1640 году казакам разрешили заниматься звериными промыслами и торговлей, за исключением торговли пушниной и сбора дани [35].

Прибыв в зимовье, служилые люди искали случая вступить в меновые сношения с местным населением. Предметами обмена чаще всего были бусы и бисер, всякая железная мелочь и медные котлы. В свободное от службы время казаки могли выходить в тайгу на соболиную охоту. Вся добыча поступала в общий «кош», т. е. в артельную, «полковую», собственность, и по окончании охотничьего сезона делилась поровну между всеми членами гарнизона зимовья.

Большим событием в жизни служилого человека было разрешение послать царю челобитную (прошение) о своих «нужных службишках». Это был единственный способ получить награду или повышение в чине. Но такого даже заслуженного отличия

казаку-бедняку приходилось ожидать годами. Многим так и не удалось увидеть его. Немало казаков сложило голову в борьбе с суровой природой, в честном бою, а тех немногих, кому удавалось прожить 20—30 лет, ожидала безрадостная старость, богадельня, либо монастырь. Подавляющая масса старых казаков едва дослуживалась до чина казачьего десятника. Иногда, что случалось очень редко, рядового производили в пятидесятники и еще реже — в сотники и атаманы.

Казачья жизнь большей частью проходила на далеких службах, в отъездах на далекие реки. Некоторые жили в зимовьях безвыездно по 15—20 лет. Оттуда они и ходили в походы. Привычным было переносить холод, голод, нужду, отказывать себе в самом необходимом. Борьба с суровой природой закалила казаков, делала их смелыми и мужественными людьми.

Только этим людям под силу было совершить те замечательные открытия, которыми заслуженно по сей день гордится наш народ.

Значительную часть населения Якутского воеводства составляли промышленники, число которых возрастало по мере открытия новых земель. В 1634 году в Ленский острог собралось с соболиных промыслов 200 человек, а через восемь лет, летом 1642 года, туда пришло 3 тысячи [36]. При этом часть промышленников оставалась на соболиной охоте.

Обычно на промысел направлялась небольшая «ватага», человек 10—15. По имущественному положению промышленники тоже не были равны.

Тех, кто снаряжался на охоту на собственные средства, называли своеужинниками, то-есть людьми, располагавшими известным запасом хлеба, одежды и ловушек, входившим в понятие «ужины». «Ужина» — это объем промышленного запаса. Капитал среднего своеужинника не превышал 100 рублей и чаще равнялся 20—30 рублям. На эти деньги промышленник приобретал для себя «хлебный запас» в 20—30 пудов хлеба, сухари, немного соли и сушеной рыбы.

Охота за соболем продолжалась всю зиму. Приходилось уходить от жилья за сотни верст. Вернувшись из леса, промышленник предъявлял таможне свой улов и уплачивал «десятого соболя», за что получал проезжую грамоту на беспрепятственный вывоз добытой пушнины из Сибири.

Были и богатые своеужинники, располагавшие значительным капиталом в 200—300 рублей. Эта категория ничем не отличалась от торговцев и купцов.

Большая часть промышленников широко представлена в документах под именем покрученников, людей, работающих по найму. Эти промышленники не имели своего снаряжения. На охоту они ездили за счет богатого человека — торговца, который уплачивал за них пошлины, одевал, обувал, кормил и снаряжал их. За все это покрученник обязывался привезти хозяину в определенный срок условленное количество соболей. То, что добывалось сверх этой цифры, шло в собственность покрученника. Чтобы выбиться в зажиточные люди, стать своеужинником, промышленнику нужно было успешно провести несколько сезонов охоты. А это была задача не легкая.

Сибирские промышленники составляли наиболее активную часть населения. Нередко в поисках новых земель, богатых пушным зверем, они шли впереди казаков, первыми прокладывали новые пути. Именно промышленникам принадлежит честь открытия и обследования многих рек и огромных пространств от Урала до Тихого океана.

Бурное развитие промыслов на Лене отрицательно сказалось на приросте соболя. Уже первые якутские воеводы вынуждены были докладывать царю об исчезновении «ленского соболя». Эти отписки полны интересными подробностями о технике охоты на зверя. Так, воевода Василий Пушкин сообщал, что русские промышленники применяют для ловли соболя новые приспособления. Вместо прежней простой кулемы (примитивная ловушка типа мышеловки) они, — писал Пушкин, — придумали кулемы с «подщечками дощатыми». Соболь, «гуляючи по нартеному следу» или «для нежения», приходит к такой ло-

вушке и вступает «на подчинную дощечку, и тем обвалит на себя ловушку». Эта хитрость, по мнению воеводы, дает возможность ловить каждого соболя, подошедшего к кулеме. «А преж сего, государь, — огорченно заключает Пушкин, — того промышленные люди на соболя не ставили, кулемы и подчинки у них бывали поличные и теми полечетыми кулемами только соболь не возьмет за наживку и сторожек с кольца не сорвет и ево не задавит [37].

Устройство кулемы, упоминавшейся в отписке Пушкина, хотя было весьма примитивно, сохранилось в Сибири до конца XVIII века. Подробное описание такого устройства дал Крашенинников [38]. По его словам, у подножия дерева сколачивался небольшой «огородец из спиц, образовывавший коридорчик в длину, немногим больше поларшина», «вышиной четверти на три аршина», закрытый сверху дощечками, «чтоб снег не осыпался». Одним концом коридорчик упирался в дерево, а вход с другого конца оставался свободным. У входа клалась приманка — кусочек мяса или рыбы — при помощи веревочки соединенная с большим бревном, приподнятым на тоненькой палочке над входом. Когда голодный соболь, привлеченный приманкой, наступал на дощечку, лежавшую у входа, веревка приходила в движение, срывала с устойчивого положения бревно, и оно обваливалось на соболя. Соболей ловили еще обметами (сетями) и при помощи собак («на соболиной ноге»). С собаками охотились только осенью, до выпадения снега. При хорошей охоте промышленник улавливал по 120—180 соболей «на ужину».

Уменьшение соболя в бассейне Лены и послужило в начале 40-х годов одной из важных причин нарастания новой волны походов в необследованные земли.

ПЕРВЫЕ СЛУЖБЫ ДЕЖНЕВА

Летом 1638 года на Лену прибыл отряд енисейских казаков во главе со стрелецким сотником Петром Бекетовым. Среди рядовых казаков этого отряда был Семен Иванов сын Дежнев. Как упоминает сам Дежнев в челобитной царю Алексею Михайловичу, до Лены он служил в Тобольске, а затем был переведен в Енисейский острог. Вероятно, служба в Тобольске и Енисейске продолжалась недолго, так как челобитчик говорил о ней вскользь. В другом прошении царю Дежнев писал, что его племянник Иван Иванов жил в Вологодском уезде в городе Устюге Великом. Однако из этого сообще-

ния нельзя сделать вывод, что Дежнев был уроженцем Устюга Великого, ибо Ивашка Иванов в этом городе жил «ни в тегле, ни в посаде, скитался меж двор», т. е. принадлежал к тому разряду бездомных, бродячих людей, которые без труда переходили из города в город, из деревни в деревню, задерживаясь там ненадолго. К тому же в писцовых книгах города Устюга Великого, составленных в 1630 и 1676 годах и перечислявших все городское население, фамилии Дежневых нет [39]. Бесспорно лишь то, что Дежнев был связан с Устюгом Великим, так как многие его товарищи по службе являлись выходцами из этого города.

В первой половине XVII века Устюг Великий, расположенный при слиянии рек Юга и Сухоны, переходящей в Северную Двину, был крупным поморским торговым городом. Посадское население города занималось постройкой судов и плавало по Северной Двине.

Среди жителей города часто встречались «носовщики» [1], «перевозчики» [2] или просто наемные работники на судах. По Двине и Сухоне из Архангельска на Вологду, а оттуда на Москву и обратно проходили большие грузы: иностранные товары — сукна, пряности, и русские товары — хлеб, соль, холст, поташ, ворвань и т. д. Устюжане были знакомы и с морским делом, плавая по Белому морю. Возможно, что Семен Дежнев принадлежал к такой группе людей.

Известно также, что в 1631 году среди вольных гулящих людей на Тотьме, в Устюге Великом, Вологде, Сольвычегодске набирали для службы в Тобольск 500 мужчин и «в Енисейский острог служилым людям и пашенным крестьянам на женитьбу 150 девок». 150 мужчин из новобранцев, главным образом из Устюга Великого, осенью 1631 года прошли через Верхотурье, направляясь к Тобольску [40].

---

[1] Носовщик — забойщик в моржовом промысле, стоящий на носу судна и бросающий в зверя гарпун.

[2] Перевозчик — человек, занимающийся перевозом грузов по реке на своем судне.

Скорее всего, что Дежнев попал в этот большой набор. Из Тобольска он был переведен в Енисейск, а оттуда на Лену.

Первые два года Дежнев провел в Якутске. В архиве Сибирского приказа хранится пожелтевшая и ветхая от времени «покупочная книга» за 1638 год (книга 127). В нее вносились записи мягкой рухляди, купленной для государя атаманом Иваном Галкиным (до 12 июня). На листе 109 об. находим следующую запись: «куплено у служилого человека у Семейки Дежнева 4 соболя без хвостов, дано государевой муки 27 безмен». Более ранних упоминаний о Дежневе мы не встречали. 1 марта 1640 года мы находим Дежнева среди казаков, допрошенных по делу о злоупотреблениях служебным положением сына боярского Парфена Ходырева. Этот чиновник (впрочем, не отличавшийся особенно от своих предшественников) за два года управления Ленским острогом присвоил себе 3 200 ясачных соболиных шкурок, вел незаконную торговлю через казаков и купцов, раздав им «в долг» крупную сумму — 7 070 рублей. На предложение целовальника (сборщика таможенных сборов) «явить» (зарегистрировать) «покупные соболя» в таможне Ходырев не только ответил отказом, но и пригрозил каждому, кто приблизится к его амбарам, жестокой расправой. Обвинителями приказчика выступили Михаил Стадухин и Юрий Селиверстов [41]. По настоянию их в доме Ходырева был произведен обыск, во время которого, кроме большого количества пушнины, удалось обнаружить долговые кабалы на сумму 4 156 рублей.

Весной этого же года Дежнев вместе с другими казаками подал челобитную на имя царя Михаила Федоровича, которая как нельзя лучше характеризует их бедственное положение. Челобитчики писали, что служат они по Ленскому острогу, а денежное жалованье получают по половине оклада, то-есть по два рубля с полтиной. Казаки просили выдать им 5 рублей на человека, «чтоб нам, холопам твоим, было б в чем платьишка и обувь купить, с чем было твоя государева служба служить» [42].

«Отсиживание» в остроге вскоре кончилось, и Семен Дежнев начинает походную жизнь, полную лишений и опасностей. В архиве Якутского областного управления (столбец 1, состав 21) имеется «поручная запись» группы ленских служилых людей о бывшем якутском переводчике Григории Летиеве, помеченная 6 августа 1640 года. Среди «поручников» — енисейский казак Семен Иванов Дежнев, отправляющийся «на государеву службу за Алдан реку, за Камень, на Оймокон» вместе с Константином Дунаем, Третьяком Хомяком и др. Но ясно, ходил ли Дежнев в этот поход, но через 17 дней, 23 августа он был направлен вместе с двумя другими казаками на реку Тату и Амгу к батуруским якутам (к Агеевым братьям, Немнячке и Кантаганке) для примирения их с якутами Мегинской волости (Бырчиком Чуковым и Тречкой Декиевым). Незадолго перед этим, летом 1640 года, батуруские якуты совершили набег на улусы своих соседей и угнали от них 51 корову. Потерпевшие обратились за помощью к атаману Осипу Галкину. Галкин был заинтересован в скорейшем разрешении спора, так как назревавшая между сторонами серьезная борьба могла повести к задержке в выплате ясака. Когда казаки прибыли на место, батуруские якуты, во главе с Немнячкой, продолжали нападать на мегинцев, уводили их скот, коней, грабили, убивали людей. В такой обстановке следовало быть крайне осторожным и справедливым при разрешении тяжбы, чтобы не вызвать излишних подозрений. Поэтому Галкин наказал Дежневу: «разделить их (якутов. — *М. Б.*) без порчи, без драки». Лишь в крайнем случае Дежнев должен был применять силу. «А буде учинитца у них у Немнячки з братьями меж ими спор з Бырчиком и с Тречкою в том скоте и в грабежном животе и их Немнячка с братьями и Бырчика и Тречку срочить (вести) их в Ленский острог с собою тотчас, не мешкав».

Памятуя суровую расправу якутов с русскими, атаман предупреждал казаков о том, что «ездячи дорогою у иноземцев ничево не покупать и с ними не торговать и иноземцом (так русские называли кор-

ное сибирское население. — *М. Б.*) обид и насильства не чинить, никоторово дурна не творить и к ним, к иноземцам, напрасно не приметываца» [приложение 1].

13 сентября 1640 года, то-есть через 21 день, Дежнев вернулся в Якутск [43]. Судя по быстрому возвращению, его поездка к якутам была удачной. В этом небольшом эпизоде мы видим Дежнева в весьма необычной для казака роли примирителя племен. Забегая несколько вперед, скажем, что ему и в дальнейшем приходилось неоднократно выступать в этой роли и каждый раз его настойчивый и волевой характер брал верх.

Удачный поход оказал большое влияние на дальнейшую судьбу Дежнева. Его заметили, и осенью он получил еще более ответственное задание.

Летом 1637 года, как мы отмечали выше, якуты восстали против русских. В этом восстании активное участие принимал кангаласский род. Несколько сот якутских воинов кангаласского рода под предводительством тойонов Откурая и Базека подступили к Ленскому острогу, разгромив по пути союзника русских, борогинского князца Логуя. Ленскую крепость якуты взять не могли и вынуждены были в конце концов снять осаду. Казаки преследовали отступающих до их острогов, которые по словам Галкина были «сделаны в две стены, насыпаны хрящом и кругом снегом и водою улито» [44]. Кстати отметим, что штурм таких ледяных крепостей довольно часто оказывался безуспешным.

После подавления восстания кангаласские тойоны уплатили ясак и заключили мирное соглашение с Ленским острогом. Однако несколько дорожащих своей независимостью князцов кангаласского рода не пожелали итти на мировую. В числе их был князец Сахей Отнаков. Сын боярский Парфен Ходырев послал к непокорному тойону для сбора дани двух казаков. Сахей убил этих людей и, боясь возмездия, бежал «в дальние места — Оргутцкую волость», расположенную в районе Средневилюйского зимовья. Осенью 1640 года, после отстранения Ходырева

от службы, Галкин направил в погоню за Сахеем опытного человека, казака Ивана Тимофеева Метленка, но и этот разделил участь своих предшественников [45]. Тогда Галкин послал к Сахею для ясачного сбора Семена Дежнева [46].

О своей службе в Оргутской волости Дежнев упоминает коротко: «И я, холоп твой, — рассказывает он, — с того князца Сахея и с ево детей и с ево родников и с иных Оргутцких якутов взял с них твоего государева ясаку три сорока двадцать соболей» (140 соболей) [47].

Вернувшись в Якутск, Дежнев застал здесь посланного от воеводы Головина Василия Пояркова, который набирал два отряда для сбора ясака на вновь открытых «заморских» реках — Яне и Индигирке. Незадолго перед этим весть о богатствах этих рек принесли уже упоминавшийся енисейский казак Посник Иванов и красноярский казак Аничка Никитин, доставившие в Якутск первый ясак с юкагиров, а также Пронька Козлов Плехан, приплывший «с моря» от енисейского десятника Елисея Юрьева Бузы.

Плехан заявил, что «с падучих рек в море», которое они открыли, «впредь будет тебе, государю, прибыль в ясачном зборе».

Говоря о богатствах реки Индигирки, Посник Иванов заметил, что если царь пошлет туда даже сотню человек, то и тогда им можно будет «прокормиться рыбою и зверем без хлеба, а в Юкагирской де землице соболей много и в Индигирскую де, государь, реку многие реки пали, а по всем тем рекам живут многие пешие и оленные люди, а соболя и зверя всякого много по всем тем рекам и землицам... а у юкагирских же де, государь, людей серебро есть» [48].

Василий Поярков имел строгий наказ — «прибрать» из числа охотников не больше 15 человек и немедленно послать их на Яну и Индигирку, «а в иные землицы на Юкагирскую реку в прииск самим и по челобитию де стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова,

да дьяка Еуфимия Филатова не посылать никого» [49]. Набрать столь небольшую группу не представляло труда. Стоило Пояркову «кликнуть охочих, служилых и промышленных людей», как посыпались челобитные с просьбой отпустить в «новые землицы». Среди челобитчиков был и Семен Дежнев. Быстро составилось два небольших отряда, во главе которых пошли Посник Иванов и Дмитрий Михайлов Зырян. Иванов пошел на Индигирку, Зырян — на Яну. С Зыряном отправился на Яну Дежнев.

За собственный счет казаки купили лошадей, обувь, одежду и оружие, так как, по словам П. Головина, «...государевых лошадей в Якутском остроге не было, дать служивым людям на службу нечего» [50]. Это же подтверждает Дежнев: «...для твоей государевой службы купил две лошади, дал 85 рублей, и платишко и обувь и всякий служебный завод покупаючи в Якутском остроге у торговых и промышленных людей дорогою ценой, стал подъем мне, холопу твоему, больше 100 рублев» [51]. Отряды отправились из Якутска зимней дорогой и, перевалив через горы, вышли в верховья Яны.

У истоков Яны жили тогда якутские роды, занимавшиеся главным образом скотоводством. Скотоводческим занятиям якутов способствовало наличие больших заливных лугов по Яне. С приходом русских эта отдаленная от основной народности горсточка якутов не изменила своему образу жизни и стала покорно платить дань соболями и лисицами. Якутская родовая верхушка (тойоны) с готовностью приняла русское подданство: она рассчитывала на то, что русские защитят ее от воинственных племен юкагиров и ламутов.

Янские якуты сами принесли Дмитрию Зыряну 340 соболей и две чернобурых лисицы. Весной 1641 года Зырян отослал соболиную казну в Якутск с Семеном Дежневым, которого сопровождали три казака, сам же с остальным отрядом решил «проведать, где б, на которой реке государю прибыль учинить». 6 июня Зырян пришел в Индигирское зимовье, и когда несколько позднее туда подошел Посник

Иванов, Зырян выслал его обратно в Якутск, оставшись полным хозяином на зимовье [52].

Дежнев тем временем проходил через Верхоянские горы. Кочевавшие здесь ламуты, узнав о продвижении небольшой группы русских, решили уничтожить их. Отряд под руководством Семена Дежнева отстоял себя и государеву казну. Позднее, вспоминая об этом случае, Дежнев писал, что, «будучи в Якутцкой, встретя нас, холопей твоих, на дороге ламутские тунгусы человек сорок и больше, и с нами, холопами твоими, учинили бой: стреляли они по нас из луков, а мы, холопи, стреляли по них из пищалей». Во время этой стычки Дежнева ранило стрелой в левую ногу, в колено, а другой стрелой в икру. Зато и он «на том бою убил у них лучшего мужика до смерти, а иных тунгусов мы, холопи твои, многих ранили» [53].

По возвращении с Яны Дежнев в августе того же (1641) года был назначен служить на реку Оймекон, приток Индигирки. Ленские казаки открыли эту реку во время поездок к востоку от Алдана. Летом 1641 года оттуда пришел в Якутск казачий отряд во главе с Елисеем Рожей, Третьяком Хомяком и толмачом Григорием Летиевым, посланный туда, как уже упоминалось, в августе 1640 года. Документы очень скупо рассказывают об их походе. Известно только, что между его участниками произошла какая-то ссора, закончившаяся ссылкой Елисея Рожи «без сыску на Яну и Собачью» [54].

Оймекон — это самое холодное место земного шара. Морозы бывают здесь ниже 60° С. Суровая природа Оймекона не привлекала к себе людей. Сюда заходили лишь случайно тунгусы с реки Момы и истоков реки Охоты, а также алданские якуты.

Воевода включил Дежнева в отряд под командованием Михаила Стадухина. В отряде, кроме Дежнева, было 14 отборных воинов, таких, как Второй Гаврилов, Андрей Шестаков, Григорий Фофанов, Роман Немчин и др.

Назначение Стадухина командиром отряда нельзя объяснить ничем иным, как его связями

с воеводой. Мстительный и своенравный Головин с первых дней своего пребывания на Лене удалил от себя действительно полезных людей и окружил, наоборот, подхалимами и взяточниками. Была произведена чистка среди казаков, и неугодных воеводе немедленно выслали. В сыскном деле, которым закончилась служба Головина, читаем: «а которые де нарочитые служивые люди и прожиточные были и государю служили и новые землицы приискивали... тех служивых людей выслал (он) в Енисейский острог за то, что многие енисейские служивые люди и промышленные били челом государю на атамана Осипа Галкина в общих обидах и насильствах... и, любя того Осипа (воеводу) суда не дал». Торговые люди показали, что Головин «ожесточился на православных христиан, мучениями опричь кнута да огня расправы руским людям иной мало, всякому делу сам истец и всех торговых и промышленных и служилых зовет ворами, опричь де у него Василия Пояркова да Васьки Скоблевского никово в добрых людях в Якутцком остроге нет и оттого все торговые и промышленые люди, страшась, бегут из Якутцкого острога вон» [54].

Воевода был неравен в обхождении — одним он покровительствовал, других притеснял. Михаил Стадухин, племянник московского купца Василия Гусельникова, пришелся ему по нраву. Влиятельный казак мог ему пригодиться в борьбе с завистниками и врагами.

Летом 1640 года Стадухин выехал навстречу Головину к Ленскому волоку, где присутствовал при обыске и аресте Парфена Ходырева, возвращавшегося из Якутска с награбленным добром. Подкупленный последним поп Симеон пытался договориться с воеводой об освобождении Ходырева за большую взятку. Спустя некоторое время Симеон донес на воеводу. Михаил Стадухин первый показал против священника и тем самым помог Головину выпутаться из неприятного для него дела.

Стадухины происходили из Пинеги. На Лену они явились почти всей семьей. Кроме Михаила там про-

мышляли два его брата, Тарас и Герасим Васильевы, а также его сын Яков [55]. Вместе с приказчиком купца Василия Федотова, Михаилом Стахеевым Гусельниковым, Стадухины вели крупную торговлю на северо-востоке Сибири. Так, на имя Михаила Стадухина под 1643 годом в Ленской таможне записана крупная торговая сделка на сумму 296 рублей 4 алтына [56].

По своему материальному положению Стадухин принадлежал к казачьей верхушке, тесно связанной с купечеством, а через него и с царскими властями. На этом основании он свысока смотрел на своих товарищей. Не случайно, что непримиримыми противниками Стадухина оказались как раз те казаки, которые служили под его началом на Оймеконе и Колыме.

В противоположность Стадухину, Дежнев вышел из казачьих низов и, живя исключительно на «государево жалованье», всегда нуждался в деньгах. Нам стали известны некоторые подробности личной жизни Дежнева. Перед самым отъездом на Оймекон он подал царю Михаилу Федоровичу челобитную, из которой мы узнаем о его семейном положении.

У Дежнева была жена, родом якутка, по имени Абакаяда Сючю. От этого брака Дежнев имел сына Любима, который служил после смерти отца в Якутске.

Имя Любима Дежнева в списках якутских казаков встречается с средины 70-х годов. До начала 90-х годов через каждые два года якутский воевода посылал Любима на реки Охоту и Улью. Но с этого времени прекращается указание о его дальнейшей судьбе. По всей вероятности, он погиб в одну из схваток с местным тунгусским населением. Все эти факты расходятся с традиционным представлением о личной жизни Дежнева, якобы одинокой, и свидетельствуют, что она была такой же полной, как и его общественная деятельность. Перед отъездом из острога Дежнев позаботился о переходе своей жены в православную веру.

В «выписке», как «их женок крестить», сделанных якутским подьячим для памяти, читаем: «Семейки

Дежнева жонку крестить (именем — *М. Б.*) Абакан» [57].

В челобитной Дежнев просил разрешения передать его корову с теленком для корма якуту Боронгонской волости Манякую, рассчитывая вернуться со службы в следующем году [приложение 2]. Судьба его сложилась иначе: странствования Дежнева по «морским рекам» и «морю-океану» продолжались двадцать лет.

Оружие, одежду, обувь и хлеб казакам опять пришлось покупать за свой счет, «и всякий служебный подъем, — пишет Дежнев, — стал нам, холопам твоим, по 150 рублей».

Отъезд из Якутска на Оймекон состоялся, очевидно, в августе 1641 года [58], а спустя несколько месяцев Стадухин и Дежнев прислали с Оймекона воеводе отписку о текущих делах, в которой писали, что с мемельских тунгусов и якутов собрали ясак «весь сполна и с прибылью». В апреле положение неожиданно осложнилось. «Пришли, — писали казаки, — ламунские тунгусы (охотские тунгусы. Река Охота тогда называлась Ламой. — *М. Б.*) в ночи войною и казачьих коней побили и якуцких кобыл и коней побили же и якутов убили пять человек да служилого человека Третьяка Карпова убили, а двух человек ранили» [приложение 3].

Дело в том, что осенью 1641 года с Оймекона на «Ламунскию вершины» Михаил Стадухин отправил несколько казаков, возможно, в том числе и Семена Дежнева, во главе с Андреем Горелым, в поход, во время которого был захвачен в плен охотский князец Чюна. Как явствует из «роспросных речей» перед воеводой П. П. Головиным, Горелый побывал на Охоте и одним из первых ленских казаков доставил в Якутск сведения об этой реке, о которой заявил, что она «пала в море». Горелый сообщил о любопытном факте, что его отряд немного не дошел до устья Охоты и был всего лишь в трех днях езды от отряда Ивана Юрьева Москвитина и что их соединению помешали ламунские тунгусы [59]. Горелый вернулся на Оймекон к апрелю 1642 года, пресле-

думый охотскими тунгусами, родичами князца Чюны, пытавшимися освободить своего вождя. Однако отряд Стадухина разбил охотских тунгусов, а князец Чюна остался в руках русских.

Кстати, князец Чюна был привезен Михаилом Стадухиным через три года на Лену, дал показание о реке Охоте, а в 1646 году провел туда отряд казака Семена Шелковника, который построил Охотский острог, превратившийся затем в город Охотск.

В упоминавшейся челобитной 1662 года Дежнев более подробно описывает стычку с охотскими тунгусскими племенами.

«И собрався неясачные ламутские тунгусы (правильнее — ламунские тунгусы. — *М. Б.*), — рассказывает он, — сот с пять и больше, кони наши перестреляли и с нами, холопами твоими, учинили бой, и мы, холопи твои, с ними бились, из оружия стреляли, а ясачные тунгусы и якуты за нас стояли и по них из луков стреляли, и божею милостью и твоим, великого государя, счастьем, на том бою убили мы, холопи твои, тех ламуцких тунгусов 10 человек, а иных многих переранили, а меня, холопа твоего Семейку, на том бою ламуцкие тунгусы стрелой ранили в правую ногу в стегно...»

Бой между казаками и охотскими тунгусами хотя и кончился победой русских, но в результате его были потеряны почти все лошади. «А нынчи, государь, мы, холопи твои, — пишет в своей отписке Стадухин и Дежнев, — твоей государевы конной службы отбыли, а служить твоей государевы конной службы не на чем... а на Емоконе жити не у чево, никаких людей нет, место пустое и голодное... нам, холопем твоим государевым, кормитца нечим, а осталися голодны и холодны» [приложение 3].

Дальнейшее пребывание на Оймеконе стало совершенно бесцельным после того, как тунгусы отошли на Охоту, бросив своего князца Чюну. Возвращаться же назад, в Якутск, почти ни с чем Стадухин не хотел, а «других рек и землиц» не знал. На помощь стадухинскому отряду пришел якут Ува, показавший, что «есть река большая Мома, а на той

де реке живут многие люди, а тот Емокон нал устьем в эту Мому». Посоветовавшись со своими говарищами, Стадухин принял решение итти на Мому. «И мы, - писали казаки, — холопы твои госуларевы, вперед не хотя твоей государевой службы отбыть и слышачи про ту реку и про те многие люди, ис тово тунгуского разорения пошли на ту реку Мому и тех людей сыскивать — тебе, великому государю, послужить».

Среди приготовлений незаметно наступила весна, вскрылись реки. Казаки сделали коч и поплыли к устью Индигирки.

Рассказ якута Ува о Моме и Индигирке не отличался новизной. Обследование «заморских» рек проходило с удивительной быстротой. С разных направлений появлялись десятки русских людей. В низовьях Индигирки Стадухин и Дежнев застали большую партию казаков и промышленников. Стадухин, не задерживаясь, направился дальше на восток для поисков «новых рек».

27 августа 1611 года, почти одновременно с отбытием отряда Стадухина на Оймекон, воевода Головин послал по морю на Индигирку березовского казака Максима Телицына, прозвищем Сучку, и Ивана Сергеева, побывавшего там в начале 30-х годов вместе с Иваном Ребровым. Телицыну наказывалось соединиться с отрядом Дмитрия Зыряна и Посника Иванова и нести совместную службу. Предусматривался и такой случай, что на Индигирке окажется слишком много служилых людей; тогда Телицыну надлежало плыть дальше на восток [60]. Из-за позднего отпуска Телицын успел добраться только до Жиганска, где зазимовал. С наступлением весны, закончив постройку судов, казаки продолжали путь. Помимо служебных дел, Телицыну поручалось выполнить географо-этнографическое задание — составить подробное описание побережья между Леной и Индигиркой. «Смотреть им накрепко, — читаем в наказе, — идучи с устья Лены реки до Юганды реки, которые реки впали устьями в море и сколько от которой реки от устья до устья

ходу парусом или греблею и расспрашивать про те реки подлинно, как те реки словут и отколева вершинами выпали и какие люди по тем рекам и вершинам есть и чем кормяца и скотные ли люди и пашни у них есть ли и хлеб родица ли».

17 июля 1642 года на Лену пришел из продолжительного плавания по морю Елисей Юрьев Буза. Он привез с собой сведения о богатствах «новых земляц». В правдоподобности их нельзя было сомневаться. Знаменитый мореход, кроме государевой казны, вывез для себя 1080 соболей, 280 соболиных пластин[1], 4 собольих шубы, 9 собольих и лисьих кафтанов и 2 ферязи [61].

Не меньший интерес в торгово-промышленной среде и прежде всего в чиновничьих кругах Якутска вызвали показания трех юкагиров, привезенных Бузой в качестве заложников. Они уверяли воеводу, что около Индигирки протекает большая река Нерога, «...а пала де та река в море своим устьем, а на той де реке Нероге у устья морского недалече в горе, в утесе над рекою серебряная руда...» [61].

Особенное внимание привлекло известие о серебряной руде. В то время Московское государство испытывало большой недостаток в серебре. Собственные серебряные рудники не покрывали растущей потребности в монете. Поэтому царю приходилось ввозить из-за границы готовую серебряную монету в виде голландских и гамбургских рейхсталеров, а затем перечеканивать их в русские деньги. Такое положение ставило московские финансы в зависимость от притока иностранной серебряной валюты, с чем царский двор не мог примириться. По указам царя повсеместно предпринимались усиленные розыски отечественных серебряных руд; их искали и на Севере — на Новой Земле, на Канином носу и, наконец, в Сибири.

Якутский воевода Головин также имел специальный царский наказ о поисках серебра. Когда юкагиры сообщили о серебряной руде на Нероге, Головин

---

[1] Соболиная пластина — хребтовая половина соболя.

необычайно быстро и энергично взялся за это дело. Летом 1642 года на Индигирку был послан таможенный целовальник Епифан Волынкин, который повез Дмитрию Михайлову Зыряну воеводский наказ произвести строжайшее расследование по показаниям юкагиров. Воевода писал Зыряну, что, в случае удачного исхода дела, царь не останется в долгу перед казаками и выдаст «большое государево жалованье, чево у вас и на разуме нет». Приказчику предписывалось, «прося у бога милости итти на ту реку Нерогу с служилыми и промышленными людьми сколько есть, а в Индигирке оставить людей немногих». Свою поспешность воевода объяснял тем, что «серебряная руда государю надобна» [62]. Волынкин не застал Дмитрия Зыряна в Индигирском зимовье, и о фантастической реке Нероге скоро забыли. Этому не в малой степени способствовало то, что появилась новая заманчивая цель — была открыта река Колыма.

О Колыме первыми узнали индигирские казаки. Мы уже говорили о том, что летом 1638 года Посник Иванов собрал первый ясак с трех колымских князцов. Но тогда, по всей вероятности, мало обратили внимания на известие о большой реке Колыме, да и людей для похода туда было далеко не достаточно. Через 4 года дело существенно изменилось. Летом 1642 года Дмитрий Зырян вместе с промышленными людьми, оставив в острожке за себя Лаврентия Григорьева, поплыл с устья Индигирки к востоку и вскоре дошел до реки Алазеи, лежащей на полпути к Колыме. Заметив незнакомые корабли у родных берегов, коренное население этих мест — чукчи и юкагиры — вышло навстречу отряду Зыряна и вступило с ним в бой, окончившийся победой русских. Дальнейший путь по Алазее также пришлось прокладывать силой оружия. Бои продолжались до верховьев реки. Здесь казаки поставили острожек и подчинили живших там юкагиров, с которых удалось собрать первый ясак — 180 соболей.

Один из участников этого выдающегося похода казак Федор Чюкичев, приплывший с соболиной каз-

ной на коче на Лену летом 1643 года, рассказал о нем: «... Служилые люди (Индигирского зимовья. — *М. Б.*) и с ними Митька Ярилков (второе прозвище Зыряна. — *М. Б.*) 15 человек, сделав на той на Индигирке реки два коча, и пошли на тех кочах вниз гою Индигиркою рекою до моря и шли две недели; из усть де Индигирки реки к востоку бежали по тому мурю парусом до усть Алазей реки, вверх парусом и собою до юкагирского князца Ноочичан пол третьи дни и с тем князцом с ковымским шаманом было их людей человек с триста, на той на Алазей реки встретились, и с ними служилыми людьми бой был, и на том бою их служилых переранили девять человек, а их побили много и поймали на том бою аманата улусного их мужика юкагирского роду именем Шамана: и после того бою шли они служилые люди вверх по Алазей реки в тех кочах шесть ден и дошли до лесу и у того де лесу зимовье поставили». Вскоре к зимовью приехали с Колымы другие юкагирские роды, которые заявили, что «де с Алазеи реки на Ковыму реку аргишем переезжают на оленях в три дни, а до них (Зыряна и его товарищей. — *М. Б.*) де ничто руских людей у них не бывало и про них они руских людей не слыхивали... а аманатов за беслюдство воймать было не уметь; и сказывают они (юкагиры. — *М. Б.*) про себя, что де их бесчисленно - людей много, а в то место про людей показывают у себя на головах волосы, столько де много, что волосов на голове, а соболей де у них много, всякого зверя и рыбы в той реки много» [63].

Весть о большой реке на востоке мигом разнеслась по соседним зимовьям. Имея небольшую группу людей, к тому же окруженный враждебным населением, Зырян вначале не решался пойти на разведку. Но вскоре все приняло неожиданный оборот. Почти следом за Зыряном по морю на Алазею пришел отряд Михаила Стадухина и Семена Дежнева.

С прибытием стадухинского отряда силы русских на Алазее значительно увеличились. Между казаками существовали недружелюбные, а иногда и открыто враждебные отношения. С ответственным поруче-

нием — примирить враждовавшие группы, пригласить Дмитрия Зыряна в компанию к Стадухину, поехал Семен Дежнев. «... Ходил я, холоп твой, — пишет он, — с Романом Немчином к служилому человеку к Дмитрию Михайлову с товарищами для совету, чтоб нам, холопам твоим, с ним Дмитрием вместе служить твои государские службы и в ясачном зборе прибыль учинить и непокорных и непослушных иноземцев под твою царскую высокую руку приводить» [61]. Зырян согласился соединить отряды.

Летом 1643 года, рассказывает Ф. Чюкичев, «они, служилые люди, Митька Ярилков (Зырян. — *М. Б.*) пошел с усть Алазеи реки к востоку на коче, а с ним одинцать человек, на Колыму реку» [65].

Кроме Зыряна здесь были: Дежнев, Стадухин, Фофанов, Шестаков, Гаврилов, Артемьев, Прокофьев, Немчин, Федоров, Коновалов — казаки из отряда Стадухина. Последнее обстоятельство предопределило выбор вожака: Стадухин возглавил отряд, хотя Дмитрий Зырян попрежнему оставался душой всего смелого мероприятия.

О том, что отряд Зыряна благополучно достиг Колымы, сообщил колымский князец Пороча, который зимой 1643—1644 годов попал в плен к казакам Нижнего индигирского зимовья [66].

Пороча передал, что Зырян, которого он встретил на Колыме, привез с собой алазейских аманатов и летом 1643 года взял в плен несколько колымских князцов. Словоохотливый Пороча подробно рассказал индигирским казакам о богатствах Колымы, ее притоках и о реке Чендон (Гижиге), впадающей в Охотское море [67].

Из всего этого достаточно видно, что еще в 1642 году русские получили довольно достоверные сведения о северо-востоке Азии, в частности о реке Колыме, ее притоках и о реках, лежащих к югу от них, и что в следующем году Зырян дошел по морю до устья Колымы. Это решительно расходится с традиционным представлением об открытии реки Колымы, относимом к 1644 году и приписываемом одному Стадухину. Важно отметить, что первые

сведения о Колыме на Лену привез летом 1643 года Федор Чюкичев, доставивший с Алазеи соболиную казну — 7 сороков (280) соболей. На коче Чюкичева приплыл с Индигирки в Якутск казак Андрей Горелый, отпущенный Стадухиным с оймеконской соболиной казной. Эти казаки, один, побывавший на Алазее, другой — на Охоте, дали воеводе любопытные показания относительно местоположения вновь открытых земель, — показания, являющиеся отражением тех географических представлений о северо-востоке Сибири, которые постепенно, по мере новых открытий, начали складываться у ленских казаков и промышленников, шедших впереди колонизационного движения, и, прежде всего, у казаков отряда Стадухина, Дежнева и Зыряна.

«Да те же служилые люди, — читаем мы в «роспросных речах» (1644 г.), — Андрюшка Горелой да Федька Чюкичев в роспросе сказали: только де государь укажет послать с усть Муки реки (там находилась судостроительная верфь. — *М. Б.*) на новые на Алазей и на Колыму реку своих государевых служилых людей человек с 30 в куяках (панцырях. — *М. Б.*), да охочих промышленных людей с 30 человек же и тех тунгусов смирити и под сво государеву цареву высокую руку привесть мочно и ясак на государя взять, вперед государю будет прибыль не малая; и тем же служилым людям надобно зделать на усть Муки реки два кочика мерою по 6 саженей ручных и в тех де кочиках дойти до Алазей и Ковымы рек будет мочно однем летом, только их пошлют не позно, за льдом и тем де однем летом на те реки поспеть будет мочно, а те Алазей и Ковыма реки не в той стороне, где были томские служилые люди (разрядка наша. — *М. Б.*), Нехорошка Колобов с товарищи» (люди, оставленные Иваном Москвитиным на Охоте после его ухода на Лену. — *М. Б.*) [68].

Добавим к словам Чюкичева и Горелого показания колымских аманатов о реке Колыме, ее притоках и о реке Чендон, впадающей в Охотское море, и получится более точная картина, представившаяся горсточке

смелых русских людей, устремившихся к крайней северо-восточной части Азиатского материка. С каждым новым открытием они все более и более убеждались в том, что земля, лежащая к востоку от Лены, гигантским выступом уходит в океан, который омывает ее с двух сторон. Действительно, во время пребывания Дежнева и Стадухина на Оймеконе (зима 1641—1642 года) было получено известие о том, что за горным хребтом, на юге, лежит река Охота, впадающая в море. Таким образом, им было известно, что та часть земли, которая расположена к востоку от Оймекона, ограничивалась морем. Через год те же Стадухин и Дежнев, идя в противоположную сторону, вниз по реке Индигирке, достигли «Студеного моря» и, пробравшись сквозь льды еще дальше на северо-восток, услышали от колымских жителей, что истоки этой реки находятся на «камне» (хребте) и что за ним течет река Чендон (Гижига), впадающая в море. Эти сведения не могли не создать представления о том, что «камень», по которому казаки проходили на Оймекон, и тот, о котором рассказали колымские жители, — один и тот же, что он далеко тянется с запада на северо-восток и омывается с двух сторон морскими водами. На основании этих показаний Чюкичев и Горелый заявили якутскому воеводе, что реки Алазея и Колыма лежат в «другой стороне» по отношению к реке Охоте. Водоразделом в данном случае для Чюкичева и Горелого служил «камень». Добраться до конца этого гигантского горного хребта становилось заветной мечтой тех, кто раньше всех открыл эту истину, — казаков отряда Зыряна и Стадухина. Как увидим ниже, никому из этих вожаков не суждено было побывать на самой крайней северной точке «камня». И лишь незаметному, ничем особенно не проявившему себя и все эти годы находившемуся как бы в тени, казаку Семену Дежневу удалось довести до конца обследование северо-востока Сибири, начатое в 30-е годы XVII века Ребровым, Бузой и Зыряном. И с того момента, когда он решится на этот великий подвиг, его личность вырастает в значительную фигуру, полную энергии,

воли и целеустремленности — она становится великой.

Как мы уже упоминали, летом 1643 года отряд Стадухина и Зыряна пришел на Колыму. В самом ее устье, на протоке, ныне называемой Стадухинской, казаки поставили зимовье «с нагороднею», перенесенное затем вверх по реке к месту, где в Колыму впадает река Анюй. Это зимовье получило название Нижнеколымского.

Своими богатствами, обилием пушного зверя, размерами, величавой суровой природой Колыма поразила видавшего виды Стадухина. Через три года он рассказывал якутскому воеводе Василию Пушкину, сменившему Головина, что «Колыма река велика есть с Лену реку, идет в море также, что и Лена под тот же ветер под восток и под сивер, и по той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики, свой род оленные и пешие и сидячие многие люди и язык у них свой» [69]. Предстояло еще овладеть «новой землицей».

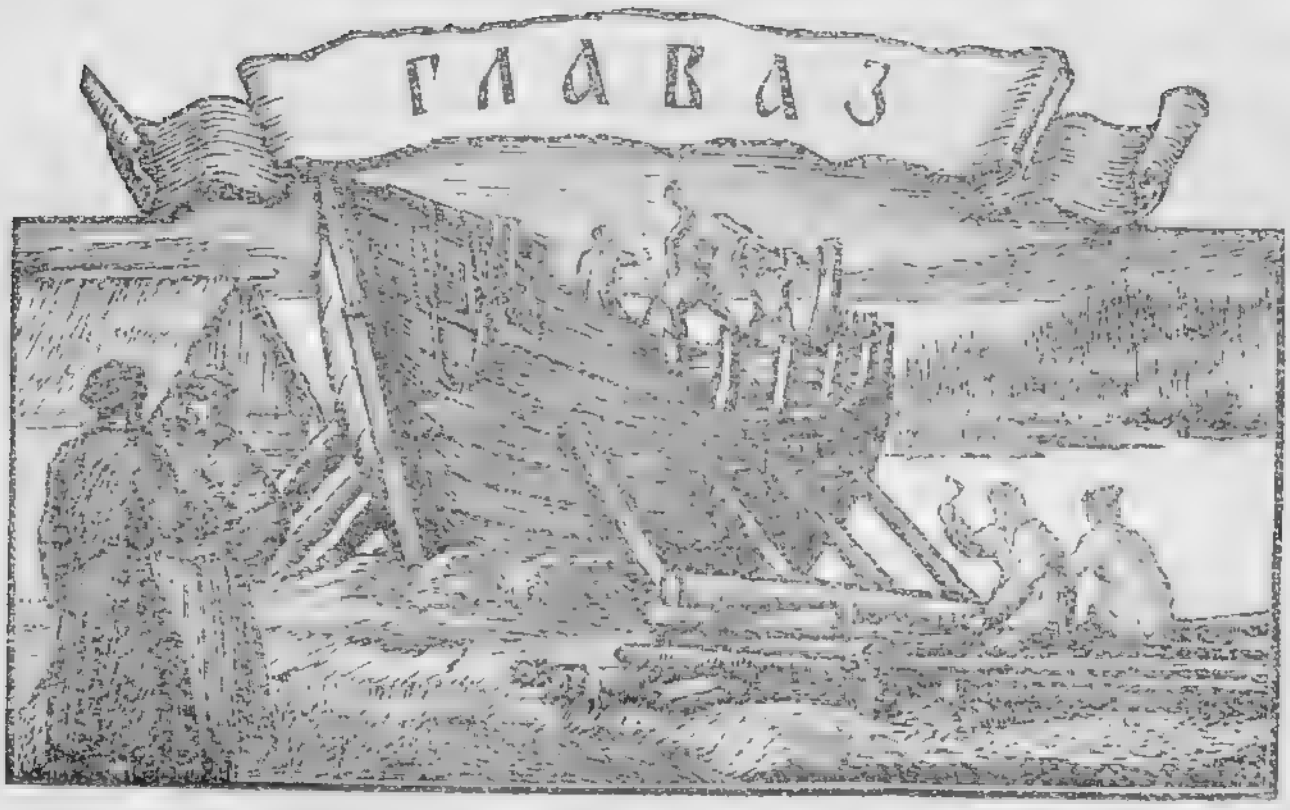
В освоение новой реки каждый из казаков отряда Стадухина внес свою лепту, и каждый по праву мог сказать, что служил царю «не щадя головы и не жалея крови».

Особенно отличались удалью Дежнев, Стадухин и Зырян. Стадухин показал, что он «поймал в аманаты юкагирских лучших трех мужиков», был ранен стрелой в грудь, и за два года службы в Нижнеколымске собрал ясак — 320 соболей [70]. Семен Дежнев ходил на оймоков (по мнению Огородникова — юкагирское племя. — *М. Б.*) «и с теми оймоками, — пишет он, — на имке аманатов был бой, и я, холоп твой Сенька, на той имке убил у них лучшево мужика Аллаева брата, а сына Аллаева — Киниту в аманаты поймали, а меня, холопа твоего, в левую руку по завити железницею насквозь прострелили» [71]. Дмитрий Михайлов Зырян, по словам колымского таможенного целовальника Петра Новоселова, в 1643 году на Алазее взял двух аманатов, а в следующем году на Колыме в бою пленил Аллаева сына Киниту [72].

Но какова бы ни была удаль горсточки казаков, ее было недостаточно для освоения огромной территории, которую они открыли. Честь этого освоения принадлежит не только им, но и торгово-промышленному люду Сибири, сразу устремившемуся сюда в погоне за быстрым обогащением.

Заметим, что до середины 40-х годов XVII века открытие и завоевание земель восточнее низовьев Лены совершалось небольшими отрядами, группами отважных землепроходцев, мгновенно появлявшихся и так же быстро исчезавших. Среди них следует отметить Ивана Реброва и Илью Перфирьева, Посника Иванова и Елисея Бузу, Федора Чюрку и Дмитрия Зыряна, Михаила Стадухина и Семена Дежнева.

С этого времени начинается прочное промышленное освоение «новых землиц», создание там опорных пунктов — зимовий и острожков, опираясь на которые, русские сделали дальнейшие географические открытия.



ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЕ МОРЕХОДЫ

В 40—60-х годах XVII века между Леной и Колымой поддерживались оживленные морские перевозки, по которым шли самые различные грузы как для снабжения промыслов, так и для удовлетворения запросов коренного населения в русских товарах.

Кормщиками-штурманами этих плаваний здесь, как и в остальной Сибири, были выходцы из русского Поморья. У себя на родине они были хорошо знакомы с мореходным делом, свыклись с «морской службой» и на Лену пришли уже опытными моряками. Запрещение морского хода в Мангазею (1619) оставило без промысла ту часть русских поморов, ко-

горая на протяжении веков занималась «судовым делом». Поморы, в памяти которых не изгладилось воспоминание о «мангазейском ходе», пополняли ряды служилых и промышленных людей, направлявшихся в Сибирь. Теперь с выходом в «Студеное море» на востоке пригодились славные народные морские традиции, сложившиеся в свое время в Поморье.

Частые походы по морю оказали сильное влияние на весь уклад жизни якутских казаков и промышленников, обогатили их новыми впечатлениями, расширили их кругозор. Плавая у берегов неизвестных земель, они все чаще задумывались над географическими вопросами, пытались определить место новых открытий в общем устройстве земли и суши. Эти представления были наивными, но вместе с тем подчас и исключительно оригинальными. Например, по словам Михаила Стадухина, бывшие с ним на Колыме промышленники приметили против устья Яны и Индигирки остров — «гораздо тот остров в виду и горы снежные и падины и ручьи знатны... а тот же остров камен в мори пояс... Они (казаки. — *М. Б.*) и промышленные люди, — продолжает Стадухин, — смечают — все то один идет, что ходят и с Поморьи с Мезени на Новую Землю и против Енисейского и Тазовского и Ленского устья тот камень то ж все един, что называют Новою Землею» [73].

Сам Стадухин, как видно из его наказной памяти на Колыму, также считал, что Новая Земля простирается в океане параллельно всему северо-востоку Азии. Кстати, это предположение о протяженности Новой Земли далеко к востоку от ее истинного местоположения спустя несколько лет перекочевало в западно-европейскую науку, где снискало себе горячих сторонников и в их числе известного голландского географа и этнографа Николая Витсена.

Небезинтересно в связи с этим привести еще один факт, свидетельствующий о том, насколько логично истолковывали простые русские люди явления глубокого прошлого Крайнего Севера. Со слов Витсена мы знаем, что русские мореходы рассматривали появление мамонтов в Арктике в тесной связи с

потеплением арктического климата, которое они относили к очень давнему времени [74]. Современные научные данные подтвердили правильность этих воззрений русских людей XVII века. Кстати сказать, сам Витсен, ученый географ, решительно возражал против такого объяснения и выдвигал вместо него библейский миф о потопе, водами которого мамонты были занесены на берега Ледовитого океана якобы из Индии.

Для космографических представлений первых землепроходцев, едва появившихся на северо-востоке Сибири, характерен следующий факт. В конце 30-х годов XVII века существовало твердое убеждение, что позади вновь открытых рек — Алдана, Олекмы, Витима и др., а также их восточных притоков, вокруг всего восточного сибирского массива течет река Лама. Истоки этой реки помещались где-то в «Китайском царстве», а устья — на берегах Студеного моря, так что реки Шилка, Охота, Улья и другие, по мнению служилых и промышленных людей, должны впасть в эту огромную реку. Исходя из такого неверного представления, опровергнутого позднейшими открытиями, енисейский воевода в 1636 году послал десятника Елисея Юрьева Бузу к устью реки Ламы, убежденный, что оно расположено где-то к востоку от устья Лены.

Как мы уже не раз упоминали, мореходы ходили на судах, называвшихся кочами. Это были деревянные однопалубные, одномачтовые морские корабли, хорошо приспособленные к условиям плавания в Арктике. Достоинством этих небольших судов было то, что плавающий на них мореход мог пользоваться и «заберегой» — полосой чистой воды вдоль берега и «голоменью» — открытым морем. При хорошей погоде промышленники совершали на кочах далекие рейсы, пересекая бухты и моря. При этом они пользовались компасом. Этот навигационный прибор был известен поморам под названием «матка». По сведениям Н. Витсена, ленские казаки, кроме компаса, широко использовали глубинный лот, облегчавший им плавание вдоль берегов с чрезвычайно неровным

морским дном. Незначительная осадка (немногим меньше сажени) позволяла кочу проходить в тех неглубоких местах, где садились на мель тяжелые деревянные корабли позднейшего времени. Кочи применялись и для передвижения по рекам Сибири. При попутном ветре это полярное морское судно шло с удивительной скоростью — до 200—250 километров в сутки, что позволяло мореходам за короткую северную навигацию уходить далеко от родных берегов.

Тип легкого морского судна, имеющего мощное парусное вооружение, не случайно возник на севере России.

С древнейших времен население русского Поморья ходило промышлять на Новую Землю и Грумант (Шпицберген), вело бойкую торговлю вдоль берегов Ледовитого океана. Помору важно было быстро дойти до намеченной цели и успеть этим же летом возвратиться домой. Зимовать за полярным кругом при отсутствии сколько-нибудь сносных человеческих условий представлялось нежелательным.

В Поморье был известен и другой тип морского судна (ладья), но в Сибири основным средством передвижения по морю являлся коч. Из Верхотурья, главной западной верфи Сибири, и Усть-Кутского плотбища, где заготовлялись суда для Якутска, каждой весной направлялись к морским берегам караваны новых кочей, перевозивших потоки грузов и людей.

Сибирские верфи обслуживались особой группой промышленного люда — судовыми плотниками и кочевыми мастерами, причем специальность последних ценилась необычайно высоко. Искусство строить кочи было доступно не всем и не каждому. Оно передавалось из поколения в поколение, из рода в род, от отца к сыну. В 1610 году Верхотурью «для морского кочевого дела в уставщики» потребовался «плотник добрый, который б морские (кочи — *М. Б.*) делать умел». Хотя в этом районе находилась верфь, однако нужного человека не удалось отыскать. Дело приняло такой оборот, что в поморские города разослали

специальные царские грамоты с распоряжением подобрать кочевого мастера, которого в конце концов нашли на Пинеге. Это был «плотник человек добрый и к морскому ходу кочевому делу свычен» — Селиван Мелентьев. Из этого примера достаточно ясно, как высоко ценилось в XVII веке искусство строить морские суда.

С казачьим отрядом Съезжая изба посылала своего судового плотника, под руководством которого, в случае повреждения судна, производился ремонт, а иногда коч отстраивался заново. Таких примеров больше чем достаточно в истории восточно-сибирского мореходства.

Делались кочи из «мелкослойного» сухого соснового леса, упругого и гибкого, стойкого при сжатии льдами. В длину судно достигало 18—19 метров, в ширину 4—4½ метра, поднимало до 2000 пудов груза. Для управления судном достаточно было 10—15 человек. Кроме экипажа коч мог перевозить от 30 до 50 пассажиров-попутчиков, казаков или промышленников. Для рыбной ловли, частых поездок на берег, стаскивания с мели на палубе коча имелось два карбаса или лодки-набойницы. Ходили кочи под большим холщевым парусом, 13 метров в высоту и 8—8½ метров в ширину. Парусом управляли при помощи веревок — дрогов (фалов), вожжей (шкотов), буглин и др. В носовой части при помощи ног (вантов) укреплялась высокая мачта-шегла, а на корме имелось рулевое управление, состоящее из сопца (руля) и двух веревок, идущих от концов дуги руля к большому «колесу с железными веретенами» — штурвалу.

В оснащение коча входило несколько железных якорей и якорные канаты (шеймы). На палубе в кормовой части помещалась «казенка» — каюта, где жили приказные люди. Экипаж размещался под палубой, в отсеках — «заборницах». Отправляясь в поход на море, где «кручины великие» и «ветры страшные раздирные», казаки брали с собой по два или три паруса и несколько запасных пар веревок. При коче всегда имелся запасной инструмент: долото,

скобели, топоры, тесла, сверла, пилы и запасные части, особенно скобы и железные поларшинные гвозди. Хорошо оснащенный коч ценился очень дорого — 200—300 рублей, но обыкновенные простые кочи, на которых плавали небольшие промышленные группы, стоили не больше 60 рублей.

Конечно, в этом морском судне было много несовершенного. Крупным его недостатком являлось отсутствие оснащения, позволявшего плавать при встречном ветре. При «противном» ветре мореходы отстаивались в бухте в ожидании хорошей погоды, теряя драгоценное время. Правда, при прямом косом парусе силу бокового ветра использовали, но в крайне ограниченных размерах. Вдоль мелких берегов кочи тянули на бечеве.

Легкий, послушный на волне, хотя и имеющий килевое устройство, коч был неустойчив во время бури. Требовалось много самообладания, большая отвага и незаурядная смелость, чтобы вести такое судно среди разбушевавшейся стихии.

Летом 1653 года с Колымы на Лену возвращался казак Тимофей Михайлов Булдаков с группой промышленных людей. «Морем идучи, — рассказывает Булдаков, — ветры были страшные и прижимные, большое море чисто, не ледяно, зыбь большая, не можно никак отстоятца, коч весь разбило и шеймы привало и якори приломало — четыре якоря». Пять раз буря выбрасывала судно на мель. «Сымались долгое время и ход опоздало, все лето на море мучилися и голод терпели, ели постели оленьи и ровдуги и дошли в осень поздно, уже на море губы стали».

На Яне мореходы застали пустое зимовье. Голод и холод угнали отсюда людей: «А у нас, — пишет Булдаков, — ветры были страшные и прижимные, было, рыбу добыть — ловить нечем». Только после годового скитания в тундре отважные люди вышли, наконец, на Лену, а оттуда доехали до Якутска [76].

За год до Булдакова казак Василий Бурлак на коче пытался пройти от Лены к Колыме. Из-за ветров коч простоял в устье Лены до 17 августа. Бурлак успел в оставшиеся до наступления морозов дни

(это случилось 7 сентября) пройти к устью реки Индигирки, где его коч «относною погодою отнесло со льдом на море и носило в море четверы суток в великих льдах». С «великой нужею» мореходы провели свой коч к материку, но за четыре версты от берега им встретились такие «великие льды», что пришлось оставить судно и продолжать путь на нартах [77].

В том же году, немногим раньше Бурлака, от Лены до Алазеи прошел новый приказчик реки Хромовой Тренька Алексеев вместе с караваном торговых и промышленных людей. Алексеев потратил несколько дней на поиски устья реки Хромы. Тем временем погода изменилась, подул сильный ветер, на море разыгрался шторм и «судом божьим, — пишет Алексеев, — морскою погодой на море нас било и выбросило на устье Алазейки реки на сухую кошку (мель. — *М. Б.*)». Недостаток продовольствия не сломил моряков и они «чуть голодною смертью не померли», но остались у судна, дожидаясь весны [78].

Из года в год плавали якутские казаки по «Студеному морю», и из поколения в поколение передавалась их славная морская традиция. Можно с точностью проследить, как на протяжении всего XVII века тяжелые службы на «заморских реках» несли одни и те же казачьи семейства. На смену умершему отцу, опытному мореходу, приходил его сын или племянник. В Якутском воеводстве особенно прославились семьи мореходов Ребровых и их ближние родственники Пермяковы, семьи Булдаковых, Стахеевых и Стадухиных, Ерастовых и Алексеевых, Катаевых и Коткиных и др.

РЕКА ИОГЫЧА

Открытие Колымы усилило приток торгово-промышленного люда на «заморские» реки.

В 1645 году якутская таможня отпустила «за море» 551 промышленника, которые имели товаров на сумму 16 067 рублей и среди них 6526 пудов хлеба [79].

Летом 1647 года воевода Василий Пушкин писал в Москву, что торговые и промышленные люди, «которые в Якуцком остроге были, в те новые места на промыслы судами пошли». В июне—июле этого года якутская таможня выдала проезжие грамоты «вниз по Лене и морем на Индигирку и Колыму для торгу

и промыслу» 404 человекам, плывшим не менее чем на 15 кочах [80].

Обращает на себя внимание то, что основная масса отпущенных — это представители крупных московских купцов и царской знати — приказчики гостей Семена Задорина, Ревякина, Василия Федотова, Босова, Данилы Панкратьева, Александра Баева, крестьяне Сийского монастыря, люди думного дьяка Федора Лихачева, боярина Романова и т. п. Торговцы брали с собой разнообразные товары: сермяжные и английские сукна, холщевое полотно разных сортов, неводные сети, нити, лосиные камысы (подкладки под лыжи), рукавицы, красные кожи, обувь, свечи, овчины, ярославские рубашки, топоры, ножи, одеяла, одекуй, бисер.

В результате таких массовых походов с первых же лет Колыма превратилась в один из крупных торговых и промышленных центров Сибири. В 1647 году Колымская таможня взяла оброчные деньги с 396 человек, а «десятинная казна» этого года составила 1653 соболя, оцененных в 3760 рублей [81]. И в последующие годы колымская «десятинная казна» сохранила первое место среди таможенных сборов Якутского воеводства. Так, например, в 1653 году она выразилась в 1153 соболях стоимостью 3315 рублей [82].

Летом 1647 года в Нижне-Колымске и Верхне-Колымском ясачном зимовье состоялась первая «ярманга». Устраивались такие базары чаще всего в августе, когда промышленники приходили с промысла, а с Лены приплывали новые партии торговцев. На «ярманге» продавали меха, суда, лес, кожи, покупали хлеб, соль, сукна, холст, свечи и т. п.

Распоряжался на «ярманге» таможенный целовальник [1], который облагал товары пошлиной (порублевой), закреплял торговые сделки и выдавал на приобретенную пушнину проезжие грамоты. О размахе колымских базаров можно судить по ежегодным

---

[1] Целовальник — таможенный чиновник, выбиравшийся из среды торговых людей.

большим таможенным сборам, достигавшим иногда 150—200 рублей.

Торговля на Колыме была чрезвычайно выгодна, несмотря на трудную и опасную туда дорогу. Особенно наживались те торговцы, которые поставляли на «ярмангу» хлеб и «промышленные заводы». Цена пуда хлеба, стоившего в Якутске 3 алтына, колебалась в Нижне-Колымске между 5 и 8 рублями, а в некоторые голодные годы доходила до 10 рублей. Неудивительно, что торговцы получали от колымских промыслов и «торга» огромные барыши.

О размахе торговли говорит и количество пушнины, ежегодно вывозимой из Нижне-Колымска на Лену. В июле 1654 года было отпущено в Якутск 8962 «промышленных и перекупных» соболиных шкурки, а в 1657 году — 10 759 [83]. В 1645—1648 годы небольшая группа ленских торговцев свезла на Колыму товаров на 5997 рублей 12 алтын 2 деньги, а выручила пушнины на 14 401 рубль 9 алтын 2 деньги. Чистая прибыль выразилась в 8403 рубля 21 алтын 3 деньги [84]. Ради таких барышей люди шли на опасность, а иногда и на погибель во время далеких плаваний.

Весной 1645 года значительная партия ленских торговцев и промышленников вместе с целовальником Петром Новоселовым отплыла с Лены на Колыму. Петр Головин вручил Новоселову наказную память на имя Дмитрия Зыряна, утверждавшую его в правах приказчика. Почти в то же время с Колымы выехали на Лену Стадухин и Зырян

Встреча между ними и Новоселовым произошла на море. В связи с новым назначением Зырян возвратился на Колыму, а Стадухин осенью 1645 года прибыл в Жиганск.

Дмитрий Зырян служил в Нижне-Колымске еще два года и, по словам Дежнева, вместе с Петром Новоселовым «государю радели с великим радением — посылали нас на непослушников неясачных иноземцев человек с тридцать и больше... на юкагирских мужиков, которые приходили к острожку приступом. И мы, холопи твои, с товарищи поймали

в аманаты юкагирского мужика Оливина сына Черма, а меня, холопа твоего Сеньку, на той имке те юкагири ранили в левую руку в мышку» [85]. Бой, о котором упоминает Дежнев, описал в своей отписке Петр Новоселов: «В 153 (1645) году вверх по Колыме, от устья три дни бечевного хода, на сторонней реке на Анюе, оленных юкагирей служилый Дмитрий Михайлов с служилыми и с промышленными людьми поймали в аманаты лучших двух мужиков детей двух сынов князца Алпеву и взяли под него под князца в аманаты сына его, именем Чермоя». Во время боя был тяжело ранен Дмитрий Зырян, который в начале следующего года скончался от ран.

После смерти Зыряна казаки выбрали приказным на Колыме Второго Гаврилова, а Петр Новоселов со своими покрученниками ушел вверх по реке, где и оставался до 1647 года. Летом этого года Гаврилов и Новоселов отослали в Якутск большую соболиную казну. Сопровождали ее казаки Григорий Фофанов и Селиван Харитонов, которые тем же летом благополучно достигли Лены [86].

С отъездом Фофанова гарнизон Нижне-Колымска уменьшился до восьми казаков. Это были Сергейко Артемьев, Семейка Дежнев, Мишка Савин Коновал, Макарка Тверяков, Семейка Иванов Мотора, Пашка Леонтьев, Михалка Семенов и Поспелко Кузьмин [87], на которых приходилось пять юкагирских аманатов. Правда, на Колыму явились ленские служилые люди; Герасим Анкудинов с товарищами. Эти люди просили Второго Гаврилова принять их в состав нижнеколымского гарнизона, но, как потом выяснилось, честно служить они не желали. Прошлое Анкудинова для нас не совсем ясно. В 30-е годы он появился на Лене с новыми партиями служилого люда, а в 1641 году рядовым в отряде сына боярского Василия Власьева перешел на реку Яну, откуда бежал вместе с другими казаками на Колыму, прослышав о ее богатствах. Пользуясь безнаказанностью, Анкудинов занялся грабежом торговцев и промышленников, нападал на торговые

караваны, обирал ясачное население, «заводил бунты».

В Якутском архиве сохранилось несколько «изветных» челобитных (доносов) о Герасиме Анкудинове. В 1645 году на него жаловался якутскому воеводе Петру Головину приказчик гостиной сотни Григория Панкратьева Андрей Дубов. По словам Дубова, он отослал на Индигирку летом 1644 года 12 своих покрученников на соболиные промыслы. Двух из них переманили к себе Герасим Анкудинов и Иван Баранов и, забрав у остальных все товары, принадлежащие Дубову, стоимостью 250 рублей, бежали «на Ковыму и на другие сторонние реки» [88]. Другая «изветная» челобитная на Анкудинова подана казаком Алексеем Ермолиным. В ней челобитчик рассказывает о том, что во время его пребывания на Индигирке (лето 1645 года) Герасим Анкудинов вместе с 11 своими товарищами «меня, холопа твоего, били и увечили на смерть и отняли, государь, у меня, холопа твоего, сильно животу моего 4 сорока соболя да шубу соболью, а пошло 100 пластин в нее, 8 сороков пупков собольих, шапка муская... на 450 рублев 24 алтына 4 деньги и вперед мне, холопу твоему, те служилые люди угрожают убойством и не ведаю за что; и пошел тот Герасим с товарищи на Ковыму реку и я остался от их побоев увечен» [88].

Небезинтересен состав отряда беглых казаков, который возглавлял Анкудинов: в нем были ленские служилые люди, мангазейские казаки и ленские промышленники.

Со второй половины 40-х годов уже и Колыма стала тесна для промышленников и казаков. Начались походы дальше на северо-восток Азии. Поводами для этих походов послужили рассказы о богатой соболями реке Погыче (как спустя некоторое время выяснилось, реке Анадыре). По сведениям казака Второго Гаврилова, эта река была расположена за Колымой, «за хребтом, за Камнем» и «лесу де на ней мало, а люди де на ней оленные живут многие, и по той де реке соболи есть же» [89]. Михаил Стадухин показывал, что лежит река «выше Колымы

сказывают Погыча, а до ней от Колымска парусным погодьем бежать трое сутки и больше и та река большая и соболиная и иноземцев де на ней много ж и язык у них свой же» [90]. Не было недостатка в еще более определенных заявлениях о реке Погыче. Так, летом 1647 года казак Иван Ерастов с 40 товарищами утверждали в Якутской съезжей избе, что «они отведали ныне новую землю: вышед из Ленского устья итти морем в правую сторону, под восток, за Яну и за Собачью и за Алазейку, за Ковыму реки — новую Погычу реку. А в тое де Погычу реку впали иные сторонние реки, а по той Погыче и по иным сторонним рекам живут многие иноземцы разных родов, неясачные люди, и ясаку никому нигде не платят и наперед де сего и по се число на той реке русских людей никого не бывало. А соболь де у них самый добрый, черный» [91]. Все эти рассказы имели один источник — расспросы колымских юкагиров, так как действительных сведений о реке Анадыре — Погыче — на Колыме в 1647 году еще не было и не могло быть.

Вопрос о реке Погыче — Анадыре породил в ученой литературе много всевозможных предположений. Нам удалось отыскать нить, ведущую прямо к первоисточнику слухов о реке Погыче. Весной 1642 года Красноярский казак Иван Родионов Ерастов (Велкой) проходил службу в Нижнем Индигирском зимовье, когда туда с Колымы прикочевал род князца Порочи. Мы упоминали, что Пороча дал подробное показание о северо-восточных сибирских реках. Ерастов, лично допрашивавший Порочу и его жену, заинтересовался рекой, которая, по словам Порочи, «пала своим устьем к морю» за Колымой. К сожалению, не удалось отыскать в архиве «роспросных речей» Ерастова, прибывшего с Индигирки в Якутск вместе с Чюкичевым и Горелым. Но зато нам известно вышеприведенное заявление Ерастова о Погыче, что он «отведал» (узнал доподлинно) об этой реке. Разумеется Ерастов имел в виду рассказы Порочи. В одном таможенном деле Якутского областного управления (столбец 57, л. 60) хранится любопытный

Документ, разъясняющий до конца все это дело. Это «роспись судовой снасти», необходимой Ивану Родионову Ерастову с 37 товарищами на 2 коча, предназначенные для плавания на реку Погычу. Кстати, в подтверждение слов Н. Витсена о том, что ленские казаки плавали по морю с Колымы, среди других судовых снастей находим «две матки ставных» (компасы). Они предназначались для управления судами во время их далекого морского плавания на реку Погычу. Воеводская резолюция на этом документе гласит: «154 (1646) году июня в 29 день, взять к делу и переписать, всякие снасти готовить, а чево в казне нет и то велеть купить таможеному голове». Все это свидетельствует о том, что еще летом 1646 года Якутская съезжая изба по челобитной Ивана Ерастова стала готовить большую морскую экспедицию на реку Погычу—Анадырь. Из дальнейшего изложения мы увидим, что руководство этой экспедицией перейдет в руки воеводского ставленника Михаила Стадухина. Иван Ерастов даже не будет привлечен к участию в походе. Важно отметить, что слухи о реке Погыче летом 1646 года волновали не только воеводские власти, но и большую группу ленских казаков. На почве разногласия между ними возникает борьба, которая выливается в открытое выступление казаков против воеводы.

Первая попытка пройти к востоку от Колымы была сделана девятью промышленными людьми — Есейком Игнатьевым Мезенцом, Семейкой Алексеевым Пустозерцем с товарищами [приложение 4]. Летом 1646 года из устья Колымы они «ходили на море гуляти в коче вперед» и «бежали... по большому морю, по за льду, подле Каменю двое сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей, а называются чухчами». Следует думать, что путешественники побывали в Чаунской губе, в 350—400 километрах к востоку от Колымы.

Из рассказа Игнатьева и Алексеева выясняются любопытные подробности их пребывания у чаунских чукчей. Прежде всего, промышленники попытались наладить мановую торговлю с коренным населением

ii вывезли на берег «товарец». Но углубляться на территорию кочевий чукчей они побоялись, потому что, как объяснял потом Игнатьев, «толмач не было». Как только лодка отошла от берега, стоявшие в некотором отдалении чукчи обступили оставленные предметы и с восторгом передавали их из рук в руки. Товары так пришлись чукчам по вкусу, что некоторые решили взять их себе, положив вместо них свои лучшие топоры из моржовой кости. Довольные такой меной русские направились в обратный путь.

Большой интерес у колымских промышленников вызвало сообщение о том, что на море имеется много моржей. Моржовые клыки или, как их тогда называли, «кость рыбий зуб», высоко ценились в России. За пуд моржовой кости царская казна платила по 15—25 рублей, а иногда и больше.

Высокая цена на моржовые клыки продержалась весь XVII век. Объясняется это, прежде всего, сравнительно незначительной добычей их при большом спросе. Это побудило царский двор запретить продажу моржовых клыков в Поморье и Сибири кому-либо другому, кроме его представителей. Воеводам и таможенным чиновникам Двины, Мезени, Пустозера отдавались строжайшие приказы следить за привозом и вывозом моржовой кости, не разрешать «повольный торг» «рыбьем зубом». В наказной памяти двинскому таможенному голове гостю Василию Федотову говорилось, например: «А опричь своей государевой казны, кости рыбья зуба покупать никому не велели» [92].

Моржовые клыки в большом количестве шли в виде подарков в Крым и Царьград. Восточные мастера выделывали из моржовой кости самые разнообразные предметы: рукоятки ножей, кинжалов, сабель, ларчики, различные побрякуши и т. п.

Охота на моржа началась с первых лет появления русских на Крайнем Севере и севере Сибири, однако сколько-нибудь заметных результатов она не давала. Моржовые промыслы в Заполярье оставались крайне неразвитыми даже тогда, когда потреб-

ность в «рыбьем зубе» возросла. Особенно это относится к 40—60-м годам, когда Россия воевала с Польшей за Украину и Белоруссию. По отношению к крымскому хану и турецкому султану России приходилось вести тогда весьма осторожную политику. Время от времени Московский двор отправлял на юг большую «царьградскую и крымскую казну», в которой значительное место занимали моржовые клыки.

Таким образом расширение моржовых промыслов диктовалось не только потребностями рынка, но и до известной степени политическими соображениями.

Рассказ Игнатьева и Алексеева об обилии моржей на «большом море» и слухи о богатой соболями реке Погыче заинтересовали большую группу колымских торговцев и промышленников. Летом 1647 года они пытались на четырех кочах пройти к востоку от Колымы. Отряд состоял из 63 человек — 50 своеужинников и приказчика московского гостя Алексея Усова — Федота Алексеева Холмогорца с 12 покрученниками [приложение 4].

Как старший и самый богатый из едущих, Федот Алексеев от имени всех обратился к колымскому приказчику Второму Гаврилову с устной просьбой назначить приказного для сбора ясака «с новой земли», которую они собирались открыть.

В свою очередь Гаврилов передал это предложение своему небольшому отряду в Нижне-Колымске. «Бил челом государю, — рассказывает Второй Гаврилов, — Якуцково острогу служилой человек Семейка Дежнев ис прибыли, а челобитную подал в Съезжей избе, а в челобитной явил государю прибыли на новой реке на Анадыре 47 соболей (ошибка переписчика, семь сороков соболей. — *М. Б.*), и мы его Семсйку Дежнева отпустили для тое прибыли с торговым человеком с Федотом Алексеевым и для иных новых рек проведывати и где бы государю можно прибыль учинити, дали им наказную память и где буде найдут неясашных людей и им аманатов имати и государев ясак с них збирати и под ево царскую высокую руку подводити» [приложение 4].

Обращение Федота Алексеева к Второму Гаври-

лову с упомянутым предложением в то время являлось делом обычным. За 5 лет до этого случая ленские торговцы, в том числе и Федот Алексеев, подали якутскому воеводе Петру Головину челобитную об отпуске с ними на «новую» реку Оленек приказным казака Ивана Реброва. При этом торговцы обещали доставить Реброва к месту назначения на своих судах и служить с ним вместе. Единственным условием торговцев было назначить из их среды таможенного целовальника, который бы вместе с приказным имел право «печатать соболиную казну» [93].

Кстати, сохранилась «выпись» Якутской съезжей избы об отпуске Федота Алексеева на реку Оленек, помеченная 6 июля 1642 года [94]. Так как Алексеев после этого не возвращался на Лену вплоть до похода на Анадырь, «выпись» является весьма ценным свидетельством состоятельности этого незаурядного морехода, а также помогает нам уточнить имена его товарищей (покрученников), принявших участие в знаменитом походе. Среди товаров, взятых Алексеевым на Оленек, отмечено 700 пудов ржаной муки, 4 пуда зеленой меди в котлах, 2 пуда олова, 20 фунтов одекую, 10 фунтов бисера, 200 аршин сукна, 350 саженей неводных сетей, 12 соболиных обметов (сетей для ловли соболя), 60 топоров, общей оценкой 1025 рублей. С Федотом Алексеевым ехал его племянник Емельян Степанов и 23 покрученника. По словам Второго Гаврилова, на Колыме летом 1647 года Алексеев располагал 12 покрученниками, остальных видимо он возвратил на Лену. Кроме покрученников на Оленек с Алексеевым отправились на его судах и «на том же хлебном запасе и промышленном заводе» пять своеужинников. Разумеется, эту значительную ватагу и груз не в состоянии был поднять один коч, потребовалось минимум два судна.

Характерно, что ответственность за экспедицию на Оленек и наблюдение за государственными интересами нес только один Иван Ребров.

За «отпуск» в «новую землицу» казак «бил челом государю ис прибыли», т. е. обязывался доставить

в государеву казну известное количество пушнины. В случае невыполнения обязательства казна брала с казака обещанных ей соболей, не считаясь ни с чем. Нередко дело кончалось описью и продажей всего имущества казака, его разорением, долговой тюрьмой. Так, в 1657 году Якутская съезжая изба удержала с сына боярского Курбата Иванова «их Курбатова промыслу с новой Нугзе реки на прошлый на 164 год (1656) и на 165 (1657) по четыре сорока соболей с пупки и хвосты, якуцкая цена тем соболям 1858 руб... потому: отпущены они Курбат с товарищами по их Курбатову с товарищи челобитию для приписку новых неясачных людей и они на той реке неясачных иноземцев никого не сыскали и великому государю прибыли никакие в соболях не учинили» [95].

Подав челобитную об отпуске его «ис прибыли», Дежнев тем самым взял на себя полную материальную ответственность за экспедицию на реку Анадырь.

В июне отряд Дежнева и Алексеева вышел из Нижне-Колымска. Однако погода оказалась неблагоприятной. По словам участника похода казака Ивана Баранова, «был в тое поры на море лед непроходимый» [96]. Простояв все лето на одном месте, путешественники вынуждены были вернуться на Колыму.

В то самое время, когда совершалось плавание Дежнева, в Якутске собралась большая партия казаков, решительно потребовавшая у воеводы отпуска на реку Погычу. Это были главным образом как раз те казаки, которые предназначались в отряд Ивана Ерастова. «Служилые люди, — писал царю Алексею Михайловичу Василий Пушкин, — все холостые и беззаводные, домами неустроенные, били челом тебе, государю, а нам, холопям твоим, по многое время... говорили, что б их отпустить без твоего государеву указу в новую землю... морем на две реки: на Ковыму и на Погычу» [97]. К казакам примкнули промышленные люди. Однако воевода в своекорыстных целях не давал хода инициативе казаков и наотрез отказал им в отпуске на Погычу.

Назревал острый конфликт. Казаки «с шумом» требовали выплатить им жалованье, незаконно присвоенное бывшим якутским воеводой Петром Головиным, жаловались на притеснения и издевательства, которым подвергались со стороны ленских чиновников. Воевода Василий Пушкин поступил опрометчиво: желая задушить восстание в самом его начале, он приказал схватить зачинщиков — Василия Бугра и Степана Борисова. Этих популярных среди казаков людей «без суда высекли» на городской площади. Самоуправство воеводы подлило масла в огонь: казаки открыто выступили против него. Неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы в ночь на 1 июля 50 восставших казаков и промышленников, забрав суда у торговых людей, не бежали на «заморские реки».

Небезинтересно, что бежавшие, восстав против воеводы, по их глубокому убеждению не нарушили тем верность «царю-батюшке». Через год в своей челобитной царю они писали, что ушли из Якутска «без твоего государева указу» на царскую службу «для прииску новых землиц».

Во главе беглых казаков стал пятидесятник Иван Реткин, но фактическими их руководителями были пятидесятник Шаламко Иванов, Василий Бугор, десятник Иван Пуляев, Павел Кокоулин Заварза и Артемий Солдат. Понимая, что необходимым условием успеха их предприятия является организованность и дисциплина, бежавшие выработали строгие правила: не грабить, не воровать и не приставать к другим под угрозой большого штрафа (300 рублей). Однако правила помогли плохо. Еще на Лене беглецы «разорили» несколько торговых и промышленных людей, отобрали у них суда. Часть казаков занялась грабежами и насилиями, что внесло разлад в лагерь восставших и привело к его распаду. На Индигирке несколько казачьих главарей отошло к правительственным отрядам. В числе их был Артемий Солдат.

В погоню за отрядом Ивана Реткина воевода Пушкин направил сына боярского Василия Власьева с двадцатью казаками. Власьеву не удалось возвра-

тить бежавших в Якутск. Боясь опоздать к открытию «Погычи», Пушкин снарядил туда экспедицию под руководством Михаила Стадухина, произведенного перед этим в казачьи десятники. В наказной памяти Стадухину с товарищами воевода писал: «итти им на государевых судах на государеву службу из Якутцкого острога вниз по Лене до усть Лены реки, где впала в море и по морю до Ковымы реки и от Ковымы реки до новой Погычи реки для... ясачного и поминочного збору, для прииску и приводу вновь под государеву царскую высокую руку погыцких новых неясачных тамошних землиц». В наказе особенно подчеркивалось: «Ему же Михаилу велеть служилым людям проведывать и самому ему промышленных людей расспросить про тот остров, что в мори против Погычи реки — Новая земля, есть ли на том острову морской зверь, морж... и только свидеца морской рыбей зуб и самому ему и служилым людям велеть збирать и радеть неоплюшно» [98]. Другой отряд под командованием сына боярского Василия Власьева был послан на Колыму.

Кочи Стадухина и Василия Власьева нагнали беглых людей около Яны, но вынуждены были остановиться из-за «великих и страшных ветров». В силу обстоятельств поход на Погычу откладывался до следующего года.

Казачьи отряды и беглые люди зазимовали в Устьянске, откуда на нартах перешли на Индигирку. Михаил Стадухин опередил всех. Построив коч, он летом 1648 года пошел с Индигирки на Колыму и через несколько дней прибыл туда. Следом за ним добрались до Средне-Колымского зимовья беглые казаки и отряд Василия Власьева. Однако Дежнева они уже на Колыме не застали.

ПОХОД ПО „ВЕЛИКОМУ МОРЮ-ОКЕАНУ"

В июне 1648 года колымский ясачный сборщик Второй Гаврилов отпустил на Анадырь большую партию промышленных людей, среди которых было немало участников похода 1647 года, в частности, Федот Алексеев и несколько торговцев — приказчики Василия Гусельникова Баженка Астафьев и Афанасий Андреев. Приказным в «новую землицу» Гаврилов опять назначил Семена Дежнева. Как Дежнев сам об этом говорит, назначение состоялось по просьбе отъезжающих. Повидимому, Дежнев успел достаточно выявить себя как руководитель во время первого похода и был на примете у промышленных

и торговых людей. Кроме того после неудачного плавания Дежнев видимо не оставил мысли пройти морем на Анадырь и энергично добивался осуществления экспедиции. Такие предположения подтверждаются всем дальнейшим ходом событий.

По свидетельству Второго Гаврилова, в 1648 году «тот же Семейка Дежнев бил челом государю, а челобитную подал мне, Фторку, на ту ж новую реку Анадыр ис прибыли, а прибыли государю явил с той реки с иноземцев 7 сороков 5 соболей» (285 соболей. — *М. Б.*)» [приложение 5].

Колымский ясачный сборщик выдал Дежневу наказную память на Анадырь, по которой Дежнев вместе с Федотом Алексеевым, назначенным, очевидно, целовальником, должен был «служить на новой реке Анадыре и приводить неясачных людей под царскую высокую руку». Гаврилов послал с новым приказчиком «государева товару иноземцам на подарки — 10 полецы».

Около 20 июня, перед самым отъездом, Дежнев подал челобитную на имя царя Михаила Федоровича (о смерти этого царя еще не знали на Колыме), в которой, упомянув, что он назначен приказчиком на Анадырь, сообщал: «...в нынешнем же, государь, во 156 году (1648), умысля воровски, хотя твою государеву службу постановити и прибыль, которую я, Семейка, явил, Герасимко Анкудинов, и прибрал он к себе воровских людей человек с тридцать и хотят оне торговых и промышленных людей побивати, которые со мною идут на ту новую реку, и живот их грабить же и иноземцы хотят побивать же, с которых я прибыль явил» [приложение 6]. Дальше Дежнев пишет, что эти люди почти осуществили свои намерения — они настолько запугали торговцев и промышленников, что те отказываются итти на новую реку.

В заключение челобитной Дежнев просил свою «явку принять в Ленском остроге воеводам Василию Никитичу Пушкину да Кирилу Осиповичу Супоневу да дьяку Петру Григорьевичу Стешнину и подписати, чтобы им про то их воровство было ведомо, что оне (Анкудинов с товарищами. — *М. Б.*) хотят воры твою

государеву службу поставить прибыль и мне б, холопу твоему, от их воровства в конец не погибнуть».

Со стороны Анкудинова была сделана безуспешная попытка оклеветать Дежнева и тем самым задержать на неопределенное время экспедицию. Некто промышленник Пятко Неронов, приверженец Анкудинова, подал приказчику Нижне-Колымского зимовья Второму Гаврилову «изветную» челобитную, в которой писал, что Дежнев бранил его «всякою неподобною бранью» [приложение 7]. Обращает на себя внимание дата этой челобитной, поданной за 12 дней до отправления экспедиции Дежнева, и отсутствие в ней конкретных обвинений. Несмотря на это, челобитчик просит многого — «дать... царский суд», т. е. намеренно пытается задержать Дежнева на Колыме. Вышеуказанные челобитные достаточно полно вскрывают атмосферу неприязни, зависти и злобы со стороны лагеря Анкудинова к Дежневу и в то же время свидетельствуют о его высоких волевых качествах.

Глубоко неправы те историки, которые без всякого основания считают Анкудинова и его друзей причастными к великому делу экспедиции Дежнева. Наоборот, эти люди не только не помогали, а мешали Дежневу осуществлять намеченный план.

Энергичные действия Дежнева, направленные против бандитской шайки Анкудинова, дали свои плоды. 60 торговцев и промышленников, незадолго до этого отказывавшиеся от поездки, решились пойти за смелым вожаком. 20 июня на шести кочах они отплыли из Нижне-Колымска в поход по «Великому морю-океану». Многим из них не суждено было вернуться назад.

К каравану судов пристал седьмой коч, на котором плыли Анкудинов и его товарищи. Разумеется, Анкудинов отправился на Анадырь самовольно и нет никакого сомнения в том, что он выполнил бы свое обещание грабить и убивать промышленников и туземцев на новой реке, если бы достиг ее.

Всего с Колымы на Анадырь отправилось 90 человек на 7 кочах.

О походе вокруг Чукотского полуострова имеется небольшой, но точный рассказ самого Дежнева [99]. Однако своей лаконичностью он вызвал сомнения у некоторых ученых. Историк Сибири П. А. Словцов [100] и американец Гольдер [101] оспаривали его правдивость, полагая, что Дежнев дошел до Чаунской губы и оттуда по суше пробрался на Анадырь. Взгляды этих ученых подверглись уничтожающей критике академика Л. С. Берга [102]. Новые документы и, прежде всего, впервые ниже публикуемая челобитная Дежнева 1654 года, а также показания Михаила Стадухина и Ивана Казанца решительно устраняют какое бы то ни было сомнение в том, что летом 1648 года русские люди совершили великий подвиг — проплыли из Северного Ледовитого океана в Тихий.

Первые дни плавания прошли без особых приключений. Дул попутный ветер, а море было чисто от льда. Но вблизи «коряцких юрт», до которых кочи Стадухина летом следующего года «бежали семеры сутки, паруса не опущаючи», суда Дежнева настигла буря. Стадухину «коряцкие языки», которых он поймал около этих мест, «сказывали... возле моря лежит камень утес, конца камню не знают, а которые служилые и торговые люди Ерасимко Анкудинов, Семейка Дежнев, а с ними девяносто человек в прошлом во 156 (1648) с Ковымы реки пошли на ту же реку (Погычу. — *М. Б.*) на семи кочах и про них те ж языки сказывали: два коча де на море разбило». Экипаж этих судов добрался до берега, где был враждебно встречен коряцким населением. Завязался бой, во время которого большая часть русских погибла, а «остальные люди жили край моря и про них де мы, — показали коряки, — не знаем — живы они или нет» [приложение 8]. Четыре дежневских и одно анкудиново судно, спасшиеся во время бури, проследовали дальше на восток. Около 20 сентября отряд находился у Большого Каменного Чукотского носа, ныне носящего

имя Дежнева. С Дежневым было всего два коча. На одном плыл он, а на другом — Федот Алексеев. Уцелею и судно Герасима Анкудинова. О том, что случилось с двумя другими кочами, можно только догадываться. Впрочем, в своей челобитной 1654 года Дежнев говорит, что в «Великом море-океане» принимал «великие морские разбои». Следует полагать, что дежневский караван, отойдя от «коряцких юрт», был снова застигнут бурей и потерял половину своего состава.

Итак, после мытарств и мучений отряд отважных людей вышел на самую крайнюю точку азиатского материка. Местоположение «Большого Чукотского носа» Дежнев определяет так: «Тот нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем чукчи добре много, против того же носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных». В другом месте он пишет: «... а с Колымы реки итти морем на Анадыр реку есть нос, вышел в море далеко; ...против того носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи, а врезаны у них зубы, прорезаны губы, кость рыбий зуб, а лежит тот нос промеж сивер на полуношник (между севером и югом. — *М. Б.*), а с рускую сторону носа признана вышла речка, становье тут у чукоч делано, что башни из кости китовой, а нос поворачивает кругом, к Анадыре реке подлегло» [103].

Академик Л. С. Берг, основываясь на большом географическом и этнографическом материале, дает исчерпывающее объяснение дежневских признаков «Чукоцкого носа». «Тщательное рассмотрение отписок Дежнева, — пишет Л. С. Берг, — и его товарищей показывает, что Большой, Каменный, или Чукоцкий нос есть, без всякого сомнения, мыс Дежнева, а не какой-либо иной. В самом деле, два острова против «носа» — это острова Диомида. Зубатые чукчи — это эскимосы, которые прежде на островах Диомида носили в прорезях нижней губы украшение из моржового зуба, камня, кости. Ношение таких втулок, или labret, как их называют аме-

риканские авторы, или колюжин, по терминологии наших этнографов, и доселе распространено среди аляскинских эскимосов; «становье в виде башен» из кости китовой, о котором упоминает Дежнев, это остовы чукотских подземных или, точнее, полуподземных жилищ, сделанные из ребер и челюстей кита... Далее Дежнев говорит, что возле моря упомянутого становья, по западную сторону мыса, впадает в море речка. Близ селения Увелен (на карте Уэллен), расположенного на берегу Ледовитого океана, в 3 милях к западу от мыса Дежнева имеется лагуна, принимающая много пресной воды и соединяющаяся с морем узким протоком» [104].

К этому подробному разбору краткого описания Дежневым признаков «Большого Чукоцкого мыса» нечего добавить. Бесспорно, что в сентябре 1648 года отважный мореход и его товарищи находились в проливе, отделяющем Азию от Америки.

Через шесть лет в упоминавшейся уже челобитной на имя царя Алексея Михайловича, отправленной из Анадырского острожка на год раньше отписки воеводе Ивану Акинфову, Дежнев утверждал, что проделал свой путь с Колымы на Анадырь вокруг Чукотского полуострова «Великим морем-океаном», иными словами — совершил плавание из Ледовитого океана в Тихий. Из этого определения следует один весьма важный вывод — участники похода и, прежде всего, сам Дежнев не сомневались в том, что северо-восток Азии, вдоль берегов которого они прошли, нигде не соединен с другой землей и омывается тем же большим водным пространством, «Великим морем-океаном», которое простирается от Архангельска до Колымы. В этом своем представлении Дежнев намного опередил западно-европейских ученых, еще целое столетие после этого события обсуждавших вопрос о возможности соединения Азии и Америки.

Вернемся к отважным путешественникам. При входе в пролив их суда еще раз попали в сильную бурю, принудившую искать безопасную бухту. Не всем судам удалось выйти невредимыми. Коч Гера-

сима Анкудинова выбросило на «кошку» и разбило. «Розбойных людей» Дежнев принял на свое судно.

Во время вынужденной остановки на мореходов напали жившие поблизости береговые чукчи. Пришлось принять бой, по всей вероятности окончившийся неудачно для русских. В этом бою был ранен помощник Дежнева Федот Алексеев. Неблагоприятный исход борьбы с чукчами послужил, видимо, причиной того, что кочи преждевременно вышли в море, не дождавшись прекращения бури.

Во время пребывания на Чукотском мысе русские посетили близлежащие острова, населенные эскимосами. Только в непосредственном общении с этим народом они могли узнать некоторые подробности его быта, о которых позднее рассказывали.

Тихий океан неприветливо встретил путешественников: ветер не стихал, кочи бросало на волнах, как скорлупки. Вскоре они потеряли друг друга из вида. Судно Дежнева, на котором находилось 25 человек, понесло к юго-западу от Чукотского мыса и 1 октября «выбросило на берег в передний конец за Анадыр реку». Среди камчадалов сохранилось предание, что коч Федота Алексеева принесло к берегу Камчатки. Здесь русские люди прожили долгое время, внушая своим соседям суеверный страх применением огнестрельного оружия. В конце концов, признав в русских обыкновенных смертных, коряцкие воины напали и убили их. Об этом со слов местных жителей рассказывает Крашенинников, посетивший Камчатку в 1737—1741 годах [105].

Где пристал коч Дежнева — неизвестно. На этот счет имеются различные суждения. Всего вероятнее, что его прибило к Олюторскому полуострову, откуда, бросив товары и вещи, храбрые мореплаватели добрались до устья реки Анадырь. Подтверждение этому можно видеть в том, что на нартах и лыжах дежневцы шли до Анадыря 10 недель, т. е. они преодолели значительное расстояние, прежде чем достигли этой реки.

«И шли мы, — пишет Дежнев, — все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы... и попали на Анадыр реку близко морю, и рыбы до-

быть не смогли, лесу нет, и с голоду мы бедные врозь разбрелись» [106].

От устья Анадыря половина отряда направилась искать «аришниц» (следов кочевий. — *М. Б.*) и «иноземских дорог», но после 20 дней бесполезных скитаний вернулась назад. Не дойдя трех верст до того места, где их ждал Дежнев, промышленники вконец обессилели. Они вырыли в снегу глубокие ямы для ночлега, а на разведку послали Фому Семенова Пермяка, Сидора Емельянова и Ивана Зыряна. Вскоре разведчики нашли Дежнева, который в этот же день послал бедствовавшим товарищам с Фомой Пермяком «последние свои постелишко и одеялишко». Пермяков не застал промышленников на месте: «неведомо их иноземцы развезли», — замечает Дежнев. Таким образом из 24 человек, пришедших на Анадырь, осталось только 12.

Весной 1649 года, построив суда, эта горсточка смельчаков пошла с низовьев реки вверх, к лесам. Здесь дежневцы встретились с жителями края — анаулами, воинственным юкагирским племенем, кочевавшим по тундре. По словам Дежнева, встреча с анаулами закончилась победой русских. В качестве заложников были взяты два анаульских «мужика», а все племя заплатило первый ясак московскому государю.

В верхнем течении реки Анадырь Дежнев построил острожек, обнес его крепкой деревянной стеной, обложил валом, вырыл глубокий ров.

Река Анадырь произвела на русских двоякое впечатление — с одной стороны, по ней «рыбы красной приходит много, а та рыба внизу Анадыру от моря идет добра», с другой — «река Анадыр не лесна и соболей в ней мало, с вершины малой листвяк днищей на шесть или на семь, а иного черного лесу нет никакого, кроме березнику и осинника, а от Малого Масна, кроме тальника, нет лесу никакого, а от берегов лесу нешироко, все тундра да камень». Особенно удручала пришельцев суровая неприветливая природа и, как следствие этого, отсутствие пушного зверя. Со всем можно было мириться, но «беспромыслица» убивала всякую инициативу.

По всей вероятности Дежнев предпринял обследование анадырского бассейна в целях поисков «соболиных угодий и мест». Шли месяцы, исполнился год. На «новой реке» казаки чувствовали себя полными хозяевами. Нигде — ни сверху, ни снизу ее — не было русских. На западе вдали сверкали снежной белизной высокие горы. За ними лежала родина, Россия, и люди не раз обращали свои взоры вслед уходящему солнцу, как бы ожидая кого-то.

И дождались. В один весенний день 1650 года от гор показались упряжки собак и оленей. Перегоняя друг друга и что-то крича на ходу, к острожку приближались люди. Не трудно было узнать в них русских — казаков и промышленников. Анаулы провели их от Колымы на Анадырь через Анюйский хребет. И разом все изменилось: спокойствие уступило место скандалам и стычкам, согласие — раздорам и вражде вожаков.

После отъезда отряда Дежнева из Нижне-Колымска там никто не знал о его дальнейшей судьбе. Всего вероятнее его считали погибшим. Мало ли бывало подобных случаев в жизни казаков. Летом 1647 года пятидесятник Иван Реткин с большой группой промышленных людей на коче вышел из Устьянска в море, направляясь на Погычу, и с тех пор никто не слышал о нем. Петр Головин еще раньше послал восемь казаков на восток от реки Маи, но они не прибыли в Охотский острожек. Их никто не видел и о них никто ничего не слышал.

Осенью 1648 года на Колыме собралось много народа. В августе пришел в Нижне-Колымск сын боярский Василий Власьев и целовальник Кирилла Коткин, сменившие Второго Гаврилова и Третьяка Заборца. Еще раньше прибыл туда отряд Михаила Стадухина, а затем и беглые казаки. Люди опять стали помышлять о Погыче. Василий Власьев отчасти был заинтересован в скорейшем отходе с Колымы неспокойной казачьей вольницы, нарушавшей нормальный ход промыслов и торговой жизни. Михаил Стадухин, к которому примкнули бежавшие из Якутска казаки, «своей дуростью, — писал Власьев, — ходил на Анюю

реку и по той реке погромил ясачных мужиков, и те ясачные мужики в нынешнем в 157 (1649) году оголодали и не заплатили государева ясаку». Мало того: Стадухин и беглые казаки Василий Бугор, Юрий Киселев и Иван Пуляев стали на Русской протоке, по которой обычно проводили с моря к Нижне-Колымску кочи, и «воровали» — грабили торговцев и промышленников. «И те торговые и промышленные люди, — обеспокоенно доносил в Якутск Власьев, — узнав насильства и грабежи Мишкины, на Колыму не пошли и сверху Колымы с промыслов весною не поплыли, убоясь Мишкина грабежу, на ярманку торговать для того, что тот Мишка Стадухин и беглые люди стоят вместе».

Многие с облегчением вздохнули, когда казачья вольница во главе со Стадухиным, «силой взяв» у торгового человека Второго Федорова и Кирилла Коткина коч с парусом, якорями и снастями, отплыла на восток, на поиски реки Погычи. Это случилось в июле 1649 года. Всего со Стадухиным пошло 30 человек. Семь суток безостановочно плыл Стадухин возле скалистого берега Чукотского полуострова, а реки не встретил. Наступили холода. Продовольствие катастрофически убывало с каждым днем. По общему решению пристали к берегу, чтобы расспросить у местных жителей про дальнейший путь. Поблизости никого не оказалось. Тогда Стадухин выслал вдоль берега «в поход для языков» своего писаря Ивана Федорова Казанца и казака Ивана Баранова.

Сутки бродили они по незнакомой местности и только на исходе второго дня нашли две юрты коряков, встретивших их недружелюбно. Несмотря на численный перевес последних, казаки завязали с ними бой, во время которого был ранен Казанец «смертною раной». Истекая кровью, но захватив с собой «языков», посланные вернулись к Стадухину. Коряков допрашивали — не знают ли они впереди себя большой реки. Ответ их был один — никакой реки близко и далеко мы не знаем, а возле моря лежит камень и конца-краю этому камню нет. Все складывалось против продолжения похода. «И он служилый человек Михаил

Стадухин, — писал Иван Казанец, — не хотя поморить голодной смертью служилых и промышленных людей, возвратился морем назад на Колыму реку» [107]. Коч Стадухина пристал к Нижне-Колымскому острожку 7 сентября, накануне закрытия реки.

Эта поездка на Чукотский полуостров не прошла бесследно. Она дала новый толчок промышленной инициативе. Стадухин привез с собой «с моря» несколько пудов моржовой кости и рассказал, что там «моржа добре много». Отсылая «костяную казну» в Якутск с промышленным человеком Юрием Селиверстовым, благополучно приплывшим туда летом 1650 года, Стадухин писал якутскому воеводе, что, если царь прикажет послать в те места, куда он плавал, служилых людей с достаточными хлебными запасами, то «прибыль государя будет большая». Стадухин рекомендовал воеводе в качестве руководителя будущей экспедиции Юрия Селиверстова, ибо «про тот морж и про зуб моржовый и про морской ход все знает Юшка Селиверстов и то морское дело ему, Юшке, за обычай» [приложение 8].

Еще до возвращения Стадухина на Колыме произошло важное событие. В годовщину отъезда Дежнева на Анадырь 20 июня 1649 года казаки поймали за Анюем ходынского (юкагирского) мужика Ангара, рассказавшего, что по реке Анюю можно перейти через хребет на новую реку Анадырь. Эта весть с быстротой молнии разнеслась по Колыме и собрала вокруг новых вожаков толпы людей, готовых немедленно итти в поход. Чтобы придать движению официальный характер, состоятельные торговцы Матвей Камкин, Анисим Костромин, Михаил Захарьев и другие подали челобитную Василию Власьеву с просьбой отпустить с ними на Анадырь служилого человека. При этом торговцы «объявили прибыль государю» с новой реки — 40 соболей.

Руководителем экспедиции и приказчиком на Анадырь Власьев назначил Семена Иванова, по прозвищу Мотора, бывалого, опытного и смелого казака.

Отряд Моторы состоял из 9 служилых и 30 промышленных людей. Из челобитной Семена Моторы,

сохранившейся в делах Якутского областного управления (столбец 102, лл. 35—38), отправленной с устья реки Анюя не позже 1 марта 1650 года, узнаем некоторые имена участников похода. Это, прежде всего, «сошлые» (беглые) казаки: Пашко Кокоулин, Кирилла Проклов и Артемий Солдат. Следует заметить, что историки ошибочно считают этих людей участниками экспедиции Дежнева. 1 марта 1650 года отряд Моторы вышел в дорогу. Почти следом за ним снялись с Колымы беглые служилые люди и Михаил Стадухин. Не приходится удивляться, что Стадухин и на этот раз нашел средства для снаряжения своей ватаги. Деньги дали ему торговые люди, тесно связанные с его дядей, купцом Василием Гусельниковым, и, прежде всего, Михаил Баев, приказчик гостя Александра Баева, ссудивший Стадухина крупной суммой около 1000 рублей [108].

Стадухин быстро нагнал Мотору, и уже на Анюйском хребте начались между ними стычки. Когда люди Моторы взяли у ходынского племени аманатов и стали собирать с него ясак, Стадухин разогнал ходынцев. Многих казаков Моторы Стадухин бил, увечил, отбирал у них нарты, отнимал одежду. Перед «худородным» Моторой казачий десятник гордился своими высокими связями и плохо скрывал раздражение по поводу того, что Мотора перехватил у него инициативу в походе на новую реку. Показав Моторе свою наказную память на Анадырь, выданную в Якутске воеводой Василием Пушкиным, Стадухин потребовал от Моторы подчинения ему. Мотора отказался служить Стадухину. Когда оба отряда спустились с гор в Анадырскую долину, Стадухин приказал схватить Мотору и девять дней держал его в колодках, мучил и бил до тех пор, пока Мотора не написал письмо, в котором он отказывался от главенства на новой реке.

23 апреля 1650 года Стадухин, следуя вниз по реке, пришел к острожку Дежнева. Они расстались пять лет назад, когда Стадухин, уезжая в Якутск, оставил Дежнева служить в Нижне-Колымске.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЛАВАНИЯ ДЕЖНЕВА

Долгое время в географической литературе (вслед за Словцовым) бытовало глубоко ошибочное мнение, что плавание Дежнева прошло бесследно для его современников, якобы не знавших ни его самого, ни его подвига [109]. Между тем даже самое общее знакомство с картографией XVII и начала XVIII веков показывает, что результаты плавания Дежнева довольно быстро стали достоянием раньше всего русской, а затем и западно-европейской географической науки.

Уже на «чертеже Сибирской земли», составленном в 1667 году по указу царя Алексея Михайловича и распоряжению тобольского воеводы Петра Годунова и

второй раз изданном в 1672 году, восток Сибири омывался водами океана, причем на водном пути между Колымой и Анадырем не отмечено никакой преграды [110]. Подобное изображение стало возможным только в результате плавания якутских казаков из Лены и Колымы на восток и, прежде всего, плаваний Дежнева и Стадухина. Почти несомненно и то, что чертежи рек Анадыря, Гижиги и Тоуя, составленные землепроходцами, были источниками для карты Годунова.

В объяснительном тексте к чертежу 1672 года имеется следующее интересное примечание, на котором бесспорно сказывается влияние челобитных и отписок Дежнева: «А от устья Колымы реки и кругом земли мимо устья Ковычи (Погычи) и Нанаборы (Анадыря) и Улы и Дури (?) до каменной преграды, как бывает, что льды перепустят, и до того Камени парусами добегают в одно лето, а как льды не пустят и по три года доходят, а через тот камень ходу день: а как на него человек взойдет и он оба моря видит — Ленское и Амурское, а перешед через камень, приходят на реку Анадыр и тут промышляют кость рыбью... а в реке Анадыру есть два волока к реке Ламе да на реку Блудную; а Лама (Охота. — *М. Б.*) река пала в Амурское море, а Блудная пала в Колыму реку, а Колыма в Ленское море, а меж рек Нанаборы и Ковычи протянулся в море нос каменный, а тот насилу обходят» [111].

Заключительные слова этого описания отражают сведения о «Большом Каменном носе», доставленные в Москву Семеном Дежневым. Автор этого описания не говорит, что Каменный нос нельзя обойти; наоборот, он утверждает, что хотя и «насилу», но все же его обходят.

Во времена Алексея Михайловича в Сибири знали о плавании Дежнева. Побывавший там в качестве ссыльного уроженец Хорватии Юрий Крижанич в своей «Истории Сибири» сообщает, что ленские и нерчинские казаки разрешили всякие сомнения относительно того, соединено ли Ледовитое море с Восточным, омывающим с востока Сибирь и Китай. «Они, — пишет Крижанич, — собирая с туземцев дань, прошли всю

эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли и, что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия (Приамурье), Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном» [112].

Если принять в расчет то, что эти сведения Крижанич собрал в Тобольске между 1661 и 1676 годами, то источником их могло быть только сообщение о походе Дежнева вокруг Чукотского полуострова летом 1648 года. Больше того, Крижанич настолько точно передает слышанное, что, сам того не подозревая, повторяет слова Дежнева из челобитной 1654 года относительно «Великого моря-океана», омывающего северо-восток Азии.

Широкая известность совершенного Дежневым плавания не могла не найти свое отражение в работах передовых западно-европейских ученых картографов, черпавших данные о Сибири исключительно из русских источников. Так, на карте голландца Николая Витсена, изданной в Амстердаме в 1687 году, а затем подаренной царю Петру I (составленной на основании чертежей, полученных автором из Москвы), Чукотский полуостров изображен в форме двуглавого выступа в море. Первый выступ от Колымы — это мыс Шелагский, до которого доходил Стадухин в 1648 году; второй большой выступ — это мыс Дежнева современных карт. Правда, впоследствии среди западно-европейских географов победила другая, неправильная точка зрения на конфигурацию северо-востока Сибири.

И хотя в XVIII веке в Европе имели хождение карты, изображающие мифический пролив Аниан, основанием для изображения этого пролива служили фантастические сведения, почерпнутые из не менее фантастических рассказов моряков, якобы плававших по этому проливу. Некоторые, например, утверждали, что сведения об этом проливе собраны мореплавателями первой половины XVI века, когда из Мексики вдоль тихоокеанского берега к северу плавало несколько отрядов, в частности, указывали на Франсиска Уолла, посланного Кортесом из Калифорнии на север в 1539 году. Ныне установлено, что эта экспедиция

дошла на север только до 31° с. ш., т. е. до современной границы между Мексикой и Соединенными Штатами [113]. Некий английский моряк утверждает, что он якобы в 1573 году читал опубликованный в Лиссабоне отчет о плавании какого-то англичанина в 1567 году из Тихого океана в Атлантический вокруг Северной Америки. Широкой популярностью в западно-европейской географической литературе в течение XVII и XVIII веков пользовался рассказ некоего адмирала де-Фонте, который, якобы, прошел по Анианскому проливу, причем этот пролив помещался в области Британской Колумбии. Разумеется, все эти рассказы не имели ничего общего с действительностью, а авторы их никогда не были даже вблизи северо-востока Азии.

Русские картографы черпали свои сведения из достоверных источников. Помимо плавания Дежнева, в период между 1661—1678 годами была сделана попытка вторично обойти морем Чукотский полуостров. 90 человек на кочах с Колымы отправились «для проведывания Большого Чукотского носу». Во главе экспедиции стоял колымский торговец, родной брат Михаила Стадухина — Тарас Стадухин. «Но понеже не могли они, — пишет академик Г. Ф. Миллер, — обойти того носа водою, то перешли через оный пешком и, построив на другой стороне новый коч, шли подле берега до устья Пенжины» [114]. В 1712 году 22 промышленника под предводительством Василия Стадухина на одном судне ходили от Колымы на восток. Вернувшись назад из-за жестокой морской погоды, Стадухин объявил, что видел по восточную сторону реки Колымы протянувшийся в море нос, а вокруг него сплошной лед [115].

Все эти сведения, в том числе и сведения Дежнева, не оставили сомнения в том, что к востоку от Колымы лежит глубоко вдающийся в океан полуостров, отделенный от Северной Америки водным пространством.

В начале XVIII века русские картографы пытались обобщить опыт плаваний вдоль берегов Чукотского полуострова.

На карте Афанасия Шестакова (1726) изображен Чукотский мыс со следующей характерной надписью: «В носу чукчи немирные, бой имеют камнем из шибалок, лисиц красных много», а против восточной стороны Чукотского полуострова показан большой остров с таким описанием: «остров против Анадырского носу, а на нем многолюдно и всякого зверя довольно, дань не платят, живут своею областью» [116]. Более точна карта якутского дворянина Григория Львова, на которой очерчены за Колымой два носа: один именуется Чукотским или Шелагским, а другой, лежащий к югу от него, носит название Анадырского; последний, по мнению Львова, от реки Анадырь «находится не в близком расстоянии». У Львова имеется описание «Анадырского носа». В частности, здесь упоминается о двух островах, о которых говорил Дежнев, населенных племенами чукчей по имени юхалет и пескели, живущих в землянках и пронизывающих сквозь щеки моржовые зубы [117].

На карте шведа Филиппа Страленберга (1715), побывавшего в качестве пленного в Сибири и заставшего там людей, помнивших плавание Дежнева, против устья реки Индигирки сделана следующая надпись: «отсюда русские, пересекая море, загроможденное льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигли с громадным трудом и опасностью для жизни области Камчатки» [118].

Сведения о плавании Дежнева и Федота Алексеева собрал в 1737—1741 годах на Камчатке Крашенинников, которому местные жители передали, что будто бы торговый человек Федот Алексеев прошел на семи кочах из устья Колымы Ледовитым морем до Камчатки [119].

И, наконец, Беринг за три года до плавания к Чукотскому мысу слышал от енисейских жителей, что возможен проход морем из устья Колымы на Анадырь и что «преж сего сим путем хаживали» [120].

Из изложенного достаточно ясно, что: 1) в Сибири и России знали о походе Дежнева, 2) это событие оказало решающее влияние на русскую и западно-европей-

скую картографию, которая с тех пор стала изображать северо-восток Азии в форме глубоко выдающегося в океан полуострова.

Так же неосновательно мнение тех исследователей, которые полагают, что подвиг Дежнева не оказал никакого влияния на дальнейший ход географических открытий в Сибири и освоение этой территории русскими.

Важно отметить уже то, что, начиная с 50-х годов, когда в Якутске были получены первые отписки Дежнева, и до конца века в официальных документах земля, лежащая к востоку от Колымы, по почину Дежнева стала называться «Большим носом». В воеводских наказах приказчикам Анадырского острога повторяется следующая стереотипная фраза: «ехать ему (приказчику) по Лене до усть Лены реки, а с усть Лены морем на Ковыму и Анандыр за нос». В отписках анадырских приказных людей и в челобитных казаков, уезжающих на Анадырь или прибывающих оттуда, писалось, что посланы они «з а н о с», «н а з а н о с н у ю с л у ж б у». Иногда приказчика Анадырского острога сокращенно называли «заносным приказчиком».

В 1675 году якутские казаки подали челобитную царю Алексею Михайловичу о выплате заслуженного жалованья, так как, писали они «в 183 (1675) году были они на государевой службе з а н о с о м (разрядка наша. — *М. Б.*)» [121]. Прибывший летом 1675 года с Анадыря в Якутск казак Иван Андреев писал в своей челобитной царю: «Приехал я, холоп твой, с твоей государевой службы и з-з а н о с а с твоей великого государя ясачной казной» [122]. Казак Иван Грыцкой сообщил, что выехал он из Зашиверского (Верхнеиндигирского) зимовья 7 октября 1685 года, а «при нем де Ивашке кавымской и алазейской и омолонской и з а н о с н ы й приказчики с служилыми людьми не бывали» [123].

Представление о том, что земля, лежащая между Колымой и Анадырем, вдается в море в виде большого скалистого полуострова, прочно держалось среди самых широких слоев торгового, промышленного и

служилого люда Якутского воеводства. Не было сомнения также и относительно обитателей «Большого носа». Чукчи, основное население Чукотского полуострова, делали частые набеги и на своих соседей юкагиров, плативших русским дань, и на анадырские и колымские острожки. Воевать с чукчами, засевшими в горах, не отваживались даже казаки. Кроме того, скалистый и безлесный полуостров не привлекал промышленников, основная масса которых после открытия Колымы пошла в юго-восточном и южном направлении в богатые зверем колымские и омолонские леса. Узнав от Дежнева и его товарищей о суровом Чукотском крае и его пределах, русские приостановили движение на северо-восток, обратив свое внимание на земли, лежащие к югу от Анадыря — Олюторский полуостров и Камчатку.

Следовательно, нет никаких оснований сомневаться в том, что плавание Дежнева было хорошо известно в Сибири и России, что оно помогло в определении дальнейших путей русской колонизации. Но историческое значение плавания Дежнева вокруг Чукотского полуострова этим не исчерпывается. Отважный мореход, пройдя из Северного Ледовитого океана в Тихий, завершил своим походом начатое за несколько столетий до этого обследование русскими поморами морского побережья от Архангельска до Чукотки. Вдоль всей береговой линии «Студеного моря», преодолевая бури и льды, проплыли кочи русских. Открытие пролива, ведущего из Северного Ледовитого океана в Тихий, как бы венчало дело открытия Северного морского пути.

Простые русские люди внесли величайший вклад в развитие географических знаний; они подготовили почву для научного исследования и описания открытых земель, выполненных уже следующими поколениями.

Вот почему в истории борьбы человека за освоение Арктики казаку Семену Иванову Дежневу принадлежит почетное место. Оно стоит в первом ряду славных имен полярных мореходов XVI—XVII веков.

НА АНАДЫРЕ

Мотора и Стадухин не одинаково отнеслись к приказчику Анадырского острожка. С Моторой Дежнев договорился служить вместе, причем Мотора по данной ему наказной памяти был признан на Анадыре старшим.

Но с Михаилом Стадухиным ладить было не легко. Завистливый и высокомерный казачий десятник даже не подошел к дежневскому острожку, а обойдя его, сразу напал на ясачных юкагиров, «погромил, — жаловался Дежнев, — анаульских мужиков». Через некоторое время он приступил к юкагирским «крепостцам», осадил их, но взять не смог.

На предложение Дежнева прекратить разгон ясачного населения Стадухин ответил уклончиво и лицемерно просил его начать переговоры с осажденными. Когда послушные Дежневу анаулы пришли в русский лагерь платить дань, Стадухин силой вырывал «ясачные соболи», а Дежнева бил по щекам. С точки зрения Стадухина, состоятельные «нарочитые» служилые люди, к разряду которых он себя причислял, имели бесспорную власть над всяким худородным казаком. Этих взглядов он и придерживался в своих отношениях с Дежневым и Моторой. Стадухин решил выжить «несговорчивых» казаков с Анадыря и скоро создал такую невозможную обстановку, что, как пишет Дежнев, они, бросив острожек «с служилыми и промышленными людьми, бегаючи и укрываючись от его Михайловой изгони, пошли... осенью нартяным путем вперед на захребетную реку Пяпжин для приску и приводу под государеву высокую руку вновь неясачных людей». Без проводников казаки не нашли туда дороги и, после трех недель странствования, вернулись назад, «видя нужную голодную и холодную смерть».

Следует отметить, что слухи о богатой соболями реке Пенжине, впадающей с севера в Охотское море, точнее в Пенжинскую губу, давно ходили среди торгово-промышленного люда Колымы. Поговаривали о ней и на Анадыре. Прослышав о новой реке, некоторые промышленники, не удовлетворенные анадырской соболиной охотой, стали подумывать о походе туда.

Стадухина также не устраивала анадырская тундра, бедная пушным зверем. Поэтому в феврале 1651 года, собрав ватагу «охочих людей», он отправился на юг, по направлению к Пенжине.

Поход отряда Стадухина протекал в очень тяжелых условиях. 5 апреля 1651 года казаки пришли на реку Аклон к коряцким острожкам. Воинственное и довольно многолюдное племя коряков, расселившееся по Олюторскому полуострову, северной части Камчатки, реке Пенжине и вдоль берега Охотского моря, довольно неприветливо встретило русских. Во время боев с коряками у Стадухина было убито 3 человека

и 3 умерло от ран. Теснимые со всех сторон, казаки «с боем и кровью» наспех построили суда и вышли в море. Через три дня странствований они пристали к устью реки Гижиги, где построили острожек. Но жить в Коряцкой земле небольшому отряду было опасно. Поэтому с Гижиги русские перебрались на реку Таванку, а оттуда на реку Емову.

В конце лета 1653 года Стадухин пришел к устью реки Тоуй. В сентябре здесь был построен острожек. Отсюда и предпринимались походы для подчинения местного населения.

За время этих походов Стадухин потерял очень много людей. «А как мы пошли, — писал он якутскому воеводе, — с Анадыря морем, видели нужи и бедности от иноземного смертного убийства, ран много приняли» [124].

Шесть лет о Стадухине ничего не было слышно. Его считали погибшим. Только летом 1657 года Стадухин неожиданно появился в Охотском остроге. С рек Пенжины, Гижиги и Тоуя он привез ясак, собранный с коряков и тунгусов.

Почти одновременно со Стадухиным на Пенжину и Гижигу пытались проникнуть промышленники и казаки с Колымы. В начале 1651 года на поиски этих новых рек направился большой отряд «охочих людей», во главе с Иваном Аврамовым Барановым, участником первого похода Дежнева и похода Стадухина. Весной Баранов прошел по южному притоку Колымы — реке Быстрой и, преодолев Гыданский хребет, спустился в долину реки Гижиги. По пути в горах Баранов встретился с «ходынскими (юкагирскими) каменными оленными мужиками, князцом Ларчечой да Тангылытом да Чоногой». «И те, государь, — писал в своей челобитной Баранов, — князцы в твоем государевом ясаке и в аманатах отказали негораздо и, скопяся, они вместе со многими людьми нас, холопей твоих, хотели побить и из земли не выпустить и с нами, холопи твоими, учали дратись и дралися, государь, мы с ними, оленными мужиками, целой день до вечера и божей, государь, милостью и твоим, государь, счастьем тех мы оленных каменных мужиков

многих побили и в аманаты взяли трех человек лучших людей» [125].

Небезинтересно, что летом 1652 года, на следующий год после похода Баранова, якутская таможня выдала проезжие грамоты на Чондон (Гижигу) [126].

После ухода Стадухина в Анадырском острожке опять установился порядок. Мотору и Дежневу подчинились и промышленные, и служилые люди. К ним присоединились и беглые казаки: Артемий Солдат, ставший затем товарищем Дежнева, Никита Семенов, Павел Кокоулин, Василий Бугор и др. Ранней весной 1652 года во время похода на анаулов случилось несчастье — был убит Семен Мотора. Люди его отряда выбрали приказным Дежнева. Беглые казаки не противились этому выбору, но со своей стороны определили в товарищи к Дежневу влиятельного среди них Никиту Семенова.

Летом того же года на кочах Дежнев и Семенов поплыли вниз по Анадырю. «И нашли, — сообщал Дежнев в Якутск, — устье той Анандыру реки корга (отмель. — *М. Б.*) за губою вышла в море, а на той корге много вылегает морской зверь морж, и на той же корге заморный зуб зверья того, и мы, служилые и промышленные люди, того зверя промышляли и заморный зуб брали, а зверя на коргу вылегает добре много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на полверсты и больше места, а в году сажень на тритцать и на сорок, а весь зверь с воды с моря на землю не вылегал, в море зверя добре много у берегу, а по тому всего зверя на землю не выжидали» [127].

Открытие отмели, на которую выходили в большом количестве моржи, придавало особое значение пребыванию русских на Анадыре, так как, по мнению ездивших с Дежневым промышленников-поморов, «в русском де Поморье столь много тово зверя нет». Открытие Дежнева и Семенова принесло царскому двору большую прибыль и надолго удовлетворило его потребность в моржовой кости.

Из-за недостатка продовольствия Дежнев и Семенов жили на «корге» всего один месяц и даже за

это короткое время они добыли 150 пудов «рыбьего зуба» по средней цене на 3000 рублей, что в переводе на деньги конца XIX века выразилось бы в десятках тысяч рублей. Следует отметить, что активное участие в развитии анадырских моржовых промыслов принимали торговые люди — Анисим Костромин с товарищами, на средства которых и была снаряжена экспедиция на «коргу».

Дежнев и Семенов правильно оценили значение своего «открытия». Анадырский моржовый промысел привлекал к себе пристальное внимание на протяжении всей второй половины XVII века. Анадырь посещался и заселялся ради моржовых промыслов. Не считаясь с расстоянием и трудностями дороги, из Поморья и Сибири толпами шли туда торговцы и промышленники. Чукчи и ходынцы не раз перехватывали путь через Анюйский хребет, держали его под своим контролем, убивали русских людей. И все же на Анадыре в конце XVII века имелось больше промышленников, чем, например, на Колыме.

Развитие моржового промысла на Анадыре оказало влияние и на дальнейшее обследование всего этого района. В 80-е годы XVII века с Анадыря началось движение по направлению к Камчатке, завершившееся знаменитым походом в эту страну якутского казачьего пятидесятника Владимира Атласова.

Приближалась четвертая годовщина пребывания русских на Анадыре. В «государевом амбаре» скопилось немало соболей, лисьих шкур и несколько десятков пудов моржовой кости. Казаки стали подумывать о возвращении назад. Весной 1653 года приказчики задумали переслать «государеву казну» в якутский острог на кочах по морю вокруг Чукотского полуострова. «Но, — пишет Дежнев, — яз, Семейка с товарищами, ведаем, что море большое и сулои великие о землю близко, без доброй снасти судовой, без доброго паруса и якоря итти не смели, и иноземцы говорят: не по все де годы льды от берегов относит море». Переход на Колыму по суше, через Анюйский хребет с незначительными силами, какими располагал Дежнев, также представлялся очень трудным. В горах за-

сели анаулы и чуванцы, они грабили и убивали проби равшиеся на Анадырь партии промышленников.

В начале 1654 года Дежнев все-таки решил дать знать о себе в Якутск с казаком Данилой Филипповым, который повез «для опыту» пуд моржовой кости и дежневскую челобитную о службах на Колыме и Анадыре. Челобитная Дежнева 1654 года — это первое описание похода вокруг Чукотского полуострова. Значение челобитной 1654 года исключительно важно как доказательство того, что русские люди совершили летом 1648 года плавание из Ледовитого океана в Тихий. Эта челобитная даже без привлечения других позднейших показаний Дежнева ясно и определенно говорит о походе вокруг Чукотского полуострова. В ней, упомянув о плавании летом 1648 года с Колымы на Анадырь «Великим морем-океаном», мореход приносит жалобы на невыносимые тяготы службы и свое полунищее существование, сообщая, что жизнь на Анадыре стоит ему очень дорого. Для примера в челобитной приводятся следующие анадырские цены на товары: сети и «пущальницы» Дежнев покупал по 30 рублей, «мот прядена» по 5 рублей, холст по 2 рубля, фунт пороху по 5 рублей, фунт свинца по 1 рублю. Челобитчик пишет, что он обнищал и «одолжал великим долгом», и в заключение просил уплатить хлебное и денежное жалованье, которое не получал добрый десяток лет, а также прислать в острожек нового приказчика, «чтоб я, холоп твой, — с отчаянием просит Дежнев, — в конец не погиб» [приложение 9].

Последние слова челобитной опровергают вымыслы завистников Дежнева о том, что он, якобы, не хотел уезжать из Анадыря в Якутск.

Казак Данил Филиппов благополучно достиг Колымы. Летом 1655 года на коче колымского таможенного целовальника Семена Шубина он приплыл в Жиганск, откуда на нартах дошел до Якутска [128]. Воевода Михаил Ладыженский немедленно отослал моржовую кость, присланную Дежневым, в Москву. В следующем году Якутская съезжая изба получила

царский наказ — всеми мерами развивать анадырский моржовый промысел.

Тем временем на Анадыре происходили интересные события. Едва Филиппов уехал, как к острогу подошел новый отряд служилых и промышленных людей во главе с Юрием Селиверстовым, посланным воеводой Францбековым для промыслу «кости рыбья зуба».

На Лену Селиверстов пришел с первыми партиями промышленников. Родом он был из Поморья, из Важского уезда, и, очевидно, происходил из состоятельной семьи. В конце 30-х годов торговцы и промышленники выбрали его целовальником Ленского острога, и с этой должностью он успешно справлялся. Как мы уже упоминали, Михаил Стадухин летом 1650 года из Нижне-Колымска послал Селиверстова с «костяной казной» в Якутск. Дорогу в три тысячи километров он проделал по морю на коче торгового человека Алексея Васильевича Едомского. 11 октября, оставив своих товарищей в Жиганске у судов, Селиверстов явился в Съезжую избу и донес на них. Он показал, что торговцы, нарушая существующие правила, до сбора дани выменивали соболей у колымских юкагиров, кроме того, по дороге украли у него четыре пуда моржовых клыков и заемных кабал на $3^1/_2$ тысячи рублей. В Жиганск поскакал воеводский пристав, было произведено следствие, и пушнину, принадлежавшую Едомскому с товарищами, отобрали в казну [129].

Зиму 1650/51 года Селиверстов провел в Якутске, но уже 24 июня принес воеводе Дмитрию Францбекову челобитную с просьбой отпустить его на реку Погычу. В челобитной Селиверстов рассказал, что летом 1649 года он со Стадухиным ездил на «большое море» и знает, что в него «пали реки многие: Чухча река да Ковыма река, а за Ковымой рекой есть четыре реки, а от тех рек есть реки — Нанабара и Чондон, а люди по тем рекам живут многие, а языки разные»; по берегам того моря «лежит многая заморская кость, можно той кости нагрузить целые суда» [130].

Дмитрий Францбеков необычайно быстро отозвался на челобитную Селиверстова. Уже 20 июля воевода выдал Селиверстову наказную память, отлично осна-

щенный коч, парус и веревки на другое судно, большие запасы хлеба, «промышленный завод», 3 пуда зелья (пороху), 3 пуда свинца, два мушкета, судовые инструменты и «на подарки иноземцам»: 150 железных стрел, 50 больших и малых палиц, 50 топоров, 4000 штук синего одекуя и др. [131]. Эта экспедиция обошлась в 3674 рубля 26 алтын 4 деньги и была снаряжена лучше всех предыдущих. В конце июля Селиверстов с 16 промышленниками отплыл из Якутска, а через полмесяца его коч остановился у Святого носа. Воеводе Селиверстов писал: «шел по морю и Янское устье прошел, а до Святого носу не дошел немного, а стоял за ветром — ветры были противные, а стоял десять дней, на море мерзнуть стало, и лед привалило о землю, проходу нет, а снегу пало много, и яз, Юшко, не смел больше того стоять, отошел назад до Семена дня за два дни, а шел до Яны, а зимовал в Юкагирском зимовье, в ясачном Нижнем» [132]. Вместе с Селиверстовым на Колыму плыло четыре коча торговых людей. На одном судне ехал Лука Володимерец, на другом — приказчик гостей Шориных Семен Иванов, на остальных двух — Прокопий Широков и Шаньга. Недалеко от Янской косы караван был застигнут бурей. Чтобы облегчить ход кочам, многие «выметали» за борт грузы. Не всем удалось спастись. Коч торгового человека Шаньги отстал от остальных и безвестно пропал.

Во время зимовки на Яне отряд Селиверстова стал распадаться, главным образом потому, что приказчик повел себя крайне грубо и вызывающе. Казаки, ехавшие с ним, доносили в Якутск, что дорогой, на море, он выбросил за борт дочку бежавшей с судна от его преследований юкагирской переводчицы (толмачки). У промышленных людей Тимофеева и Курочкина Селиверстов отнял охотничьих собак, у промышленного человека Истомы Аверкиева взял якутскую «ясырку» (рабыню), а когда Аверкиев пытался протестовать, приказчик нанес ему удары камнем по голове «и голову не в одном месте проломил». От своих однополчан Селиверстов отобрал муку, сложил ее в амбар и запечатал. «Хотел уморить нас, — жалуются казаки, — го-

лодной смертью». Но и этого ему показалось мало. Некоторых «охочих служилых людей» он мучил и заставлял их давать на себя кабалы. В заключение своей жалобы казаки просили воеводу освободить их от службы на Анадыре и послать в другие места [133]. Таков был тот человек, которого назначили в помощники Дежневу.

С наступлением лета Селиверстов снова вышел в море и, миновав Святой мыс, поздней осенью прибыл на Колыму. В следующем году на нижнеколымской ярмарке он «прибрал» новую партию «охочих» промышленных людей, но не решился выйти в «большое море», о богатствах которого он так много говорил Францбекову.

Его отряд глухой осенью 1653 года перевалил через Анюйский хребет и, как мы видели, 23 апреля подошел к Анадырскому острожку.

Узнав о смерти Семена Моторы, Селиверстов хотел было объявить себя приказчиком на Анадыре, но скоро почувствовал, что основная масса казаков целиком на стороне Дежнева и Семенова. Затаив злобу, Селиверстов внешне примирился с ними. Но в своих отписках якутскому воеводе он клеветал на этих честных людей, служивших не за страх, а за совесть, пытался убедить якутские власти в том, что Дежнев и Семенов являются самозванными приказчиками. Больше того, он сочинил челобитную, в которой писал, что не Дежнев, а он со Стадухиным летом 1649 года дошли до Анадырской «корги» и первые открыли ее. В споре с ним Дежнев написал свои знаменитые строки о путешествии вокруг Чукотского полуострова. Очевидно Селиверстов не решился послать эту свою челобитную в Якутск, узнав о том, что Дежнев собирается ее опровергнуть. В противном случае, в архиве Якутской Съезжей избы, где сохранились все челобитные Селиверстова, нашлась бы и эта бумага. К тому же через год он сам признал за Дежневым первенство в открытии «корги» [134]. И все же Селиверстов не сдался. Среди казаков и промышленников нашлись недовольные Дежневым и Семеновым. Селиверстов уговорил их послать в Якутск донос на

своих начальников. Доносчики — Василий Ермолаев Бугор и Евсей Павлов — писали воеводе Михаилу Ладыженскому, что Дежнев и Семенов «не радели государю», разогнали от острожка ясачных юкагиров тем, что во время похода на ясачных анаулов «человека по два и по три, отводя их, из оружия били палмами и кололи и топорами рубили». Служилый человек Дмитрий Васильев показал, что в 1655 году Дежнев и Семенов, «не хотя государевы казны с Анадыря реки проводить», подослали к нему своих товарищей Федота Емельянова Ветошку, Артемия Федорова Солдата и торгового человека Анисима Костромина с тем, чтобы он написал от своего лица челобитную на имя царя Алексея Михайловича, в которой объяснил бы, что из-за недостатка продовольствия не в состоянии в нынешнем году сопровождать в Якутск «государеву костяную и соболиную казну» [135]. По замыслу Селиверстова, весь этот поток лжи и клеветы должен был очернить Дежнева и Семенова.

В силу обстоятельств Селиверстову пришлось работать вместе с Дежневым и Семеновым. Летом 1654 года они ездили на «коргу» за моржовыми клыками. Приказчики выдали Селиверстову два новых коча со всеми снастями и карбасами. Единственно затем, — пишет Дежнев, — «чтоб у них (Селиверстова с товарищами. — *М. Б.*) государева служба без судов и без снасти в год не застоялась и путем бы не испоздать к морскому промыслу, чтоб государеве казне учинилась прибыль большая». Промысел моржа пришлось защищать от набега коряков, кочевавших в низовьях Анадыря. Несколько коряцких родов подошли к «корге». Их во-время заметили, завязался бой, закончившийся бегством коряков. Дежнев с группой казаков бросился в погоню за отступающими. «Бог нам помог, — пишет Дежнев, — тех людей погромили». Во время боя Дежнев взял в плен якутку, жену Федота Алексеева, которая рассказала о трагической смерти мужа и Герасима Анкудинова. По ее словам, эти люди умерли от цынги, а остальные промышленники, бывшие с ними, отчаявшись, «с одними душами» на лодках поплыли куда глаза глядят.

Моржовый промысел 1654 года был не совсем удачен и потому, замечает Дежнев, что «морж долго с моря не вылегал».

В 1655 году Анадырский острожек постигло несчастье. Вешней водой снесло шесть изб и 20 амбаров, в том числе «государев амбар», в котором хранилось 8 пудов казенной моржовой кости и 40 пудов моржовых клыков, принадлежащих Юрию Селиверстову.

Главный удар по сторонникам Дежнева Селиверстов приберег на последние дни перед своим отъездом в Якутский острог. Весной 1655 года он неожиданно объявил на Анадыре воеводский наказ о высылке в Якутск для следствия беглых казаков: Федора Ветошку, Никиту Семенова, Артемия Федотова Солдата, Василия Бугра, торгового человека Анисима Костромина. Эти люди давно заслужили прощение за проступок, выразившийся в побеге из Якутска восемь лет назад, но приказные порядки требовали, чтобы расследование было доведено до конца. Еще в 1648 году якутский воевода получил из Москвы в ответ на сообщение о побеге казаков строгий приказ произвести дознание и отобрать все движимое и недвижимое имущество беглецов. Последний пункт был выполнен без промедления: дома казаков были описаны и проданы. Но дело о сыске продолжало еще волновать подьячих Съезжей избы, и они требовали возвращения беглых людей. Селиверстову, как впрочем, возможно, и другим, едущим на Колыму и Анадырь, приказано было выслать виновников в Якутск. Объявление воеводской наказной памяти о высылке беглых казаков не произвело в Анадырском острожке замешательства, на что рассчитывал Селиверстов. Дежнев решительно отказался выслать своих соратников. Воеводе он писал, что «от государевой казны тех людей не отпустил, потому что служили мы государеву службу с ними вместе».

Весной 1655 года торговые и промышленные люди в третий раз пошли на моржовые промыслы к устью Анадыря. Дежнев остался в острожке, его интересы на промыслах представлял Никита Семенов. Селиверстов послал на «коргу» своих покрученников во гла-

ве с Пашкой Кокоулиным Заварзой. Промысел выдался удачный. За один месяц казаки доверху нагрузили суда моржовыми клыками. Но в самый последний момент с моря налетел ветер, разыгралась буря. Коч, на котором находилось 14 промышленников и в том числе Павел Кокоулин, сорвало с якоря и понесло в открытое море.

Об этих людях больше ничего не было слышно. Вероятнее всего они погибли.

Половодье и гибель коча нанесли Юрию Селиверстову большой урон, и он стал собираться в обратный путь. Осенью 1655 года он перебрался через Анюйский хребет и вышел на Колыму. Вместе с ним решили вернуться на Лену Никита Семенов, Анисий Костромин, Федот Ветошка и др. Впрочем, они ехали отдельно от Селиверстова. Никите Семенову Дежнев поручил сопровождать большую «соболиную и костяную казну», которую они собрали на Анадыре, и доставить отписку якутскому воеводе.

Летом 1656 года отряды Селиверстова и Никиты Семенова с караваном торговых людей отплыли из Нижне-Колымска. До наступления холодов коч Селиверстова успел притти к Жиганску, а судно Семенова бурей занесло в Омолоеву губу, где путешественники зазимовали. Опередив промышленников, Селиверстов на собаках доехал до Якутска [136], где дал ложные показания на Василия Бугра и Степана Вилюя в том, что в Нижне-Колымске якобы выдал им 15 пудов моржовых клыков для провоза на Лену. На очной ставке через год он сознался, что, «убоясь государева большого долгу, что ему отплатитца своим нечем... на него на Ваську (Бугра) и Стеньку (Вилюя) сказал напрасно». На этот раз Селиверстов получил по заслугам: 68 пудов моржовой кости, принадлежащей ему и оцененной в 2281 рубль, были отобраны в счет уплаты долга, взятого у воеводы Дмитрия Францбекова. По подсчетам Съезжей избы Селиверстов оставался должен казне еще 1396 рублей 6 алтын 6 денег. В связи с показанием Селиверстова, что на Анадыре он роздал промышленникам в долг приблизительно эту сумму, воевода Ладыженский выслал

его туда летом 1657 года под наблюдением сына боярского Курбата Иванова.

Поездка Селиверстова на Анадырь в 1657—1658 годах была его последней поездкой. Имеется краткое упоминание в документах о том, что летом 1666 года он приезжал из Анадыря на Колыму, где продавал моржовые клыки. Но с этого года о нем ничего не было слышно. Очевидно, этот завистливый и склочный человек, но вместе с тем и незаурядный мореход погиб в одной из стычек с местным населением.

Поздним летом 1656 года на смену Семену Дежневу и для высылки с Анадыря Селиверстова воевода послал стрелецкого сотника Амоса Михайлова с товарищами. Исследователи ошибочно считают, что Михайлов доехал до Анадыря и произвел якобы над Дежневым и Селиверстовым «розыск» [137]. На самом деле, плавание Амоса Михайлова на Анадырь закончилось неудачей. Отчасти из-за ветров, отчасти по собственному нежеланию Михайлов за три года доехал лишь до Индигирки. Его медленное продвижение вызвало законное подозрение якутских властей, и он был возвращен назад. Его наказную память передали сыну боярскому Курбату Иванову, который только в конце 1659 года принял у Дежнева Анадырский острожек и аманатов.

Летом 1659 года из Охотска в Якутск приехал Михаил Стадухин. В одном отряде с Никитой Семеновым, Василием Бугром и другими товарищами Дежнева он был послан в Москву сопровождать «государеву мягкую рухлядь» и «костяную казну». Никита Семенов и Стадухин привезли в столицу весть о новых географических открытиях русских на северо-востоке Сибири. Стадухин подал царю Алексею Михайловичу челобитную о своих службах на реках Пенжине, Гижиге и Тоуе, по которой был произведен в казачьи атаманы.

После сдачи дел Курбату Иванову Дежнев прожил на Анадыре не долго. В 1660 году вместе со своим товарищем Артемием Солдатом и анадырскими промышленниками он перешел через Анюйский хребет на Колыму, а летом следующего года с колымским при-

казчиком сыном боярским Иваном Ерастовым совершил плавание на Лену, зазимовав в Жиганске.

20 лет прошло с тех пор, как Дежнев выехал из Якутска. Большой и трудный путь проделал он вместе со своими товарищами по северо-восточным рекам и морям: в начале Оймекон, с его суровой неприветливой природой, затем поход вниз по Индигирке и по «Студеному морю» на Алазею и Колыму, неудачный поход летом 1647 года по «Великому морю-океану» и знаменитое плавание вокруг Чукотского полуострова. А затем «нужная» полуголодная служба на Анадыре, ссоры со Стадухиным и Селиверстовым и, наконец, возвращение в ставший второй родиной Якутск.

Дежнев привез с собой большую «костяную казну» и имущество умерших на Анадыре промышленников, в том числе своего благодетеля Михаила Захарьева. Одних лишь моржовых клыков, являвшихся собственностью погибших, было в 58 пудов. Моржовая кость, принадлежавшая Дежневу лично, весила 31 пуд 29 гривенок [1], а моржовые кости Артемия Солдата — 22 пуда 30 гривенок [138].

Съезжая изба купила всю наличную моржовую кость в казну. Ее оказалось 156 пудов 17 гривенок. Это было огромное состояние, и в Якутске не нашлось денег, чтобы расплатиться с промышленниками. В таких случаях дело разрешалось сравнительно просто. Владельцы кости отсылались в Сибирский приказ, где им выплачивали причитающуюся сумму. Так поступили и на этот раз. Перед отъездом в Москву Дежнев подал якутскому воеводе на имя царя Алексея Михайловича новую челобитную о своих службах, где подробно перечислил все свои походы, бои и раны, и в заключение просил заплатить ему «государево денежное и хлебное жалованье». Помимо этого, «за мое службишко, — прибавляет он, — и за кровь и за раны и за многое терпенье пожалуй, государь, меня, холопа своего, прибавочным жалованьем, чем тебе, великому государю, бог известит» [139].

Съезжая изба по этой челобитной сделала обстоятельные «выписки» о службах Дежнева [приложе-

[1] Гривенка — старинная мера веса, равная $^1/_{40}$ пуда.

ние 10]. Из «выписей», явившихся основанием к награждению, узнаем некоторые любопытные сведения о Дежневе. Прежде всего со стороны Якутского воеводского управления было установлено, что с 1641 по 1662 год енисейский казак Семен Дежнев служил на Колыме и Анадыре по воеводскому приказу «сверх якутских служилых людей, в енисейском прежнем своем окладе», по которому ему причиталось получать ежегодно по 5 руб. денег, $5^1/_2$ четвертей ржи, 4 четверти овса, $1^3/_4$ пуда соли. Факт признания того, что Дежнев состоял на службе по Якутскому острогу сам по себе важен. Он снимает с Дежнева всякое подозрение в самопроизвольных действиях на Колыме и Анадыре и, в частности, то из них, которое выдвигал Селиверстов, что Дежнев якобы сам себя назначил анадырским приказчиком. Этим позднейшим актом Съезжая изба подтверждала и ту наказную память Дежневу, которую летом 1648 года на Колыме ему выдал Второй Гаврилов для поездки на Анадырь. Дальше «выписи» подтверждают все те факты, о которых говорит Дежнев в своей челобитной 1662 года, и в частности о прохождении им службы, начиная с 1639 года, когда он вместе с другими 30 казаками был передан в Ленском остроге сыном боярским Петром Бекетовым сыну боярскому Парфену Ходыреву. В конце «выписей» сделано примечание о том, что Съезжая изба уплатила Дежневу жалованье: деньги, хлеб и соль, за 1662 год и выдала вперед на 1663 год 5 рублей. Этот последний факт разбивает утверждение некоторых биографов Дежнева о том, что воевода Голенищев-Кутузов отнесся к нему крайне невнимательно, отпустив в Москву без хлеба и денег [140].

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

1662

Мы не знаем точного времени отъезда Дежнева из Якутска. По всей вероятности, он отправился в дорогу в июле 1662 года, а прибыл в столицу 3 января 1664 года. Таким образом, весь путь от Якутска до Москвы занял почти два года. Принимая во внимание примитивные средства передвижения, не следует удивляться этому сроку. Отсутствие какого-либо регулярного сообщения между сибирскими городами, мимо которых проезжал Дежнев, неизбежность вынужденных остановок для «осмотра государевой казны», продолжавшихся иногда целые месяцы, — все это замедляло его поездку. Казакам не-

редко приходилось перетаскивать «государеву казну» волоком, особенно в распутицу. В Енисейске и Тобольске «мягкую рухлядь» тщательно сверяли с документами, осматривали, целы ли печати. Нередко были случаи, когда, придравшись к пустяку, воеводские люди останавливали провожатых, письменно сносились с Якутском, а тем временем в тревожном ожидании проходили недели и месяцы. Сибирские воеводы имели строгий царский наказ без промедления снабжать провожатых судами и подводами. Но, как правило, этот наказ никогда не выполнялся. Казакам подсовывали гнилые струги и каюки, которые разваливались при первом же испытании. Лошадей предоставляли меньше, чем требовалось, а иногда и совсем не давали.

Начальнику отряда, назначенному сопровождать «государеву казну», Якутская съезжая изба выдавала так называемую проезжую грамоту, в которой подробно перечислялись все пункты, через которые он должен проехать.

Проезжая грамота служила охранным документом на всем пути следования. Сибирские власти по предъявлении проезжей грамоты обязаны были оказывать казачьему отряду всемерную помощь, оборонять его от врагов и недругов.

После остановок в Енисейске и Тобольске такой отряд прибывал в Верхотурье, последний крупный город Сибири, где в последний раз таможенный голова осматривал ясачную казну и отпускал на Москву. Отряд Дежнева прибыл в Верхотурье 12 ноября 1664 года, как писал об этом царю воевода Иван Толстоухов.

В поморских городах тогда уже имелась хорошо налаженная «ямская гоньба», и сибирские казаки могли продолжать свой путь «с поспешением», как им приказывалось.

Бесспорно, что Дежнев перенес все превратности сибирского пути.

Первую челобитную царю Алексею Михайловичу в Москве он подал сразу же по прибытии в начале января [141]. Еще раньше якутский казак Ларион

Лама доставил в Сибирский приказ его челобитную 1662 года.

В челобитной 1665 года Дежнев просит царя о выдаче «заслуженного денежного и хлебного жалованья» за 1643—1661 годы. Кратко рассказав о своей службе на Яне, Индигирке, Алазее и Колыме совместно с Дмитрием Зыряном и Михаилом Стадухиным, он утверждал, что «в ясачном сборе в вашей великого государя казне» принес «великую прибыль». «С Колымы реки, — писал Дежнев, — поднялся я, холоп твой, морем — проведывать новых рек и приискать вновь, сверх тех прежних рек, новую реку Анандыр, и на той новой на Анандыре реке, будучи на твоей, великого государя, службе, зимовье и острог поставил и аманатов поймал, и ясаку тебе, великий государь, и десятые собрал на той новой реке 6 сороков 39 соболей (279 соболей) и пластин собольих, 7 сороков 4 пупка (284) собольих, 15 пуд 36 фунтов кости моржового зубу» [142]. Дежнев писал царю, что «подымался я, холоп твой, на ту твою, великого государя, службу на те новые реки своими деньгами и своими подъемы... и будучи на той вашей, великого государя, службе поднимаючись собою, и служил тебе, великому государю, много времени без твоего, великого государя, жалованья, имал иноземцев в аманаты, голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великие терпел и помирал голодною смертию, и на той службе будучи и от морского разбою (гибели кочей. — *М. Б.*) обнищал и одолжал великими неокупными долги, и в тех долгах в конец погибаю».

Из «выписей», составленных Сибирским приказом по якутскому послужному списку, можно видеть, что Дежнев действительно не получал жалованья за 19 лет. По справке Приказа оказалось, что «наперед сего» подобные челобитные удовлетворялись, причем за хлеб выдавали деньги — за четверть ржи по 7 алтын 4 деньги, а за четверть овса — по 4 алтына. За 19 лет службы Дежневу причиталось: 95 рублей денег и за хлеб 33 рубля 1 алтын 4 деньги, всего 128 рублей 1 алтын 4 деньги.

После перевода медных денег, отмененных сразу же после московского медного бунта 1662 года, в серебряные Дежневу надлежало получить 126 рублей 6 алтын 5 денег. Эта сумма была настолько значительна, что Сибирский приказ не решился выдать ее без царского разрешения и боярского приговора. По этому случаю был составлен «доклад» царю Алексею Михайловичу.

23 января начальник Сибирского приказа, окольничий Родион Матвеевич Стрешнев, представил дело о Дежневе боярской думе. «Государь, выслушав сей выписки и челобитной ленского казака Семена Дежнева, — гласит решение, — пожаловал-велел ему Семейке свое государево годовое денежное жалованье и за хлеб на прошлые годы со 151 году по 170 год, на 19 лет за ево службу, что он в тех годах был на ево государеве службе на Анандыре реке для государева ясачного збору, и приску новых землиц и, будучи на государеве службе, упромышлял кости рыбья зубу 289 пуд — цена по 60 рубл. пуд», выдать «на те прошлые годы... из Сибирского приказу треть деньгами, а две доли суконами» [143].

На следующий день Дежнев получил 38 рублей 22 алтына 3 деньги «да суконами — две половинки темных и вишневых да половинка светлозелена, мерою в них 97 аршин с четью, по цене на 86 рублей 17 алтын 3 деньги», по 30 алтын за аршин.

Было бы неверно думать, что казна оказала какую-то особую милость, выдав Дежневу столь крупную сумму. На самом же деле и здесь она была в явном выигрыше. Моржовая кость, приобретенная трудами Дежнева и переданная казне, стоила 17340 рублей. Мы уже не говорим о той услуге, которую оказал он московскому двору, остро нуждавшемуся в моржовых клыках.

17 февраля 1655 года Дежнев подал новую челобитную царю Алексею Михайловичу. Здесь он просил царя «поверстать» его за двадцатипятилетнюю службу и за то, что служил в Тобольске и Енисейске, «за... кровь и за раны, и за ясачную прибыль», «по Якуцкому острогу в сотники, или как тебе, великий госу-

дарь, — прибавляет Дежнев, — господь бог о мне известит». В этой же челобитной Дежнев просил разрешения купить в Якутске «про свой обиход 300 пудов хлеба» [144]. Через 12 дней состоялось царское решение. Дежнев был произведен в казачьи атаманы с годовым жалованьем 9 рублей денег, 7 четвертей ржи, 4 четверти овса, 2 пуда с четвертью соли. 28 февраля 1665 года Сибирский приказ направил к якутскому воеводе царскую грамоту о назначении Дежнева атаманом.

Раньше чем дать Дежневу новый чин, Сибирский приказ сверился с «именными книгами» Якутского острога. Оказалось, что должность сотника, о которой просил Дежнев, была занята. Всего по Якутскому острогу значилось: 3 сотника, 1 атаман, 12 пятидесятников, 20 десятников и 578 рядовых. За отсутствием должности сотника Дежневу и подыскали другой оклад — атамана, равного чину сотника. В этот знаменательный для себя день Дежнев подал еще одну небольшую челобитную с просьбой отпустить с ним в Якутск племянника Ивана Иванова, проживавшего «не в тягле, не в посаде» Устюга Великого. И эта челобитная была удовлетворена.

В начале марта Дежнев выехал из Москвы с «государевой денежной казной», которую ему поручили доставить в Якутск.

* * *

О деятельности атамана Дежнева до второй его поездки в Москву долгое время не имелось никаких сведений. Ученые строили на этот счет различные догадки, не подкрепляемые фактами. Во время работы над Якутскими актами нам удалось обнаружить несколько документов, указывающих, что Дежнев проходил службу в Оленекском и Верхоянском зимовьях. Это, прежде всего, отписка якутского воеводы князя Ивана Петровича Борятинского царю Алексею Михайловичу о состоянии дел на реке Оленек [приложение 11] и «роспись ясачной и десятинной казны Якутского уезда за 1668—1669 годы» [145]. Из первого документа явствует, что Дежнев 12 июля 1668 года

прислал с Оленька в Якутск отписку о вражде двух тунгусских племен — азянов и боярцев. Дата получения отписки показывает, что отправление Дежнева на Оленек состоялось значительно раньше этого времени, скорее всего в конце 1667 года. Обычно Якутская съезжая изба рассылала казаков на службы осенью. Зимой же, когда становились реки и выпадал глубокий снег, старались избегать передвижений на значительные расстояния. К тому же сообщение с Оленьком поддерживалось морем и только в редких случаях по суше. Все это позволяет более или менее точно датировать приезд Дежнева из Москвы в Якутск. По-видимому, он вернулся если не летом, то в начале осени 1667 года и, следовательно, на обратный путь Дежневу так же потребовалось, по меньшей мере, около двух лет.

По возвращении в Якутск Дежнев был направлен приказчиком на Оленек.

Открытый еще в начале 20-х годов Оленек долгое время не привлекал внимания мангазейских воевод. Обстановка изменилась с того времени, как мангазейские казаки появились на Анабаре. Это случилось в 1643 году, когда туда пришел отряд десятника Василия Сычева [146]. В 1648 году, в год открытия Дежневым пролива между Азией и Америкой, казачий отряд под командованием Якова Семенова совершил плавание по участку Северного Ледовитого океана, еще не пройденному русскими мореходами — из Хатангской губы к устью Анабары. Это расстояние Семенов прошел на коче за девять дней, с 30 мая по 8 июня [147]. Вслед за служилыми потянулись на Анабару промышленные люди. Анабара стала многолюдной рекой. Здесь, как и в других районах, мангазейские казаки столкнулись с ленскими служилыми, и между ними начались распри.

Положение осложнялось тем, что к западу от Оленька проходила условная граница между Мангазейским и Якутским уездами, причем мангазейские казаки собирали ясак с тунгусов, кочевавших в отрогах Оленекского хребта, а ленские — с тунгусов, промышлявших соболя на Ессее и Анабаре. Встречи казачьих

групп были неизбежны и, как правило, оканчивались они ссорами и драками.

В свои распри обе стороны вовлекали коренное население Оленька и Анабары, в частности племена боягиров и азянов. Эти воинственные тунгусские племена, жившие по соседству друг от друга, враждовали издавна. Боягирцы жили на Анабаре и Ессей-озере, а азяны — на Верхнем Оленьке. Время от времени отдельные азянские роды появлялись в пределах боягирцев, и наоборот. Все это приводило к стычкам, нередко кончавшимся кровопролитными боями.

С 50-х годов оленекские промыслы стали резко падать, все реже и реже появлялись здесь промышленные и торговые люди. Однако якутские власти не оставили Оленька и раз в два года посылали в Оленекское зимовье, построенное еще Елисеем Юрьевым Бузой, своего приказчика, которому поручалось собирать ясак с местного населения.

Одной из причин падения оленекских промыслов было запрещение якутских властей переходить с Оленька на Нижнюю Тунгуску, на Анабару и в Пясину. Летом 1642 года якутский воевода Петр Головин, отпуская на Оленек Ивана Реброва, дал ему строгий наказ: «а тово беречь накрепко, чтоб нихто торговых и промышленных людей с Оленька в Пясину и на Тунгуску не перешел». Этим же наказом Реброву предписывалось произвести поиски дорог к некоему морскому острову с «заморным зубом», якобы расположенному к западу от реки Анабары. Через три года Головин отдал не менее категорический приказ о прекращении не только поисков путей к острову «с заморным зубом», но и запрещении ездить туда торговым и промышленным людям. Оленекскому таможенному целовальнику Ивану Шелковнику он писал: «Одноконешно тово смотреть и беречь накрепко и о том им, служивым людям, заказ учинить крепкий всем торговым и промышленным, чтоб никто на море к острову, где сказывают заморный зуб, не ходили и дорогу туда б не прокладывали».

Подобные же строгие наказы относительно прекращения связи Оленька с мангазейскими землями

Походы и службы
СЕМЕНА ДЕЖНЕВА
Новая Земля
Хетское зимовье
Анабарское зимовье
1667-68
Оленекское зимовье
Жиганский острог
Мангазея
Туруханск
Тобольск
1629-30
Енисейск
1630-38
Олекминский острог
1638
Якутский острог
Амга
1640
Оймекон
1641-42
Верхоянское зимовье
1669-70
Зашиверское зимовье
Усть-Янское зимовье
Ниж.-Индигирск. зимовье
1643
Средне-Колымское зимовье
Верхне-Колымское зимовье
Н.-Колымское зим.
1643-48
Анадырский острожек
1649-60
1648
1660
1661
1662
1641
Хета
Оленек
Лена
Яна
Индигирка
Алазея
Колыма
Амга
Алдан
Енисей
Ангара
Обь
Тобол
Иртыш

отдавались индигирскому, алазейскому и колымскому целовальникам. Им предписывалось «беречь накрепко, чтоб торговые и промышленные люди с Ковымы (Алазейки, Индигирки) реки в Пясину, на Есей озеро и на Нижнюю Тунгуску нихто не перешел» [148]. Все это повело к тому, что Оленек очень редко посещался промышленными людьми.

К тому же распри тунгусов и казаков продолжались попрежнему. Так, летом 1653 года во время отсутствия в Оленекском зимовье приказного Кузьмы Суздальцева, уехавшего «на море ловить рыбу», пришел на Оленек мангазейский казачий отряд во главе с Иваном Сорокиным в сопровождении 200 тунгусов боягиров. Поводом для похода Сорокина на Оленек послужил побег нескольких тунгусов с Анабары и Есея. «Послан я, — писал Сорокин якутскому воеводе, — ... на Анабару реку и велено нам ходить по лесам и по тундрам и по захребетным рекам и велено сыскивать анабарских изменников-тунгусов, которые платили прежсего на Есеи и на Анабаре реке ясак государю изменили и ясачное зимовье взяли и русских людей побили, а аманатов увели, и я нашел тех людей на Некуке реке на оленских реках» [149]. Но на самом деле отнюдь не за правосудием явился Сорокин на Оленек. Как доносил оттуда ясачный сборщик воеводе Михаилу Ладыженскому, Сорокин с боягирцами учинил «над оленскими тунгусами насильства многие» и, ограбив их кочевье и захватив пленных, отошел назад [150].

По существу Оленек был глухой окраиной Якутского воеводства. Власти уделяли ей весьма мало внимания. Дежнев прибыл на Оленек в момент очередного обострения борьбы между азянами и боягирами. Осенью 1667 года пришли с озера Ессей, — писал Дежнев, — тунгусы Боягирского рода Баликан с товарищами за своим полоненным холопом Азянского рода Узоном, бежавшим от них «на свои старые жилища». Азянский род отказался выдать Узона. Назревали новые межплеменные неурядицы. Дежнев вмешался в этот конфликт, желая кончить дело миром. Обстановка была крайне напряженной. Боягирцы стояли у юрт азя-

нов, требуя возвращения Узона, и угрожали оружием. Приняв сторону азяков, Дежнев позвал в зимовье вожака боягиров Баликана. Нехотя пришел Баликан к казачьему атаману. От своих родичей и мангазейских казаков он имел строгий наказ биться насмерть с оленекскими тунгусами. Но ему пришлось покориться воле сильного человека. Дежнев предложил Баликану подать челобитную с изложением претензий к азянам и до решения царя покинуть Оленек. Челобитную боягиров с изложением хода спора Семен Дежнев переслал якутскому воеводе и просил у него наискорейшего ответа. Так Дежнев предотвратил кровавую межплеменную схватку. Поступок Дежнева весьма примечателен. Этот и другие факты, когда Дежнев выступал примирителем местного сибирского населения, свидетельствуют, что он держался довольно передовых для своего времени взглядов и стоял на голову выше многих своих товарищей в общественно-моральном отношении. Политика Дежнева не замедлила принести свои плоды. Ясак с оленекских тунгусов, который из года в год доставлялся в Якутск с большими недоимками, был собран им полностью — 123 соболя, оцененных в 279 рублей [151].

На Оленьке Дежнев пробыл до 1669 года. В следующем году его назначили ясачным сборщиком в Верхоянском зимовье, куда 30 лет назад он ездил вместе с Дмитрием Зыряном. О пребывании Дежнева на Яне имеется лаконическая запись в «ценовой росписи» ясачной казны Якутского уезда следующего содержания: «ясак в Верхоянском зимовье на 178 год собирал атаман казачий Семен Дежнев» [152]. 7 июля этого же года Дежнев приехал в Якутск; под этим числом его имя значится в списке служилых людей якутского острога, «которые были налицо». Между прочим, в этом списке помечено, что «не дано хлебного государева жалованья 179 (1671) год атаману казачьему Семену Дежневу 40 пуд 4 гривенки с полугривенкою» хлеба [153].

20 июля 1670 года якутский воевода Иван Боряшинский назначил Дежнева начальником отряда, сопровождавшего в Сибирский приказ «государеву со-

болиную казну». Отряд состоял из 34 промышленных, 5 тобольских и 4 ленских служилых людей и среди них был сын Михаила Стадухина — Нефед. Воевода направлял царю меха, собранные в счет ясака за 1670 год. Здесь было 16 533 соболя, 5 чернобурых, 2 черночревых, 56 сиводущатых и 2629 красных лисиц. Кроме того, в соболиную казну входило 16 068 соболиных пупков. Казна была оценена в 47 164 рубля [154].

Назначение Дежнева в эту ответственную поездку следует, повидимому, объяснить стечением обстоятельств. Из списка служилых людей, находившихся в Якутске летом 1670 года, из казачьей старшины один только Дежнев не имел назначения на очередную службу. Между тем с 50-х годов вошло в обычай посылать с соболиною казной в Москву исключительно людей состоятельных, имеющих старшее звание, чаще всего детей боярских. Так, неоднократно ездил в Москву с этим поручением сын боярский Петр Ярышкин. Ко времени посылки очередной казны других подходящих людей, кроме Дежнева, в Якутске не было. Молодые казаки еще не дослужились до старших чинов, а старые казаки в 1670 году в большинстве своем закончили свой жизненный путь. В 1666 году в Якутске умер знаменитый мореход, открывший Яну и Индигирку, сын боярский Иван Иванов Ребров. Его дело продолжал приемный его сын Андрей Пермяков [155], отец мореплавателя Якова Пермякова, впоследствии принимавшего участие в открытии Ново-Сибирских островов. За два года до смерти Реброва скончался в Якутске старый казак Константин Стефанов Дунай. В 1666 году был убит ламутами казачий атаман Михаил Стадухин. Вернувшись из Москвы в 1662 году, Стадухин вначале служил в Олекомском острожке, затем в 1663 году был назначен приказным на реку Алазею.

В ноябре 1664 года Стадухин по суше добрался до Алазейского зимовья, где два года исправно собирал ясак, после чего прибыл в Якутск [156]. Летом 1666 года Стадухин был назначен приказчиком Колымы. Во время переезда через Янский хребет на от-

ряд казаков напали ламуты и всех убили, в том числе самого Стадухина и пятидесятника Григория Татаринова [157]. Из детей боярских в Якутске должен был быть Второй Катаев, но его послали в Устьянское зимовье. Атаман Петриловский еще за год до этого уехал в Москву.

Таким образом, казачий атаман Семен Дежнев летом 1670 года оставался единственно возможным кандидатом в начальники над отрядом, сопровождавшим ясачную казну.

Путь до Ленского волока Дежнев совершил в два месяца. Зиму 1670/71 года он провел в Илимске, дожидаясь вскрытия реки Верхней Тунгуски. Весной илимский воевода Сила Аничков дал Дежневу «большое судно». В отписке якутскому воеводе Дежнев жаловался, что ему очень трудно с небольшим отрядом плыть на этом «большом судне», что ко всему «ветры стали противные и мы вниз реки тянулись бечевою и дале Енисейского острогу не могли поспеть» [приложение 12]. В Енисейске Дежнев не задерживался и уже 26 июня прибыл в Тобольск. Здесь мешки, в которых везли «государеву казну», тщательно осмотрели, причем некоторые из них оказались не в порядке. Дежнев, допрошенный по этому поводу тобольскими чиновниками, объяснил, что мешки подмочены и разорваны во время переезда по рекам и перетаскивания через волоки [158]. Ясачную казну пересчитали и нашли ее в полном порядке. Мешки вновь зашили, и в августе Дежнев направился по дороге в Верхотурье, куда прибыл в ноябре. Здесь еще раз проверили сохранность мешков, допросили атамана, но быстро отпустили. 25 декабря, проделав путешествие через всю Сибирь, продолжавшееся полтора года, Дежнев прибыл в Москву.

Сохранились документы о приеме оценщиками Сибирского приказа соболиной казны, привезенной Дежневым. Даже эти, по обязанности строгие, люди не могли придраться к Дежневу и признали полную сохранность якутской соболиной казны. Задание было выполнено. Но назад в Якутск Дежнев уже не вернулся. Разбитый физически в результате лишений и

многочисленных ран, он заболел и в начале 1673 года скончался в Москве.

Запись подьячего гласит: «Семен Дежнев во 181 году на Москве умре, а оклад его в выбылых» [159].

Мужественный образ отважного русского землепроходца останется в памяти народа на века. Плавание, которое совершил Дежнев, было повторено лишь 80 лет спустя русской экспедицией под командованием Беринга, именем которого, по предложению англичанина Джемса Кука, в 1778 году был назван пролив, отделяющий Азию от Америки. Через 120 лет после этого, по представлению Русского Географического общества, восточный мыс Азии был наименован мысом Дежнева.

Русский народ, выдвинувший из своей среды великих ученых, путешественников, исследователей, мыслителей, по праву гордится Дежневым — великим мореходом XVII века.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕЧАНИЯ

1. Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учи нешных. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». СПб., 1758, кн. 1.

2. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев (1638—1671). Журнал Министерства народного просвещения. 1890, ч. 272. В качестве приложения напечатаны 4 челобитных Дежнева царю Алексею Михайловичу (в дальнейшем сноски на это издание).

3. «Сказание» напечатано в сборнике «Древности». Труды императорского Московского археологического общества. М., 1890, т. XIV, стр. 320 и др.

4. Hacluyt. Everyman's Library, II, p. 293.

5. Архив Академии Наук СССР. Портфели Миллера (в дальнейшем приняты сокращения: ПМ). № 2, л. 17, 15 декабря 1698 г. Грамота царя Федора Иоанновича на Верхотурье.

6. С. В. Бахрушин. Мангазейская мирская община в XVII в. «Северная Азия», 1929, кн. 1, стр. 52.

7. В 1946 г. на месте старой Мангазеи были произведены археологические раскопки экспедицией Арктического института Главсевморпути совместно с Институтом материальной культуры им. Н. Я. Марра, под руководством В. Н. Чернецова. За крепостной стеной Мангазеи были обнаружены посадская слобода и кузница.

8. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Изд. Академии Наук. т. II, стр. 232. В литературе часто встречается имя не Кондратий Куркин, а Кондратий Курочкин. Мы придерживаемся транскрипции документа, цитируемого Миллером.

9. Б. О. Долгих. Новые данные о плавании северноморским путем в XVII в. «Проблемы Арктики», 1943, № 2.

10. Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859, стр. 77.

11. С. В. Бахрушин. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», вып. 2, П., 1922, стр. 44.

12. В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII и начале XVIII в., М.—Л., 1946, стр. 9.

13. С. В. Бахрушин. Мангазейская мирская община в XVII в., стр. 52—53.

14. ПМ, № 21, л. 118—119, 2 марта 1622. Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова к мангазейским воеводам Дмитрию Погожеву и Ивану Танееву.

15. ПМ, № 21, л. 23.

16. ПМ, № 21, л. 131.

17. ПМ, № 21, л. 47 и др. Экстракт из ясачных книг города Мангазеи.

18. Архив Института истории Академии Наук. Якутские акты (в дальнейшем ЯА). Сентябрь, 1642. Челобитные торговых и промышленных людей об ограблении и убийстве русских в разные годы на реках Лене, Вилюе, Алдане и Олекме.

19. ПМ, № 22, л. 150, 1634. Сказка Осташки Серебряника и Якуньки Шестака о своем пленении мангазейцами.

20. ПМ, № 22, 1634. Отписка с Лены атамана Галкина енисейскому воеводе Никифору Веревкину о текущих делах.

21. ПМ, № 22, л. 156, 1634. Челобитная торгового человека Ерофея Хабарова о своих службах на Лене.

22. ПМ, № 22, л. 164.

23. ЯА, карт. 8, ст. 2, стр. 77—79. Челобитная служилого человека Вахрушки Максимова о своих службах.

24. Н. Н. Оглоблин. Восточносибирские полярные мореходы в XVII в. ЖМНП, 1903, ч. 347, стр. 44—45.

25. ПМ, № 22, л. 155, 1634. Отписка Ивана Галкина енисейскому воеводе Никифору Веревкину.

26. ПМ, № 22, л. 241, 1639. Отписка енисейского воеводы Никифора Веревкина царю Михаилу Федоровичу о сборе ясака с реки Лены.

27. ЯА, карт. 4, ст. 14. 12 февраля 1642. Отписка Елисея Бузы воеводе П. П. Головину о текущих делах Янского зимовья.

28. Там же.

29. ЯА, к. I, ст. 1, 8 августа 1638. Наказная память Якутскому стольнику и воеводе П. П. Головину с товарищами на Лену.

30. ПМ, № 2, л. 244, 1639. Отписка енисейского воеводы Никифора Веревкина царю Михаилу Федоровичу о сборе мягкой рухляди с реки Лены.

31. ЯА, карт. 3, ст. 6, сст. 18, 1641. Отписка якутского воеводы Петра Головина царю Михаилу Федоровичу о сборе дани на Лене.

32. ПМ. № 30, л. 9.

33. ПМ, № 22, л. 168—169, 1634. Роспись енисейским служилым людям, которые служили с Иваном Галкиным на Лене.

34. ЯА, карт. 3, ст. 14, 1641. Роспись скота в Якутском остроге.

35. ЯА, карта 4, ст. 3, стр. 2—5, 1640. Дело о разрешении ленским служилым людям заниматься торговлей.

36. ЯА, карт. 5, ст. 6, сст. 65, 1646. Розыскное дело о злоупотреблениях якутского воеводы П. П. Головина. Цифра 3 тысячи человек названа несколько раз в «Розыскном деле».

37. ПМ, № 30, л. 303, 1646. Отписка якутского воеводы Пушкина царю Алексею Михайловичу о состоянии ленских промыслов.

38. С. П. Крашенинников. Описание Земли Камчатки. СПб., 1755, II, стр. 249—250.

39. Н. Найденов. Устюг Великий. Материалы для истории города. XVII и XVIII ст., М., 1883, стр. 1, 41, 143.

40. ПМ, № 2, л. 154, 25 мая 1632. Грамота Михаила Федоровича на Верхотурье воеводе Н. Ю. Плещееву о выдаче подвод до Тобольска 150 выбранным для сибирской службы казакам.

41. ЯА, к. 2, ст. 10, стр. 10, 1640. Отписка таможенного целовальника Ленского острога Юрия Селиверстова таможенному голове Дружине Трубникову.

42. ЯА, к. 2, ст. 7, стр. 32.

43. ЯА, к. 2, ст. 6, сст. 16, 13 сентября 1640. Поручная запись казака Семена Чюфариста, Константина Дуная, Семена Иванова Дежнева с товарищами о промышленных людях Леонтии Пестове и Иване Соколове.

44. С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа. М., 1940, стр. 48.

45. Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Л., 1936, стр. 152—153. Дело о крещении и отпуске на волю якутки Малиек, принадлежавшей енисейскому казаку Ивану Метлику.

46. Исследователи ошибочно считают, что поход Дежнева на князца Сахея состоялся в 1639 г. (см. В. А. Самойлов. Семен Дежнев и его время. М., 1945, стр. 42). Но сам Дежнев не называет этой даты, а указывает, что он ходил к Сахею после получения известия об убийстве последним казака Ивана Метленка. Как явствует из челобитной вдовы Ивана Метленка — Малиек, это убийство произошло в 149 (1641) (осень 1640 или 1641) (см. № 45). Следовательно, поход Дежнева к Сахею состоялся либо осенью 1640 или, что мало вероятно, в начале 1641 года. Что касается упоминания Дежнева о том, что на Сахея его посылал сын боярский Парфен Ходырев (прибыл в Якутск 12 июня 1638 года и выехал в Енисейск 28 мая 1640 года), то это очевидная ошибка Дежнева, так как осенью 1640 года приказчиком Ленского острога был атаман Осип Галкин. Следует иметь в виду, что Дежнев писал о своем походе на Сахея спустя 22 года и перепутал имя приказных, в те годы часто сменявшихся в Ленском остроге.

47. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Приложения. Челобитная Дежнева 1662 года.

48. ЯА, к. I, сст. 983, 25 августа 1640. Сказка служилых людей Посничка Иванова и Анички Никитина о своих службах на Яне и Индигирке.

49. ЯА, к. 11, сст. 1, 5 сентября 1640. Наказная память якутского воеводы П. П. Головина с товарищами письменному голове Василию Даниловичу Пояркову о поездке на Лену.

50. ЯА, карт. I, сст. 985.

51. Н. Н. Оглоблин. Указ. соч., приложения. Челобитная Дежнева 1662 года.

52. ЯА, карт. 4, сст. 3, 1641. Челобитная енисейских казаков Кирилла Нифантьева с товарищами царю Михаилу Федоровичу о своих службах на Индигирке.

53. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Челобитная 1662 года.

54. ЯА, карт. 6, ст. 6, сст. 276, 1646. Сыскное дело о злоупотреблениях якутского воеводы Петра Головина.

55. ЯА, карт. 9, сст. 9, 1640—1647. Росписи таможенным отпускам на соболиные промыслы Якутского уезда.

56. ЯА, карт. 9, ст. 7, сст. 23.

57. ЯА, карт. 3, ст. 19, сст. 1—6.

58. В челобитной 1662 года Дежнев ошибочно отнес отправление на Оймекон к 150 (1642) году.

59. Центральный Государственный Архив Древних Актов. Якутское областное управление (в дальнейшем ЯОУ), столбец 66, лл 1—7. Дела о продвижении в Сибири.

60. Дополнение к актам историческим (ДАИ), т. II, стр. 256—258.

61. ЯА, карт. 6, ст. 2, август 1642. Извет на воеводу П. Головина ленских казаков.

62. ЯА, карт. 4, ст. 20, сст. 33, август 1642. Наказная память индигирскому приказчику Дмитрию Михайловичу Зырину.

63. ЯОУ, ст. 66, лл. 1—7.

64. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Челобитная Дежнева 1662 года.

65. ЯОУ, ст. 66, лл. 1—7.

66. ЯА, карт. 12, ст. 15, сст. 6, 1642. Челобитная Тобольского служилого человека Прокопия Иванова сына Краснояра.

67. ЯОУ, ст. № 43 № 28—30. «Роспросные речи» индигирского приказчика Лаврушки Григорьева.

68. ЯОУ, ст. 66, лл. 1—7.

69 ДАИ, т. 3, № 24.

70. Н. Н. Оглоблин. Указ. соч., стр. 41.

71. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Челобитная Дежнева 1662 года.

72. ПМ, № 30, л. 318 и др. 5 июля 1647. Наказная память Василию Власьеву и целовальнику Кириллу Юрьеву о походе на Колыму.

73. ДАИ, т. III, № 24, 1646. Распросные речи Михаила Стадухина о реке Колыме.

74. J. Gebhard. Het leven van Mr. Nicolaas Cornelz. Witsen (1641—1717). Utrecht, 1881, vol. II, стр. 298.

75. ЯОУ, ст. № 66, лл. 1—7.

76. ЯА, карт. 14, ст. 6, сст. 1, март 1654. Отписка с Яны казака Тимофея Булдакова о злоключениях во время плавания на Лену.

77. ПМ, № 31, л. 39, 1653. Отписка казака Василия Бурлака якутскому воеводе о поездке на Колыму.

78. ПМ, № 31, л. 40 об., 1653. Отписка якутскому воеводе хромовского приказчика Треньки Алексеева о приключениях в пути.

79. ЯА, карт. 7, ст. 5, 1645. 168 проезжих грамот, выданных Якутской таможней для поездки вниз по Лене. Во время подсчета данных проезжих грамот нами принимались во внимание лишь показатели вывоза хлеба и общая стоимость товара.

80. ЯА, карт. 9, ст. 9.

81. ПМ, № 30, л. 371. Роспись ясачной и десятичной соболиной казны Якутского уезда.

82. ПМ, № 31, лл. 70—71. Ценовая роспись ясачной и десятинной соболиной казны за 1655 год.

83. ПМ, № 31, лл. 151, 200—201.

84. ЯА, карт 12, ст. 15, 1650. Роспись Якутского острога государевой соболиной казны и моржовой кости.

85. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Челобитная Дежнева 1662 года.

86. ЯА, карт.10, ст. 1, сст. 23, 1647. Роспись прибывших ясачной казны с Вилюя, Ленского волока и от Столбов.

87. ПМ, 30, л. 318, 5 июля 1647. Наказная память сыну боярскому Василию Власьеву на Колыму.

88. ЯОУ, ст. 66, лл. 30—32.

89. ПМ, № 30, л. 318 об.

90. ДАИ, т. 3, № 24.

91. Н. Н. Оглоблин. Восточносибирские мореходы XVII века, стр. 52—57.

92. ДАИ, т. III, № 55.

93. ЯА, карт. 4, ст. 20, сст. 21; 15 июля 1642. Наказная память Ивану Реброву на Оленек.

94. ЯОУ, ст. 13, лл. 162—163.

95. ЯА, карт. 14, ст. 7, сст. 564. Счетный список Якутского острога с 1653 по 1660 годы.

96. ПМ, № 30, л. 330, 1648. Челобитная ленского служилого человека Ивана Баранова с просьбой зачислить его служить по Нижне-Колымску.

97. ЯА, карт. 9, ст. 12, сст. 52.

98. ПМ, № 30, л. 318 об., 5 июня 1647. Наказная память Михаилу Стадухину на Погычу.

99. Упоминания о походе Дежнева:

1) в отписках якутскому воеводе Ивану Акинфеву служилых людей Семена Дежнева и Никиты Семенова о походе их на реку Анадырь, о военных действиях против инородцев и пр. (ДАИ т. IV, № 7);

2) в челобитной Семена Дежнева царю Алексею

Михайловичу, 1662 (приложения к указ. соч. «Семен Дежнев» Н. Оглоблина).

100. П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, 1838, т. I, стр. 105.

101. Golder. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Clevland (Ohio), 1914, p. 368.

102. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. Л., 1935, стр. 36—40.

103. ДАИ, т. IV, № 7.

104. Л. С. Берг. Указ, соч., стр. 32—34.

105. С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб, 1755, II, стр. 190.

106. ДАИ, т. IV, № 7.

107. ПМ, № 31, лл. 120—122, 1654. Челобитная промышленного человека Ивашки Федорова Казанца о своей службе на Ковыме и Анадыре.

108. ПМ, № 30, л. 354.

109. Развернутая критика точки зрения Гольдера и Словцова дана в упоминавшейся работе академика Л. С. Берга. Здесь также содержится обстоятельный очерк о влиянии плавания Дежнева на русскую и западно-европейскую картографию.

110. Л. А. Багров. Карты азиатской России. П., 1914, стр. 11.

111. А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, т. I, стр. 53—54.

112. Там же, т. I, стр. 61—216.

113. Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 18.

114. Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных, стр. 100.

115. Там же, стр. 109—110.

116. Там же, стр. 199.

117. Там же, стр. 200.

118. Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 55.

119. С. Крашенинников. Указ. соч., т. II, стр. 73—74.

120. А. С. Полонский. Первая камчатская экспедиция Беринга 1725—1729 годов. «Записки Гидрографического департамента», 1850, т. VIII, стр. 548—549.

121. ЯА, карт. 23, ст. 16, сст. I.

122. ЯА, карт. 23, ст. 16, сст. 129.

123. ЯА, карт. 37, ст. 5, сст. 13. Допрос казаков, прибывших с Индигирки и Колымы, о ясачном сборе.

124. ДАИ, т. IV, № 47, 1 марта 1658. Отписка казачьего десятника Михаила Стадухина о пребывании его на реках Анадыре, Акляе, Изиге и Тоуе.

125. ЯА, карт. 12, ст. 3, сст. 4, 1653. Челобитная якутского казака Ивана Аврамова Баранова о пожаловании его государевым жалованьем за службу на реке Чондон.

126. ЯА, карт. 13, ст. 10, сст. 1 и др.

127. ДАИ, IV, № 7.

128. ПМ, № 31, л. 98, 1655, после 16 августа. Челобитная служилого человека Данилки Филиппова воеводе Ладыженскому о своем походе с Анадыря, с государевой казной, с костью рыбьим зубом.

129. ЯА, карт. 12, ст. 15, 1651. Дело о конфискации в казну незаконноприобретенной мягкой рухляди.

130. ПМ, № 30, л. 356.

131. ЯА, карт. 14, ст. 10. Выписка в доклад о службах Юрия Селиверстова.

132. ЯА, карт, 13, ст. 5, сст. 39, 28 марта 1652. Отписка новоприборного охочего служилого человека Юрия Селиверстова о походе на реку Анадырь.

133. Там же, стр. 49, март 1652. Изветная челобитная новоприборных казаков Ивашки Софронова с товарищами на Юрия Селиверстова.

134. ДАИ, т. IV, № 5, 30 марта 1655. Отписка Юрия Селиверстова якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому о своей службе на Анадыре.

135. ЯА, карт. 13, ст. 7, 1655. Челобитные Василия Бугра, Евсея Павлова и Дмитрия Васильева.

136. ЯА, карт. 14, ст. 10, 1658. Доклад о службах и долгах Юрия Селиверстова.

137. В. А. Самойлов. Семен Дежнев и его время. М., 1945, стр. 92.

138. ЯА, карт. 18, ст. 4, сст. 9, не ранее 11 июля 1662. Отписка якутского воеводы Ивана Голенищева-Кутузова в Москву о прибытии Ерастова и Дежнева в Якутск.

139. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Приложения.

140. В. А. Самойлов. Указ. соч., стр. 107.

141. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Приложения. Здесь ошибочно сообщена дата челобитной Дежнева — 23 сентября 1664 г.

142. Там же, приложения, стр. 304—305.

143. Там же, стр. 295—296.

144. Там же, стр. 385—386.

145 ЯА, карт. 20, ст. 25.

146. ПМ, № 21, л. 221, 23 мая 1644. Царская грамота в Мангазею воеводе князю Петру Михайловичу Ухтомскому.

147. ПМ, № 21, л. 234, 1649. Отписка с Анабары мангазейскому воеводе П. М. Ухтомскому ясачного сборщика Якуньки Семенова.

148. ЯА, карт. 5, ст. 38, сст. 104, 1656. Наказная память торговому человеку Ивану Дорофееву, едущему на Колыму в качестве целовальника.

149. ЯА, карт. 14, ст. 3, сст. 24. Отписка Ивана Сорокина якутскому воеводе о причинах прихода на реку Оленек.

150. ЯА, карт. 15, ст. 4, сст. 23, 1654. Отписка с реки Оленька якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому служилого человека Кузьмы Суздальца о приходе тазовских казаков Ивана Сорокина с товарищами.

151. ЯА, карт. 20, ст. 25, сст. 36.
152. ЯА, карт. 24, ст. 4, сст. 36.
153. ЯА, карт. 23, ст. 16, сст. 11.
154. ЯА, карт. 24, ст. 6.
155. ЯА, карт. 22, ст. 1, 1667. Дело о передаче имущества умершего Ивана Иванова Реброва его внучке Аксинье Ребровой.
156. ЯА, карт. 18, ст. 1, сст. 40.
157. ЯА, карт. 24, ст. 4, сст. 4.
158. Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев, стр. 298—299
159. Н. Н. Оглоблин. Смерть Семена Дежнева в 1673 году. «Библиограф», 1891, № 3—4, стр. 60—62.

Приложения

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СЕМЕНЕ ДЕЖНЕВЕ

№ 1. 23 августа 1640 года. Наказная память атамана Осина Галкина ленским служилым людям Богдану Артемьеву Сорокоумову, Льву Тимофееву Губарю, Семену Иванову Дежневу о поездке их на реки Амгу и Тату.

По государеву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память Ленского острогу служилым людям Богдашку Артемьеву Сорокоумову, Левке Тимофееву Губарю, Семейке Иванову Дежневу — ехати ему из Ленского острога на Тату и на Амгу к батуруским якутам к Немнячку да к Кантаганку Огеевым детям з братьею по челобитью ясачных якутов Мегинской волости Бырчика Чюкова да Тречки Декиева, а в челобитной их написано: В прошлом во 148 году летом тот Кантака с товарищи отняли де у Бырчика, приезжали войною 21 корову, да в нынешнем де во 148 году зимою у Тречки угнали войною тот же Кантак з братьею 30 коров, да в нынешнем же во 148 году августа в 14 день ездили они, Бырчик да Тречка, к тем к батурусам поговорить для своего скота, чтоб им отдать тот их отгонной скот, коров; и он де, Немнячко, з братьей встретил их на дороге и били де их и ограбили кони и пальмы и саадаки отнимали; и вам служилым людям, Богдашку Сорокоумову с товарищи, приехав к тем кочевым детям к Кантаканку з братьею и про тот скот у них спрошать и стороними якуты допрямо

допросить и, в грабежу буде они не запрутца и что ис сторон якуты скажут, буде их на дороге грабили, и Вам бы, служилым людям, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу розделити их без порчи, без драки, тот скот взять грабежной и живот у Немнячка з братьею и отдати Бырчику и Тречке, а буде учинитца у них у Немнячки з братьями меж ими спор з Бырчиком и с Тречкою в том скоте и в грабежном животе, и их Немнячка с братьями и Бырчика и Тречку срочить их в Ленской строг с собою тотчас, не мешкав, а самим им, служилым людям, ездичи дорогою, у иноземцов ничево не покупать и с ними не торговать, а иноземцом обид и насильства не чинить, никоторово дурна не творить, и к ним, к иноземцам, напрасно не приметыватца. К сей. памяти атаман Осип Галкин печать свою приложил.

(Архив Института Истории Академии Наук СССР. Якутские акты. Картон 2, столбец 6, состав 29. Отпуск [1]).

№ 2. 17 августа 1641 года. Челобитная енисейского казака Семена Иванова Дежнева царю Михаилу Федоровичу.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом холоп твой енисейский казак Сенька Иванов Дежнев. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, позволь, государь, оставить кормить на зиму до себя ясырышка моего якольскую женку именем Абакаяда Сючю, оставил я корову и с теленком Борогонской волости якуту Манякую. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

(Архив Института Истории Академии Наук СССР. Якутские акты. Картон 3, столбец 19, состав 1. Подлинник).

---

[1] Отпуском называлась копия документа, остающаяся в делах после отсылки его адресату.

№ 3. После 7 июня 1642 года. Челобитная ленских служилых людей Михаила Стадухина и Семена Дежнева с товарищами.

Царю и государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои государевы ленские служилые люди: Мишка Стадухин, Артюшка Шестаков, Мишка Коновал, Гришка Фофанов, Семейка Дежнев, Вавилко Леонтьев, Вторко Гаврилов, Сергейко Ортемьев, Андрюшка Иванов, Бориско Прокофьев, Ромашка Немчин, Федька Федоров. В прошлом, государь, во 149-м году посланы мы, холопи твои государевы, из Ленского на твою государеву службу на Оемокон реку к твоим государевым ясачным людям — к якутом и к мемельским тунгусом и аломунскому тунгусу Чюне для ради твоего государева ясашного збору; и божиею милостью и государевым счастьем с тех якутов и с мемельских тунгусов ясак твой государев на нынешней на 150-й год взяли весь и сполна и с прибылью; и апреле в 7 день пришли ламунские тунгусы в ночи войною и казачьих коней побили и якутцких кобыл и коней побили же и якутов убили пять человек да служилого человека Третьяка Карпова убили, а двух человек ранили, а того Чюну называют холопом, а нынче государь, мы, холопи твои, твоей государевы конные службы отбыли, а служить твоей государевы конные службы не на чем, а в наказе твоем государеве написано, что нам велено проведывати новых земель, а на Емоконе жити не у чево, никаких людей нет, место пустое и голодное; а которые якуты жили и оне с того разорения пошли на Лену, на старые свои кочевья; нам, холопем твоим государевым, кормитца нечим, а остались голодны и холодны, а того Чюну те тунгусы покинули, а вперед тот Чюна под себя ясаку не сказывает — уже де меня покинули; а сказывал нам, холопем твоим, государь, якут Ува, что де есть река большая Мома, а на той де реке живут многие люди, а тот Емокон пал устьем в ту Мому; а нынчи мы, холопи твои государевы, вперед, не хотя твоей государствы

службы отбыть и слышачи про ту реку и про те многие люди, ис тово тунгусского разорения пошли на ту реку Мому и тех людей сыскивать — тебе, великому государю, послужить. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, наше бедное разоренное челобитие принять в Ленском Петру Петровичу Головину да Матвею Богдановичу Глебову да дьяку Еуфимию Филатову, чтоб наши бедность и разорение тебе, великому государю, было ведомо и про наше службишко было явно. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

(Центральный Государственный Архив Древних Актов. Якутское областное управление. Столбец № 12, лл. 99—100. Подлинник).

№ 4. После июня 1647 года. Отписка с реки Колымы якутскому воеводе П. П. Головину служилого человека Второго Гаврилова с товарищами о первом походе С. Дежнева и Ф. Алексеева на Анадырь.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольнику и воеводе Петру Петровичу Головину с новой реки ис Ковымского острожку Второй Гаврилов с товарищами челом бьет. В прошлом во 154 году летом с усть Ковымы ходили на море гуляти в коче вперед промышленные люди девять человек: Исейко Игнатьев Мезенец, Семейка Алексеев Пустоозерец с товарищи и с моря пришли к нам на Колыму реку в распросе сказали: бежали они по большому морю, по за льду, подле Каменю двое сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей, а называются чухчами, а с ними торговали небольшое место потому, что толмач у них не было, и съезжати к ним с суд на берег не смели, вывезли к ним товарцу на берег, положили и они в то место положили кости рыбья зуба немного и не всякой зуб цел; деланы у них пешни да топоры ис той кости, а сказывают, что на море тово зверя много ложитца де он на место. И в нынешнем во

155 году июня в ... день пошли на море москвитина гостиной сотни торгового человека Алексея Усова прикащик Федотко Алексеев Колмогорец с покручеиками двенадцать человек, а иные збирались промышленные люди своеужинники, а сверх их собралось пятьдесят человек, пошли на четырех кочах той кости рыбьего зуба и соболиных промыслов разведывати. И тот Федотко Алексеев с товарищи к нам в Съезжую избу словесно прошал с собою служилого человека. И бил челом государю Якуцково острогу служилой человек Семейка Дежнев ис прибыли, а челобитную подал в Съезжей избе, а в челобитной явил государю прибыли на новой реке на Анандыре 47 соболей, и мы его Семейку Дежнева отпустили для тое прибыли с торговым человеком с Федотом Алексеевым и для иных новых рек проведывати и где бы государю можно прибыль учинити, а дали им наказную память и где буде найдут неясашных людей и им аманатов имати и государев ясак с них збирати и под его царскую высокую руку подводити и пр.

(Архив Академии Наук. Портфели Миллера, № 30, л. 303. Копия).

№ 5. Июль 1648 года. Отписка с Колымы якутским воеводам Василию Никитичу Пушкину, Кириллу Осиповичу Супоневу и дьяку Петру Григорьевичу Степанину ленского служилого человека Второго Гаврилова и таможенного целовальника Третьяка Иванова Заборца с товарищами о втором походе С. Дежнева и Ф. Алексеева на Анадырь.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичу да Кирилу Осиповичу да дьяку Петру Григорьевичу ленской служилой человек Фторко Гаврилов да таможенный целовальник Тренька Иванов с товарищи челом бьют. В прошлом во 155 году Ленской служилый Семейка Иванов Дежнев бил челом государю и подал челобитную на новую реку Анандыр, и тот

Семейка на новую реку не прошел и с моря воротился и зимовал на Ковыме реке. И в нынешнем во 156 году тот же Семейка Дежнев бил челом государю, а челобитную подал мне Фторку на ту ж новую реку Анадыр ис прибыли, а прибыли государю явил с той реки с иноземцев 7 сороков 5 соболей, и я того Семейку по той челобитной на новую землю Анадыр с Ковыми реки отпустил и наказ ему Семейке вместе с Федотом Алексеевым торговым человеком дал, а на подарки дано ему государева товару иноземцам десят полицы.

(Архив Академии Наук. Портфели Миллера, № 30, л. 330 об. Копия).

№ 6. До 20 июня 1648 года. „Явочная" челобитная царю Михаилу Федоровичу ленского служилого человека Семена Иванова Дежнева о „воровстве" служилого человека Герасима Анкудинова.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, бьет челом холоп твой ленской служилый Семейка Иванов Дежнев. В нынешнем, государь, во 156 году бил челом государю, а в Ковымском острожке подал челобитную ленскому служилому человеку Фторому Гаврилову, да таможенному целовальнику Третьку Заборцу ис прибыли, а явил я тебе, государю, прибыли с новые реки с Анандыря семь сороков десять соболей; и в нынешнем же, государь, во 156 году, умысля воровски, хотя твою государеву службу постановити и прибыль, которую я, Семейка, явил, Герасимко Анкудинов и прибрал он к себе воровских людей человек с тридцать и хотят оне торговых и промышленных людей побивати, которые со мною идут на ту новую реку, и живот их грабить и иноземцы хотят побивать же, с которых я прибыль явил; а мне, холопу твоему, с теми торговыми и с промышленными людьми та твоя государева служба служить и прибыль збирати; и те торговые и промышленные люди от их воров-

ства, что оне хотят побивать и грабить, на ту новую реку итти не смеют потому, что тот Герасимко Анкудинов своими воровскими заговорщики хотят побивать и живот их грабить. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, сию мою явку принять в Ленском остроге воеводам Василию Никитичу Пушкину да Кирилу Осиповичу Супоневу, да дьяку Петру Григорьевичу Стеншину и подписати, чтобы им про то их воровство было ведомо, что оне хотят воры твою государеву службу поставить, прибыль, и мне бы, холопу твоему, от их воровства в конец не погибнуть, что они хотят побивать торговых и промышленных людей и иноземцев, с которых я прибыль явил. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

(Архив Академии Наук СССР. Портфели Миллера, № 30, л. 331. Копия).

№ 7. 8 июня 1648 года. Челобитная промышленного человека Пятко Неронова об оскорблении его Семеном Дежневым.

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии бьет челом твой государев сирота Пятко Неронов, жалоба мне, государь, на служилого человека Семена Иванова Дежнева. В нынешном, государь, во 156 году июня в 8 день бранил тот меня Семен отца и в твое гузно и в матушку меня бранил и меня сироту твоего всякою неподобною бранью неведомо за что. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй, государь, меня сироту твоего, вели, государь, на нем дать свой царский суд, чтоб мне сироте твоему от него и от его насильства в конце не погибнуть. Царь, государь, смилуйся.

(Центральный Государственный Архив Древних Актов. Якутское областное управление. Столбец № 2, лист 89. Подлинник).

№ 8. После сентября 1649 года. Отписка с Колымы Якутским воеводам Василию Никитичу Пушкину, Кириллу Осиповичу Суконову и дьяку Петру Григорьевичу Степанину ленского служилого человека Михаила Стадухина с товарищами о походе к востоку от Колымы.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводам Василию Никитичу, Кирилу Осиповичу, Петру Григорьевичу, Ленского острогу служилый человек Михалко Стадухин с товарищи челом бьет. В прошлом 157 году ходил я, Михалко, с Ковымы реки на новую Погычу реку в кочах морем, и от Ковымы реки морем бежали семеры сутки, паруса не отпущаючи, а реки не дошел, и поймал языков, живут возле моря на берегу, иноземцов коряцких людей; и в роспросе, ис пытки сказывали, что де реки мы близко не знаем потому, что возле моря лежит камень утес, конца камню не знают, а которые служилые и торговые люди Ерасимко Анкундинов, Семейка Дежнев, а с ними девяносто человек в прошлом во 156 году с Ковымы реки пошли на ту же реку на семи кочах и про них те ж языки сказывали: два коча де на море разбило, а наши де люди их побили, а достальные люди жили де край моря и про них де мы не знаем — живы они или нет. И по иноземцевым скаскам вперед по морю итти не посмели потому, чтоб служилые люди напрасною смертью не померли, и пришли на Ковыму реку в 158 году сентября в 7 день. А моржа и зуба моржового добре много и буде, государь, произволит велит послать служилых людей с хлебными запасы, и в том море моржа добре много, и прибыль государю будет большая; а про тот морж и про зуб моржовой и про морской ход все знает Юшка Селиверстов и то морское дело ему, Юшке, за обычай. И я, Михалко, того Юшка с Ковымы реки выслал в Ленской острог с государевой казною, с моржовым зубом и велел явитца в Съезжей избе с тою государевой казною, с моржовым зубом — две головы четыре зуба весом 29 фунтов, да

Спаской кости полпуда, а в полупуде четыре зуба, гопор, два обломка; а у государевы казны у кости рыбья зуба печать и ярлыки. А про то мне, Михалку, учинилось ведомо, что та река через гору близко, и я, Михалко, с Ковымы реки пошел нартами с великой нужею, да бил я челом торговому человеку Михаилу Баеву о подъеме и о ссуде, и он, Михайло, пошел с нами и поднял нас на государеву службу хлебными запасы и всяким заводом, а имали у него пуд муки по семи рублев; а которые служилые люди сошли из Якуцкого без государеву указу и без вашего воеводского отпуску — Васька Бугор с товарищи и те служилые люди били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии, а челобитную подали мне, Михалку, что служить государева служба со мною, Михалком, на новой реке и я их принял и челобитье их послал к Вам под сею отпискою.

(Архив Академии Наук СССР. Портфели Миллера. № 30, лл. 353 об. — 354. Копия).

№ 9. Февраль — март 1654 года. Челобитная царю Алексею Михайловичу приказчика Анадырского острожка Семена Иванова Дежнева о выдаче жалованья и о смене приказчика на реке Анадырь.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом холоп твой, Ленсково острогу служилый человек Семейка Дежнев. В прошлом, государь, году, как наехал в Ленский острог твой государев стольник и воевода Петр Петрович Головин, и послал меня, холопа твоего, на твою государеву службу на Емекон реку, и с Емекона перешел я, холоп твой, на Ковыму реку морем и на Ковыме реке взял я, холоп твой, аманатов и под те аманаты родники их дают тебе, государю, ясак и по се число и то место прочно и постоятельно; да яз же, холоп твой, в прошлом во 157 году с Ковымы реки посылан на твою государеву службу на новую Анандыр реку великим морем окияном и того лета на

море льдом до Анандыри реки не пропустило, и я, холоп твой, воротился назад на Колыму реку и на Колыме реке зимовал, и перезимовав опять послан на ту же новую Анандыр реку тем же великим морем окияном, и великие нужи и бедности и морские разбои принимал, и до Анандыря реки дошел и в тех подъемах и морских разбоях; многие лета на своей государевой службе без твоего государева хлебного и денежного жалованья, будучи на своей государевой службе на Анандыре реке, твоей государевой казны покупаючи — рыбный завод, сети, пущальницы по тритцать рублев, мот прядена по пяти рублев, холсту по два рубли, фунт пороху по пяти рублев, фунт свинцу по рублю; и я, холоп твой, обнищал и одолжал великим долгом.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, своим государевым царским жалованьем и переменою на Анандыр реку, чтоб я, холоп твой, в конец не погиб. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

(Архив Академии Наук СССР. Портфели Миллера, 31, лл. 119 об. — 120. Копия).

№ 10. Июль 1662 года. Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова о челобитье енисейского служилого человека Семена Дежнева.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу холоп твой Ивашка Большой Голенищев-Кутузов челом бьет. В нынешнем, великий государь, во 170 году июля 17 день бил челом тебе великому государю царю великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, а мне холопу твоему в Якуцком остроге Съезжей избе енисейского острогу служилый человек Сенька Дежнев подал челобитную о службе своей тебе, великому государю, и о заслуженном жалованье на прошлые годы, и я холоп твой тое ево челобитною и по тою челобитною выписки из окладных и имяных

книг послал к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, к Москве под сею отпискою.

И против сего челобитья выписано в окладных книгах прошлого 155 году при воеводе при Василие Пушкине с товарищи за рукою дьяка Петра Стенши-на написано:

По Енисейскому окладу денег 5 рублев, хлеба 5 четвертей с осьминою ржи, четыре четверти овса, два пуда без четверти соли.

Сенька Дежнев.

А в разборной росписи воевод Василия Пушкина с товарищи 154 году написано:

Сенька Дежнев великого государя на службе на Ковыме реке, послан во 149 году и воеводы Василей Пушкин с товарищи велели ему Сеньке быть великого государя в службе до указу великого государя, потому что тот Сенька Дежнев великого государя на службе.

Да по росписи же под памятью 148 года февраля 16 день, какова подана в Енисейском остроге окольничему Петру Петровичу Головину с товарищи от воеводы от Никифора Веревкина за рукою отца ево духовного попа Кузьмы Артемьева написано: сын боярский Парфен Ходырев принял на великой реке Лене в новом Ленском острожке енисейских служилых людей у енисейского сына боярского у Петра Бекетова 30 человек, в том числе он, Сенька Дежнев, написан же, а великого государя денежное жалованье на 147 год даю в Енисейском остроге, а хлебное и соляное жалованье ему, Сеньке, на 147 год не дано.

А по расходным якутцкому острогу книгам со 151 году ему Сеньке великого государя денежного и хлебного жалованья по нынешней 170 год не дано, потому что он, Сенька, все был великого государя на службе на Ковыме и на Анадыре реках для великого государя ясачного збору и приписку новых земцев и аманатов имал, а служил он, Сенька, в якутцком остроге сверх государева указного числа, сверх

якутцких служилых людей в енисейском прежнем своим окладе.

И в нынешнем во 170 году дано ему, Сеньке, великого государя денежное и хлебное и соляное жалованье на нынешней на 170 год и вперед на 171 годы, да вперед же дано ему ж, Сеньке, великого государя денежное жалованье по его окладу: денег — 5 рублев, а хлебное жалованье не дано, а соляное жалованье и на прошлые годы со 151 году дано в якутцком остроге.

(Центральный Государственный Архив Древних Актов. Якутское областное управление. Столбец № 174, лл. 144, 145. Отпуск).

№ 11. 1669 года. Отписка якутского воеводы Ивана Барятинского царю Алексею Михайловичу о приходе на реку Оленек ессейских тунгусов.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу холопи твои Ивашко Борятинской, Стенька Елчуков челом бьет. В прошлом во 176 году июля во 12 день писал ко мне, холопу твоему Ивашку, с Оленека ясачной зборщик атаман Сенька Дежнев: в прошлом де, государь, во 178 году пришли на Оленек к ясачному зимовью с Есея озера ясачные тунгусы мангазейского присуду Боягирского роду Баликан с товарищи по прежнего своего полоненного холопа Узона потому де, что, государь, в прошлых годах те Боягирского роду тунгусы громили ясачных тунгусов Озянского роду, ево Узонова отца с родом побили и ево, Узона, взяли полон; и во 175 году он Узон от тех боягирских тунгусов пришел на старые свои жилища в Якутцкой уезд к ясачному зимовью и ясак с себя заплатил и живет у братьи своей на Оленеке, а от служилых де, государь, людей мангазейского города бывает им, тунгусам, изгоня большая и своих нажитков бьют и налоги чинят.

И принесли де, государь, те Боягирского роду тунгусы к нему, Семену, от тех служилых людей гра-

мотку о том мужике и он де, Баликан, в допросе ему, Семену, сказал: буде де им, мангазейским тунгусом, те служилые люди ево Узона не учнут давать и велели де имать за боем, и тое, государь, грамотку он, Семен, прислал в Якутцком под отпискою, а ево де, государь, Узона тем тунгусам отдать не смел, а он, Узон, бил челом тебе, великому государю, а ему Семену на Оленеке подал челобитную, чтоб ево, Узона, не отдавать, потому что де он, Узон, боитца смертного убийства от мангазейских служилых людей. И он, Семен, тех есейских тунгусов распрашивал — для чего они у Мангазейского уезду Есея озера в Якутцкой уезд на Оленек к ясачным людям пришли и ясачных людей разоряют, и те мангазейские тунгусы ему, Семену, в распросе сказали: послали де их мангазейские служилые люди, Федка Семенов с товарищи, по Узона имать сильно и велели битца с оленскими тунгусами Озянского роду. Да тот же де тунгус ему, Семену, сказал: угрожают де им мангазейские казаки — будет де не приведите в Новый год ево Узона и им де лучим людям руки отсекут, а имают де с них соболей по 10 с человека на год; а которую государеву грамотку он, Семен, прислал ко мне, холопу твоему Ивашку, и та, государь, грамотка писана от мангазейских казаков, от Федки Семенова с товарищи на Оленек к десятнику казачью к Васке Игнатьеву сыну Дуракову с товарищи и в той, государь, грамотке написано: в прошлом во 175 году сошел к ним, к Васке, на Оленек реку ясачной тунгус Боягирского зимовья именем Узон, а у них де он, Узон, написан в книгах и ясак с него платят и иные иноземцы, а из книг де ево выписать нельзя потому что с него иман ясак и им бы де Васке Дуракову с товарищи, учинить по совету и отослать ево назад и меж зимовья смуты и в твоем, великого государя, ясаку порухи не учинить и того Узона в старое Турыжское зимовье отослать, а будет они, Васка, того тунгуса не отошлют и они, иноземцы, станут добывать и в том де, государь, у нас будет бой и меж собою потеряют твои великого государя ясак и будет в твоей великого государя казне поруха и недобор. А тот

Узон твой великого государя ясак платить на Оленке реке в Якутцком присуде и в ясачных оленских книгах в ясак написан с прошлого с 175 году, и о том, великий государь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец; что укажешь, а в Мангазею, государь, к воеводе о том мы, холопи твои, писали.

(Архив Института Истории Академии Наук. Якутские акты, Карт. 22, ст. 23, стр. 9—12. Отпуск).

№ 12. 1671 года. Отписка из Енисейска казачьего атамана Семена Иванова Дежнева якутскому воеводе Якову Петровичу Волконскому с дороги в Москву.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца воеводе князь Якову Петровичу да дьяку Степану Микитичу атаман казачьей Сенька Дежнев челом бьет. В нынешнем, государь, во 179 году посланы мы, холопы твои государевы, за ево государевою казною к Москве и дано нам, холопям государевым, с волоку судно большое, а людей к нам в провожатые с Ылимского волоку не дано, и нам, холопям государевым, то было судно дано не в силу — судом божьим ветры стали противные и мы вниз реки тянулись бечевою и дале Енисейского острогу не могли поспеть; а хлеб, государь, в Енисейском стал дорог — пуд муки купят з гривною по десяти, а паруса я изпорол в малые лоскутья на волоку для соболиные кровли и тот я парус отдал в отдачу на волоку весь сполна.

(Архив Института Истории Академии Наук СССР. Якутские акты. Карт. 24, ст. 23, стр. 9 Подана в Якутской съезжей избе десятником Данилом Михайловым 1671 г. 3 июня. Подлинник).

Ниже публикуемые документы обнаружены в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в делах Якутского областного управления после того, как книга была сдана в печать. Эти документы дополняют и уточняют некоторые стороны жизни и деятельности С. И Дежнева. В частности новые документы сообщают несколько любопытных подробностей о службе Дежнева на Анадыре с 1655 по 1658 год, а также указывают на службу Дежнева в Средневилюйском зимовье в 1669 году.

По техническим причинам автор смог внести необходимые уточнения только в перечень дат жизни и деятельности С. И. Дежнева, текст книги оставлен без изменения.

I

Дело о вывозе соболиной и костяной казны с Анадыря в Якутск и взаимных обвинениях служилых людей Семена Дежнева и Артемия Осипова (июнь 1659 года)

№ 1. 8 декабря 1657 года. Отписка служилого человека Семена Иванова Дежнева с Анадыря якутскому воеводе Михаилу Семеновичу Ладыженскому с товарищами о посылке в Якутск соболиной и костяной казны с казаком Никитой Семеновым.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу да дьяку Федору Онтоновичу Лопского острогу служилой человек Семейка Дежнев челом бьет.

В нынешнем во 166 году декабря в 8 день с новой Онандыря реки пошла государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси казна ясачная соболиная и кость моржевой зуб, а за тою государевой казною послан товарищь мой служилый человек Микитка Семенов да охочей служилой промышленой человек Ортюшка Осипов, а пошло государевой казны ясачных соболей сорок шесть десят пластин собольих да кости моржевого зубу на 164 год: две кости дватцать семь фунтов с полуфунтом, да шесть костей в пуд весом без полуфунта, да семь костей в пуд весом, да кость семь фунтов весом; да 165 год: четыре кости весом пуд пять фунтов, да пуд костей пуд весом; да на 166 год: две кости весом дватцать пять фунтов, да пять костей в пуд весом, да кость семь фунтов, а ту кость положили служилые и промышленые в государеву казну, заморной кости да пошлиных судных и кабальных дел семь костей весом сорок пять фунтов, да четырнатцать пупков собольих, да убитого служилого человека Ивана Пуляева три пуда кости моржевова зубу по семи костей в пуд, да кость семь фунтов весом, да кость пять фунтов, да четыре соболя с хвостами, у трех пупки.

Оманатов на Онандыре реке ходынского мужика Чехчея сын ево да чуванский мужик Елбуга, а посажены в его место два брата; да ходынский мужик именем Обляну, да ходынский же мужик именем Метюк, да ходынский же мужик Легонда и тот убит на Каменю, а сын ево сидел в казенке и он умер; да оманата Подолзу убили же на Каменю; и вновь поймали тех оманатов четырех человек, которые написаны выше в сей отписке.

Да убитого служилого человека Ивана Пуляева остаток в казне от товарища моево Никитку — три фунта пороху да четыре сетьишка ветчаное да кабала на Онисима Костромина в семи рублех, а та кабала взята в Пуляевых остатков, а изустного убитого служилого человека, что ево живота, то все послано в Ленской острог. И писмяные крепости по досмотру пошли с ним Микитою — все же пошли; а что оста-

лось от него Микитки Ивана Пуляева в государевой казне у меня, Семейка, и всей отписке выше написано; да что есть статков убитого промышленого человека Елфимка Меркурьева, приказчиков Офонасия Федотова, Офонки Андреева да Безсонко Остафьева и те статки на Онандыре реке в государевой казне и об них как государь укажет.

Да в прошлом 165 году который аманат Легонда убит а сын ево сидел в казенке, именем звали Ивашка, и он умер; и на 166 год ясаку с него нет — родники не бывали к ясачному зимовью.

Да в прошлом во 159 году на Онандыре реке Офонасья записи приказщик подал явку Ленсково острога на служилого человека на Михаила Стадухина торговому человеку Онисимко Костромину за посланые письма убитого служилого человека Семена Моторы за моею Семейкиною печатью.

Да послана кость моржевого зубу пять костей весом тритцать восемь фунтов, а та кость взята по пуляевой кабале на промышленном человеке на Платке; да дана палма государева иноземцам от государевы кости от провозу — длиною девять вершков; а что было пуляева железа топоров и котлов и всяково железа и то все изошло иноземцам на жалованье.

(На обороте написано: 167 года июня во 16 день подал отписку служилый человек Никита Семенов.)

№ 2. Декабрь 1657 года. Челобитная анадырского приказчика Семена Иванова Дежнева царю Алексею Михайловичу о своей службе на Анадыре с жалобой на служилого человека Никиту Кондратьева.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом холоп твой Ленсково острогу служилой человек Семейка Дежнев. Служу я, холоп твой, на Онандыре реке многие лета без твоего государева жалованья,

и одолжал великим долгом, помираю голодною смертью.

Да в прошлом, государь, во 165 году с Ковымы реки Юрье Селиверстов прислал на Онандырь реку служилого человека Никиту Кондратьева в преем к Ортюшки Осипову, а пишут в грамотках и скажут промышленые люди, что де тот Никита с Яны реки с твоей государевой службы сошел без указу; и он Ортюга ныне пошел в Ленский острог от оманатов и от казны, а его Микиту оставливает свое место и мне, Семейке, с ним Никитою, у государева дела быть не сметь; да он же Микита в Ясачной избе при иноземцах бил и увечил меня, холопа твоего. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, дать перемену мне, холопу твоему. Царь государь, смилуйся пожалуй.

А ведомо, государь, про то, как он меня Семейка, он, Микита, бил, служилому человеку Миките Семенову да торговому человеку Ивану Синицину и иным многим людям.

№ 3. Декабрь 1657 года. «Изветная» челобитная промышленного человека Федора Гаврилова на служилого человека Артемия Осипова.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом и являет сирота твой Федька Гаврилов на Ортюгу Осипова. В нынешнем в 166 году пошел он, Ортюга, с Онандыря в ЛенскоЙ острог от твоей государевой казны и от аманатов, а меня, сироту твоего, поневоле оставил в свое место с небольшими людьми, а ныне промышленые людишка отошли прочь от него Ортюги. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня, сирогу своего, вели, государь, сию мою челобитную записать. Царь государь, смилуйся пожалуй.

№ 4. 16 июня 1659 года. Записи Якутской съезжей избы по делу о челобитье Семена Дежнева.

В 167 году июня в 16 день писал Якутский острог стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу Лодыжинскому с новой Анадыри реки служилой человек Сенька Дежнев и прислал под отпискою записку, а в записке пишет:

166 году декабря в 10 день промышленный человек Федька Гаврилов в Ясачной избе извещал на Ортюгу Осипова в том, что де тот Ортюга от казны и от оманатов государевых отходит, а меня де Федьку оставливает сильно и будет учинитца над государевой казною и над оманатам, и мне бы, Семейке, меж ими в конец не погибнуть. И учал он, Семейка, ему, Ортюге, говорить, что ты негораздо делаешь, казну и оманатов покинул и на него Федьку сильно наметываешь казну государеву и оманатов. И он, Ортюга, говорил мне: де то все в деньгу, а сам пошел из избы. Те речи слышал Микита Семенов.

Да в прошлом во 165 году декабря в 24 день приходили иноземцы, звали в поход на воров, которые убили руских людей и оманатов высажали. И он, Ортюга, сам в поход не пошел и своего приказу охочих служилых людей не пустил, а мне, Семейке, одному итти без людей не-мочно. Да он же Ортюга взял собе многих убитых промышленных людей животы, а в казну государю не записал. А у Микиты божьи кости числом шесть костей весом пуд, а у него же у Микиты пошло убитого служилого человека Семена Моторы животы и статки все; да у Ивана Синицины пуд кости весом шесть костей, да у Стеньки Каканы две кости тринацать фунтов, да у Завьялка Иванова четыре кости весом полпуда, да у Ортюги Осипова пуд кости числом шесть костей, да у Кузьки Иванова три кости весом; а на Онандыре бумаги писчей нет, писать нечем.

И в Приказной избе перед стольником и воеводою перед Михаилом Семеновичем Лодыжинским

охочий служилый человек Ортюшка Осипов в роспросе сказал, что де он, Ортюшка, казну и оманатов оставил Федьке Гаврилову с росписко́ю и та де росписка у него Ортюшке; а в поход де его Ортюшку Сенька Дежнев звал и он де, Ортюшка, с полчаны своими с ним Сенькою в поход итти хотел и после де того он, Сенька, сам в поход не пошел, и ему Ортюшке своими полчаны итти было невозможно; а убитых де промышленых людей животов он, Ортюшка, не имывал-то де на него Ортюшку написал Сенька Дежнев ложно по недружбе своей и ведают де про то служилой человек Микитка Семенов да торговый человек Онисимко Костромин да промышленые люди: Кузька Иванов, Онтонка Ондреев, Васька Бугор, Сенька Петров; да он же Ортюшка подал отпись, а в ней пишет:

Се аз Ленсково острогу служилой человек Миткита Кондратьев да аз охочий служилый человек Федор Гаврилов, дали есмя сию отпись Ортемию Осипову в том, что осталось от него у нас государевы две палмы якутцкие — одна без пяты, обе длиною по три четверти; да парусины в лоскутье гнилое, в парус не годитца, да три носка железные, две спицы железные, да в казенке оманатов шесть человек, а имена их в книгах писаны, в том я, Микита и Федор, ему, Ортемью, и отпись дал; отпись писал Ивашка Федоров Казанец лета 7166 году декабря 10 день.

А служилой человек Микита Семенов да торговой человек Онисимко Костромин да промышленные люди: Кузька Иванов, Онтонка Ондреев, Васька Бугор, Сенька Петров в роспросе сказали по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца крестному целованию: в поход де его Ортюшку Сенька Дежнев звал, и он де Ортюшка с полчаны своими с ним Сенькою в поход итти хотел и после того сам Сенька в поход не пошел и ему Ортюшки с своими полчаны итти было невозможно, а убитых де промышленых людей животов Ортюшка ни у кого не имовал и про то де они ведают подлинно.

№ 5. Декабрь 1657 год. Отписка с Анадыря охочего промышленного человека Кирилла Никитина якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому о «топлой кости».

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стюльнику и воеводе Михаилу Семеновичу да дьяку Федору Онтоновичу охочей служилой промышленой человек Кирилко Никитин челом бьет. В прошлом во 164 году по государеву указу и по наказной памяти охочего служилого человека Юрья Селиверстова велено мне, Кирилке, на Онандыре реке искать государева топлая кость, которая потопла весною и рознесло большою водою у Юрья; и я, Кирилка, с охочим служилым промышленым человеком с Ортюгою Осиповым во 164 году да во 165 году нашли и собрали пять костей в пуд, да два пуда по семи костей в пуд; да восемь костей пуд четыре фунта, а та кость послана в Ленской острог в государеву казну с Ортюгою Осиповым и отпись у него, Ортюги, в той кости взята; а больше того кость сыскать не могли.

(На обороте написано: 167 году июня в 19 день подал отписку служилой человек Ортюшка Осипов.)

№ 6. Декабрь 1657 года. Отписка с Анадыря служилого человека Никиты Кондратьева о приеме им полка и зимовья Юрья Селиверстова у служилого человека Артемия Осипова.

Царя государя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу да дьяку Федору Онтоновичу Ленского острогу служилой человек Микитка Кондратьев челом бьет. По государеву указу с Колымы реки охочей служилой человек Юрий Селиверстов послал меня Никитку на Онондыр реку в прием охочему служилому человеку к Ортюге Осипову, которого он,

Юрей, оставил на Онандыре реке приказным. И он, Ортюга, по государеву указу и по наказной памяти того Юрья меня Микитку принял и я, Микитка, ходил во 165 году с товарищи для кости моржевого зубу. А он, Ортюга, оставался у государевой казны и у оманатов, а на Онандыре реке у Ортюги Осипова да у Завъялка Иванова с их кости государева десятая не взята для того, чтобы от провозу иноземцам дать нечего: — железа государева нет; а со служилых людей пошло за государевою казною немного, а выслать служил людей неково, послать за государевой казною: Ортюга Осипов, опричь его Ортюги послать некого. А служилый человек Семейка Дежнев от казны и от оманатов отказывает мне, Микитке; а которую кость служилый человек Семейка Дежнев послал в Ленской острог в государеву казну на 166 год и ту кость, я, Микитка, промышлял с ним, Семейкою, и с промышленными людьми. И бил меня, холопа государева, он, Семейка, в Ясачной избе по щекам и коробью ногами своими топтал с ясачными книгами. Да послана челобитная под сею отпискою о Кузьке Иванове; да в 166 году декабря в 9 день Тренька Сысоев, Федька Гаврилов, Ивашка Минин, Ивашка Савин, Савка Иванов отказали мне, Микитке, и не слушают меня, и том что государь укажет. Да бил челом государю промышленой человек Ивашко Казанец, а челобитную подал Семейке Дежневу и он, Семейка, наровя ему Ивашку; а та челобитная . . . Максимова о покраже; и он, Ивашка, бил челом государю, а ту челобитную подал мне, Никитке, и я, Микитка, послал с отпискою. Да оставил Ортюга Осипов в свое место Федьку Гаврилова, да отдана . . . от провозу под государеву кость.

(Центральный Государственный Архив Древних Актов. Якутское областное управление, столбец 271, листы 51—54, 56—57, 64—72. Подлинное.)

25 июля 1669 года. Челобитная казачьего атамана Семена Иванова Дежнева царю Алексею Михайловичу о жалованье.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой атаманишко казачий Сенька Дежнев. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуя меня холопа своего, своим, великий государь, денежным жалованьем на нынешний на 177 год, вперед на 178 год. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Выписка Якутской съезжей избы по челобитью

И против сего челобитья выписано: по расходной денежной книге нынешнего 177 году великого государя денежного жалованья оклад: денег 9 рублев, не дано на нынешний на 177 год атаману казачьему Семену Дежневу.

А ныне он, Семен, наряжен великого государя на службу на Вилюй в среднее зимовье.

И великому государю атаман казачей Семен Дежнев бьет челом, чтоб великий государь пожаловал ево своим государевым денежным жалованьем на нынешний на 177 год и для вилюйской службы вперед на 178 год, на два годы.

Решение: 177 год июля в 23 день выдать. Правил Мишка Ушинский.

(Центральный Государственный Архив Древних Актов. Якутское областное управление. Столбец 455, листы 360 — 361.)

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЕНА ИВАНОВИЧА ДЕЖНЕВА

Первое десятилетие XVII века — время рождения С. И. Дежнева.

1629 год (?) — поступление на казачью службу.

1629—30 год — служба в Тобольске и Енисейске.

1638 год — приход на Лену в составе отряда сына боярского Петра Бекетова.

1640 год, весна — челобитная царю Михаилу Федоровичу, совместно с группой енисейских казаков о выплате заслуженного жалованья за 1639 год.

1640 год, 1 марта — допрос в Якутской съезжей избе по делу сына боярского Парфена Ходырева.

1640 год, 23 августа — 13 сентября — поездка на Амгу и Тату к батуруским якутам.

1640 год, ноябрь — декабрь — поездка в Средневилюйское ясачное зимовье — поход в Оргутскую волость на якутского князца Сахея Отнакова.

Декабрь 1640 года — июль 1641 года — поход на Яну, в Верхоянск, вместе с Дмитрием Зыряном для сбора ясака с янских якутов. Возвращение в Якутск.

Август 1641 года — май 1642 года — поход на реку Оймекон в отряде Михаила Стадухина.

1642 год, июнь — август — плавание вниз по Индигирке реке и с устья Индигирки на Алазею в отряде Стадухина.

1643 год, лето — морской поход с Алазеи на Колыму в объединенном отряде Стадухина и Зыряна.

Лето 1643 года — июнь 1647 года — служба в Нижне-Колымске.

1647 год, июнь — сентябрь — первый поход совместно с Алексеевым на Анадырь. Возвращение в Нижне-Колымск по причине больших льдов.

Сентябрь 1647 года — 20 июня 1648 года — служба в Нижне-Колымске.

20 июня 1648 года — 1 октября 1648 года — исторический морской поход «Великим морем-океаном» с Колымы на Анадырь.

Ноябрь 1648 года — лето 1660 года — приказчик Анадырского острожка.

1660 год, осень — переход с Анадыря на Колыму через Анюйский хребет с «костяной казной».

1661 год, лето — совместное плавание с сыном боярским Иваном Ерастовым с Колымы на Лену.

Зима 1661/62 года — зимовка в Жиганске.

1662 год, начало июля — плавание от Жиганска в Якутск.

Август (?) 1662 года — 3 января 1665 года — первая поездка в Москву.

1665 год, 28 февраля —получил чин казачьего атамана.

Март 1665 года — 1 августа 1666 года — возвращение из Москвы в Якутск.

Лето 1667 года — осень 1668 года — служба на Оленьке.

1669 год, лето и осень — служба в Средневилюйском зимовье.

1670 год, весна и часть лета — служба в Верхоянске.

Лето 1670 года — 1671 год — вторая поездка в Москву.

1673 год — умер в Москве.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакан, крещеное имя жены Семена Дежнева, 43
Абакаяда Сючю, якутка, жена Семена Дежнева, 42, 132
Аверкиев Истома, ленский промышленный человек, 100
Акинфов Иван, якутский воевода, 79
Алексеев Семен Пустоозерец, промышленный человек, 67, 69, 134
Алексеев Третьяк, служилой человек, 60
Алексеев Федот Холмогорец, торговый человек, приказчик гостя Алексея Усова, спутник Дежнева, 69—71, 74, 75, 78, 80, 90, 102, 134, 135, 136, 155
Алексеевы, семья якутских мореходов, 60
Алексей Михайлович, русский царь (1645—1676 гг.), 33, 71, 79, 86, 87, 91, 102, 105, 106, 109, 111, 112, 138—142, 144—148, 150, 151, 153
Аллай, юкагирский князец, 52
Ангара, ходынский князец, 84
Андреев Антон, промышленный человек, 150
Андреев Афанасий, приказчик гостя Василия Гусельникова, 74, 147
Андреев Иван, якутский казак, 91
Аничков Сила, илимский воевода, 119
Анкудинов Герасим, беглый казак, 64, 65, 75, 76, 77, 78, 80, 102, 103, 135—138
Артемьев Кузьма, енисейский священник, 141
Артемьев Сергей, якутский казак, 49, 64, 133
Астафьев Бажен (Безсонко), приказчик гостя Василия Гусельникова, спутник Дежнева, 74, 147
Атласов Владимир, якутский казачий пятидесятник, 97

Баев Александр, царский гость, 62, 85
Баев Михаил, приказчик Александра Баева, 85, 139
Базека, якутский тойон, 37
Баликан, ессейский тунгус, 116, 117, 142, 143
Баранов Иван Аврамов, беглый якутский казак, выдающийся землепроходец, 65, 71, 83, 95, 96
Барятинский Иван Петрович, якутский воевода, 112, 117, 142
Бекетов Петр, енисейский казачий и стрелецкий сотник, 17, 18, 33, 107, 141, 154

Берг Лев Семенович, академик, 77, 78
Беринг Витус, начальник Камчатской экспедиции, вторым после Дежнева совершивший плавание проливом между Азией и Америкой, 6, 90, 120
Борисов Степан, якутский казак, 72
Босов, московский купец, 62
Бугор Василий старший, беглый якутский казак, известный мореход, 72, 83, 96, 102, 103—105, 139, 150
Буза Елисей Юрьев, енисейский казачий десятник, известный мореход, 22, 23, 38, 46, 51, 53, 56, 114
Булдаков Тимофей Михайлов, якутский казак, выдающийся мореход, 59
Булдаковы, семья якутских мореходов, 60
Бурлак Василий, казачий пятидесятник, выдающийся мореход, 59, 60
Бырчик Чуков, якут, 36, 131, 132

Васильев Дмитрий, якутский казак, 102
Васильев Супонька, мангазейский казак, 16
Веревкин Никифор, енисейский воевода, 141
Вижелцев, ленский промышленник, 23
Вилюй Степан, якутский беглый казак, 104
Витсен Николай, амстердамский бургомистр, известный географ Сибири, 55, 56, 67, 88
Владимерец Лука, торговый человек, 100
Власьев Василий, сын боярский, приказчик Нижне-Колымска, 64, 72, 73, 82, 84
Водянников Сидор, мангазейский промышленный человек, 17
Волконский Яков Петрович, якутский воевода, 144
Волынкин Епифан Иванов, торговый человек, 23, 17,

Гаврилов Второй, казак, приказчик Нижнеколымска, мореход, 28, 40, 49, 64, 65, 69, 70, 74, 75, 76, 82, 107, 133, 134, 135, 136
Гаврилов Федор, промышленный человек, 148—150, 152
Галкин Иван, енисейский казачий атаман, 18—22, 35, 41
Галкин Осип, енисейский казачий атаман, 36, 37, 38, 131, 132
Глебов Матвей Богданович, товарищ якутского воеводы Головина, 25, 38, 134
Годунов Петр, тобольский воевода, 86, 87
Голдер, американский ученый, 77
Голенищев-Кутузов Иван Большой, якутский воевода, 107, 140
Головин Петр Петрович, якутский воевода, 25, 26, 38, 39, 41, 43, 45, 46, 52, 63, 65, 70, 72, 82, 114, 134, 139, 141
Голый Алексей Семенов, енисейский казак, 22
Горелый Андрей, якутский казак, выдающийся мореход, 43, 50, 51, 66
Грыцкой Иван, якутский казак, 91
Губарь Лев Тимофеев, якутский казак, 131
Гусельников Василий, московский купец, 41, 42, 74, 85

Дежнев Любим Семенов, якутский казак, 42
Декиев Тречка, якут, 36, 131, 132

Де-Фонте, голландский адмирал, 89
Дубов Андрей, приказчик гостя Панкратова, 65
Дунай Константин Стефанов, казачий пятидесятник, выдающийся мореход, 36, 118
Дураков Василий Игнатьев, оленекский приказчик, 143
Едомский Алексей Васильев, колымский купец, мореход, 99
Елбуга, чукча, аманат Дежнева, 146
Елчуков Степан, товарищ якутского воеводы Барятинского, 142
Емельянов Сидор, промышленный человек, спутник Дежнева, 81
Емельянов Федот Ветошка, беглый якутский казак, 102 103, 104
Ерастов Иван Родионов, тобольский казак, затем сын боярский, выдающийся полярный мореход, 66, 67, 71, 106, 155
Ерастовы, якутская казачья семья мореходов, 60
Ермак Тимофеевич, донской казак, завоеватель Сибирского царства Кучума, 10, 11, 25
Ермолин Алексей, якутский казак, мореход, 65
Заборец Третьяк, торговый человек, целовальник Колымы, 82, 135, 136
Задорин Семен, царский гость, 62
Захарьев Михаил Мартемьянов, анадырский промышленник, 84, 106
Зорин Иван, мангазейский промышленник, 17
Зырян Иван, промышленный человек, спутник Дежнева, 81
Зырян (Ярило) Дмитрий Михайлов, енисейский казак, открывший реки Алазею и Колыму, 39, 40, 45, 47—53, 63, 64, 110, 117, 154

Иван IV Васильевич Грозный, русский царь (1547—1584), 10, 12, 15
Иванов Иван, племянник Дежнева, 33, 34, 112
Иванов Андрей, якутский казак, 133
Иванов Завьялка, 149, 152
Иванов Кузьма, промышленный человек, 149, 150, 152
Иванов Курбат, сын боярский, мореход, 71, 105
Иванов Посник, прозвище Губарь, выдающийся землепроходец, 21, 23, 24, 38—40, 45, 47, 53
Иванов Савелий, промышленный человек, 152
Иванов Семен, приказчик гостя Шорина, 100
Иванов Шаламко, беглый якутский казак, 72
Игнатьев Есей Мезенец, промышленник, выдающийся мореход, 67—69, 134
Казанец Иван Федоров, ленский казак, 21, 28, 77, 83, 84, 150, 152
Каканов Степан, промышленный человек, убитый на Анадыре, 149
Камкин Матвей, торговый человек, 84
Кантаганга Агеев, якут, 36, 131
Карпов Третьяк, енисейский казак, 43, 133

Катаевы, семья якутских мореходов, 60
Катаев Второй, сын боярский, мореход, 119
Кинита, юкагирский князец, 52
Киселев Ярко, беглый якутский казак, 83
Коковка Иван, мангазейский казак, 16
Кокоулин Бажен, мангазейский казак, 17
Кокоулин Павел (Заварза), беглый якутский казак, 72, 84, 96, 104
Колумб Христофор, испанский мореплаватель конца XV в. открывший Америку, 5, 60
Колобов Нехорошко, томский казак, спутник Москвитина, 50
Кондратьев Никита, ленский казак, 147, 148, 150—152
Коновалов Михаил Савин, якутский казак, 49, 64, 133
Копылов Дмитрий, сын боярский, 24
Кортес, испанский конквистадор XVI в., 88
Корытов Степан, мангазейский казак, 18, 19, 21
Костромин Анисим, торговый человек, 84, 97, 102—104, 146, 147
Коткин Кирилл, целовальник, 82, 83
Коткины, якутская казачья семья мореходов, 60
Коткин Матвей, торговый человек, 83
Котошихин Григорий, дьяк Посольского приказа, 14
Крашенинников С. П., исследователь Камчатки, 32, 80, 90
Крижанич Юрий, ученый хорват, 87, 88
Кузьмин Иван, енисейский сын боярский, 20
Кузьмин Поспелка, якутский казак, 64
Кук Джемс, английский мореплаватель XVIII в., 120
Куркин Кондратий, мореход, открывший реку Пясьну, 13
Курочкин, якутский промышленный человек, 100
Кучум, сибирский хан, 10, 11

Ладыженский Михаил Семенович, якутский воевода, 98, 102, 104, 116, 145, 149, 151
Лама Ларион, якутский казак, 109
Ларчеча, ламутский князец, 95
Легонда, чукча, аманат Дежнева, 146, 147
Леонтьев Вавилко, якутский казак, 133
Леонтьев Павел, якутский казак, 64
Летиев Григорий, якутский переводчик, 36, 40
Лихачев Федор Федорович, думный дьяк, 62
Логуй, якутский тойон, 37
Львов Григорий, якутский дворянин, 90

Магеллан Фернандо, испанский мореплаватель первой половины XVI в., впервые обогнувший Американский материк с юга, 5
Манякуй, якут, 43, 132
Мелентьев Селиван, кочевой уставщик, 58
Меркурьев Елфимка, промышленный человек, 147
Метленк Иван Тимофеев, енисейский казак, 38
Метюк, чукча, аманат Дежнева, 146

Миллер Г. Ф., академик, историк Сибири, 6, 89, 135—137, 139, 140
Минин Иван, промышленный человек, 152
Михаил Федорович Романов, русский царь (1613—1645), 15, 25, 35, 42, 75, 131—137, 154
Михайлов Амос, стрелецкий сотник, 105
Михайлов Данил, якутский казак, десятник, 144
Москвитин Иван Юрьев, томский казак, первым достиг берегов Тихого океана, 24, 25, 27, 43, 50
Мотора Семен Иванов, якутский казак, 64, 84, 85, 93, 94, 96, 101, 147, 149

Немнячка, якут, 36, 131, 132
Немчин Роман, якутский казак, 40, 49, 133
Неронов Пятка, ленский промышленный человек, 76, 137
Нечокий, колымский князец, 24
Никитин Аничка, казак, спутник Посника Иванова, 23, 38
Никитин Кирилл, промышленный человек, 151
Никитин Устин, енисейский казак, 22
Новоселов Петр, таможенный целовальник реки Колымы, выдающийся мореход, 52, 63, 64
Ноочичан, колымский князец, 48
Обляну, чукча, аманат Дежнева, 146
Оглоблин Н. Н., историк Сибири, 6
Огородников, этнограф Сибири, 52
Олень Алексей, ленский казак, 28
Осипов Артемий, промышленный человек, 145—146, 148—152
Откурай, якутский тойон, 37

Павлов Евсей, беглый якутский казак, 102
Панкратьев Григорий, приказчик гостиной сотни, 65
Панкратьев Данила, царский гость, 62
Пермяков Андрей, приемный сын Ивана Реброва, известного открывателя реки Яны и Индигирки, 118
Пермяков Яков, полярный мореход начала XVIII в., 118
Пермяковы, якутская казачья семья мореходов, 60
Петр I, русский император (1682—1725), 88
Петриловский, казачий атаман, 119
Перфирьев Илья, енисейский казачий пятидесятник, вместе с Ребровым открывший реку Яну, 21, 22, 53
Петров Семен, промышленный человек, 150
Плехан Прокофий Козлов, енисейский казак, 38
Подолза, чукча, аманат Дежнева, 146
Пороча, колымский князец, 49, 66
Поярков Василий Данилович, письменный голова, 27, 38, 39, 41
Проклов Кирилл, якутский казак, 84
Прокофьев Борис, якутский казак, 49, 133
Пуляев Иван, казачий десятник, беглый казак, 72, 83, 146, 147
Пушкин Василий Никитич, якутский воевода, 31, 32, 52, 61, 71—73, 75, 85, 135, 137, 138, 141

Ребров Иван Иванов, тобольский казак, мореход, открывший реки Яну и Индигирку, впоследствии сын боярский, 21, 45, 51, 53, 70, 114, 118
Ребровы, якутская семья казаков мореходов, 60
Ревякин, царский гость, 62
Реткин Иван, пятидесятник, руководитель беглых якутских казаков, 72, 82
Рожа Елисей, енисейский казак, 40
Романов, боярин, 62

Савин Иван, промышленный человек, 152
Сахей Отнаков, якутский тойон, 37, 38, 154
Селиверстов Юрий, енисейский посадский человек, затем «охочий» служилый человек якутского острога, выдающийся полярный мореход, 28, 35, 81, 99–106, 107, 138, 148, 151, 152
Семенов Григорий, тобольский пятидесятник, 16, 17
Семенов Михаил, якутский казак, 64
Семенов Никита, беглый казак, 96, 97, 101—106, 145—150
Семенов Федор, мангазейский казак, 143
Семенов Фома (Перняк), спутник Дежнева, 81
Семенов Яков, мангазейский казак, совершивший первое плавание из устья Хатанги к устью реки Анабары, 113
Сергеев Иван, гуляющий человек, участник похода Реброва на Яну и Индигирку, якутский казак, 21, 45
Серебрянник Остафий, енисейский казак, 18
Синицин Иван, торговый человек, 147, 149
Симеон, якутский священник, 41
Скоблевский Василий, подъячий, 41
Словцов П. А., историк Сибири, 77, 86.
Солдат Артемий Федоров, беглый казак, товарищ Дежнева, 72, 84, 96, 102, 103, 105, 106
Сорокоумов Богдан Артемьев, якутский казак, 131
Стадухин Герасим Васильевич, якутский промышленный человек, брат Михаила Стадухина, 42
Стадухин Михаил Васильев, енисейский казак, затем казачий атаман, выдающийся мореход и землепроходец, 21, 28, 35, 48—53, 55, 63, 65, 67, 73, 77, 82—89, 93, 94, 96, 99, 101, 105, 106, 110, 118, 119, 133, 138, 139, 147, 154
Стадухин Нефед Михайлов, якутский казак, сын Михаила Стадухина, 118
Стадухин Тарас Васильев, промышленный человек, брат Михаила Стадухина, выдающийся мореход, 42, 89
Стадухин Яков Михайлов, промышленный человек, сын Михаила Стадухина, 42
Стахеевы, семья якутских мореходов, 60
Стешин Петр Григорьевич, дьяк, 75, 135, 137, 138, 141
Степанов Емельян, торговый человек, племянник Федота Алексеева, 70
Страленберг Филипп, швед, 90
Стрешнев Родион Матвеевич, начальник Сибирского приказа, 111
Строгановы, купцы, 10

Суздальцев Кузьма, оленекский приказный, 116
Супонев Кирилла Осипович, товарищ якутского воеводы Пушкина, 75, 135, 137, 138
Сысоев Терентий, промышленный человек, 152
Сычев Василий, мангазейский казачий десятник, выдающийся мореход, 113

Тангылыт, ламутский князец, 95
Татаринов Григорий, казачий пятидесятник, мореход, 119
Тверяков, промышленный человек, 23
Тверяков Макар, якутский казак, 64
Телицын Максим, прозвищем Сучка, мангазейский казак, 45
Тимофеев, промышленный человек, 100
Толстоухов Иван, верхотурский воевода, 109
Торобукин Василий, начальник намечавшейся в 1598 году экспедиции в Мангазею, 12

Ува, якут, проводник казаков отряда Стадухина, 44, 45, 132
Узон, оленекский тунгус, 116, 117, 142—144
Улымак, якутский тойон, 19, 20
Усов Алексей, московский купец, 69, 135
Уолл Франсиск, испанский мореход XVI века, 88
Ушинский Михаил, якутский дьяк, 153

Федор Иоаннович, русский царь (1586—1598), 12
Федоров Второй, торговый человек, 83
Федоров Федор, якутский казак, 49, 133
Федотов Афанасий, торговый человек, 147
Федотов Василий, московский купец, 42, 62, 68
Филатов Еуфимий, якутский дьяк, 25, 39, 134
Филиппов Данила, якутский казак, мореход, 98, 99
Флетчер, посланник Елизаветы английской, побывавший в Москве в конце XVI века, 10
Фофанов Григорий, якутский казак, мореход, 40, 49, 64, 133
Францбеков Дмитрий Андреевич, якутский воевода, 99, 101, 104

Хабаров Ерофей Павлов, торговый человек, сын боярский, 19, 27, 28
Харитонов Селиван, якутский казак, 64
Ходырев Парфен, сын боярский, 22, 35, 37, 41, 107, 141, 154
Хомяк Третьяк, енисейский казак, 36, 40
Черма, сын колымского князца, 64
Чехчей, анадырский чукотский князец, 146
Чистяков Дружина, енисейский, затем якутский казак, 18
Чонога, ламутский князец, 95
Чюгай, колымский князец, 24
Чюкичев Федор, выдающийся мореход, 47, 49, 50, 51, 66
Чюна, охотский князец, 43, 44, 133
Чюрка Федор, енисейский казачий пятидесятник, мореход, 23, 53
Чюфарист Семен, ленский казак, 19, 22

Шаман, колымский князец, 48
Шаньга, торговый человек, 100
Шелковник Иван, торговый человек, 114
Шелковник Семен, казак, 44
Шестаков Андрей, якутский казак, 10, 49, 133
Шестаков Афанасий, 90
Шепунов Осип, мореход, 13
Широков Прокопий, торговый человек, 100
Шишка Владимир, мангазейский промышленник, 17
Шубин Семен, торговый человек, 98

Щербак Яков, снисейский казак, 18
Щончокий, колымский юкагирский князец, 24

Ярышкин Петр, сын боярский, 118

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аклон, река, 94
Алазея, река, 47—52, 60, 66, 106, 110, 116; 118; 154
Алазейское зимовье, 118
Алдан, правый приток Лены, 18, 19, 21, 27, 36, 40, 56
Алга, левый приток Алдана, 18, 19, 36, 40, 131, 154
Амстердам, голландский порт, 88
Амур, река, 25, 27
Амурское море, 87
Анабара, река, 99, 113, 114, 116
Анадырский нос, 90
Анадырский острожек, 79, 91, 93, 96, 101, 103, 105, 155
Анадырь, река, 65—67, 69—71, 74—82, 84, 85, 87, 90—96, 97, 101—107, 110, 134—139, 140, 141, 145—149, 151, 152, 155
Аниан, предполагаемый учеными пролив, отделяющий Азию от Америки, 5, 88, 89
Анюй, река, правый приток Колымы, 52, 64, 82, 84, 85
Анюйский хребет, 82, 85, 97, 101, 104, 105, 155
Архангельск, порт на Белом море, 34, 79, 92

Белое море, 10, 34
Белоруссия, 69
Березов, город, 15
Березовский уезд, 15
Берингово море, 21
Блудная, река, 87
Борогинская волость (Якутского уезда), 43
Быстрая, река, 95

Верхнеколымск, 62
Верхотурье, город, 11, 12, 31, 57, 109, 119
Верхоянское зимовье, 112, 117, 154, 155

Вилюй, левый приток Лены, 17, 18, 21, 27
Вилюйский хребет, 17
Вилькицкого пролив, 13
Витим, правый приток Лены, 56
Вологда, 10, 34
Вымь, река, 12

Гижига (Чендон), река, впадающая в Охотское море, 49, 50, 51, 87, 95, 96, 99, 105
Гонома, река, 27
Грумант (Шпицберген), 57
Гыданский хребет, 95

Даурия (Приамурье), 88
Двина Северная, 10, 34, 68
Джугджурский хребет, 24, 27
Диомида острова Берингова моря в 40 км от Американского материка, 78

Енисей, река Западной Сибири, 9, 13, 15, 16
Енисейский острог, 15, 17, 22, 25, 33—35, 41, 109, 111, 119; 141, 144, 154
Ессей, озеро, 113, 114, 142, 143

Жиганск, зимовье в низовье Лены, 21, 22, 45, 98, 99, 104, 106, 155

Зашиверское (Верхнее Индигирское) зимовье, 91
Зея, река, 27

Илимск, главный город воеводства, 119, 144
Индигирка, река, 21—24 38—40, 45—48, 50, 51, 55, 60, 61, 65, 66, 72, 73, 90, 105, 106, 110, 116, 118, 154
Индигирское зимовье, 23, 39, 47, 48
Индигирское Нижнее зимовье, 49, 66
Иртыш, река, 13, 16
Искер, столица Сибирского татарского ханства, 11

Калифорния, 88
Камчатка, 80, 90, 92, 94, 97
Канин нос, 46
Карское море, 6, 12
Кевроль, город, 10
Китай, 88
Колумбия британская, 89
Колыма, река, 24, 42, 47—52, 54, 55, 59, 61—67, 69, 71, 73, 75—79, 82—84, 87—92, 95, 97—101, 103—107, 110, 116, 118, 134, 136, 138—141, 154, 155
Коряцкая земля, 95
Крым, 68
Кута, река, 27

Лама, легендарная река, 56
Ламунские вершины, Охотский хребет, 43
Лена, река, 16—23, 25—27, 28, 31, 32, 33, 35, 41, 44, 45, 46, 48, 50, 51, 52, 54, 56, 59—61, 63, 64, 70, 72, 73, 87, 91, 104, 106, 154, 155
Ленский острог, 17 18, 20, 21, 22, 24—26, 30, 35—37, 75, 99, 107, 131, 132, 134, 135, 136, 138, 139, 141, 146—148, 150—152
Ленский волок, 41, 119
Лиссабон, столица Португалии, 89

Малый Моен, приток Анадыря, 81
Мангазея, земля и город, 10, 12—17, 26, 54, 144
Мая, река, 24, 82
Мезень, город, 10, 55, 68
Мексика, 88, 89
Молода, река, 22
Мома, приток Индигирки, 40, 44, 45, 133, 134
Москва, 26, 27, 34, 61, 87, 98, 103, 106, 108, 109, 112, 113, 118, 119, 120; 141, 144, 155
Мука, приток Лены, 50
Мыс Дежнева, 120

Нанабара, легендарная река, 99
Некука, приток Оленька, 116
Нерога, легендарная река, 46, 47
Нижне-Колымск, 52, 62—64, 69, 76, 78, 82—85, 99, 104, 134, 154
Новая Земля, 46, 55, 57, 73
Новосибирские острова, 118
Нугза, река, 71

Обь, река Западной Сибири, 6, 9, 12, 13, 16
Оймекон, приток Индигирки, 36, 40, 42, 43, 44, 45, 51, 106; 138, 139, 154
Олекма, правый приток Лены, 56
Олекминский острожек, 118
Оленек, река, 16, 20, 22, 23, 24, 70, 112, 113, 114, 116, 117, 142—144, 155
Оленекское зимовье, 112, 114, 116
Оленекский хребет, 113
Олюторский полуостров, 80, 92, 94
Омолоева губа, 104
Оргутская волость (Якутского воеводства), 37, 38, 154
Охота, река, 40, 42, 43, 44, 50, 51
Охотск 44, 82, 95, 105
Охотское море, 25, 49, 50, 91

Пенжина, река, 89, 94, 95, 105
Печора, река, 10
Пинега, река, 41, 58
Погыча, или Анадырь, река, 61, 65—67, 69, 71, 73, 77, 82, 83, 87, 99, 138

Польша, 69
Пустоозеро, город, 10, 68
Пясина, река и название тундры, 13, 114

Русская протока реки Колымы, 83

Святой нос, 100, 101
Симса, залив Восточно-Сибирского моря, 13
Соединенные Штаты Америки, 89
Соленые озера, 27
Сольвычегодск, город, 34
Среднее Колымское зимовье, 73
Средневилюйское зимовье, 37, 145, 153—155
Стадухинская протока реки Колымы, 52
Сухона, река, 10, 34

Таванка, река, 95
Таз, река, 12
Таймырский полуостров, 13
Тара, город, 11
Тарида, приток Оленька, 22
Тата, река, 36, 131, 154
Тобольск, главный город Сибири в XVII в., 11, 12, 15, 16, 33—35, 88, 109, 111, 119, 154
Томск, 15, 24
Тотьма, город, 34
Тоуй, река, 87, 95, 105
Тунгуска Верхняя, река, 17, 119
Тунгуска Нижняя, 13, 16, 17, 144, 116
Тунгуска Подкаменная, 13
Тура, река, 11
Туруханское зимовье, 13, 15
Турыжское зимовье, 143
Тюмень, город, 11

Увелен, селение на Чукотском полуострове, 79
Улья, река, 24, 42, 56, 87
Уральский хребет, 6, 9, 11
Урал, 10, 11, 31
Устьянское зимовье, 73, 82, 100, 119
Устюг Великий, город, 10, 33, 34, 112
Учур, река, 27

Фаддея, острова Восточно-Сибирского моря, 13

Хатангская губа, 113
Холмогоры, город, 10
Хрома, река, 60

Царьград (Константинополь), 68

Чаунская губа, 67, 77
Челдон, правый приток Яны, 22
Чукотский полуостров (Большой Чукотский нос), 21, 77—80, 83, 84, 87—92, 97, 98, 101, 106
Чукочья, река, 99

Шелагский мыс, 88
Шилка, река, 56

Юдома, река, 24
Юг, река, 34

Якутск, главный город воеводства, 15, 17, 19, 21, 23—28, 30, 35, 37—40, 41—44, 46, 50, 57, 59, 61, 63, 64, 66, 71—73, 85, 91, 92, 99—101, 103—109, 112, 113, 117—119, 131—133, 135, 139—145, 154, 155
Ямальский полуостров, 12
Яна, река, 21—24, 38—40, 55, 59, 64, 66, 73, 100, 110, 117, 118/154
Янский хребет, 23, 100, 118

БИБЛИОТЕКА
ГШ ВМС СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Сибирь в XVII веке 9
Глава II. Первые службы Дежнева 33
Глава III. Восточносибирские мореходы 54
Глава IV. Река Погыча 61
Глава V. Поход „по Великому морю-океану“ 74
Глава VI. Историческое значение плавания Дежнева . 86
Глава VII. На Анадыре 93
Глава VIII. Последние годы 108
Источники и примечания 121

Приложения:

Новые документы о Семене Дежневе 131
Даты жизни и деятельности Семена Ивановича Дежнева 154
Именной указатель 156
Географический указатель 163

Редактор *М. Б. Черненко*
Технический редактор *Е. Е. Соколов*

Сдано в производство 15/IX-48 г. Подписано к печати 30/IX-48 г. А08044. Объем 10,5 п. л. Уч.-изд. 8,95 л. Тираж 25000 экз. В 1 п. л. 34173 зн. Формат бумаги 82×108$^{1}/_{32}$ д. л. Цена 5 руб. Зак. 1132.

Отпечатано в типографии Издательства Главсевморпути, Москва.

ЦЕНА 5 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
1948